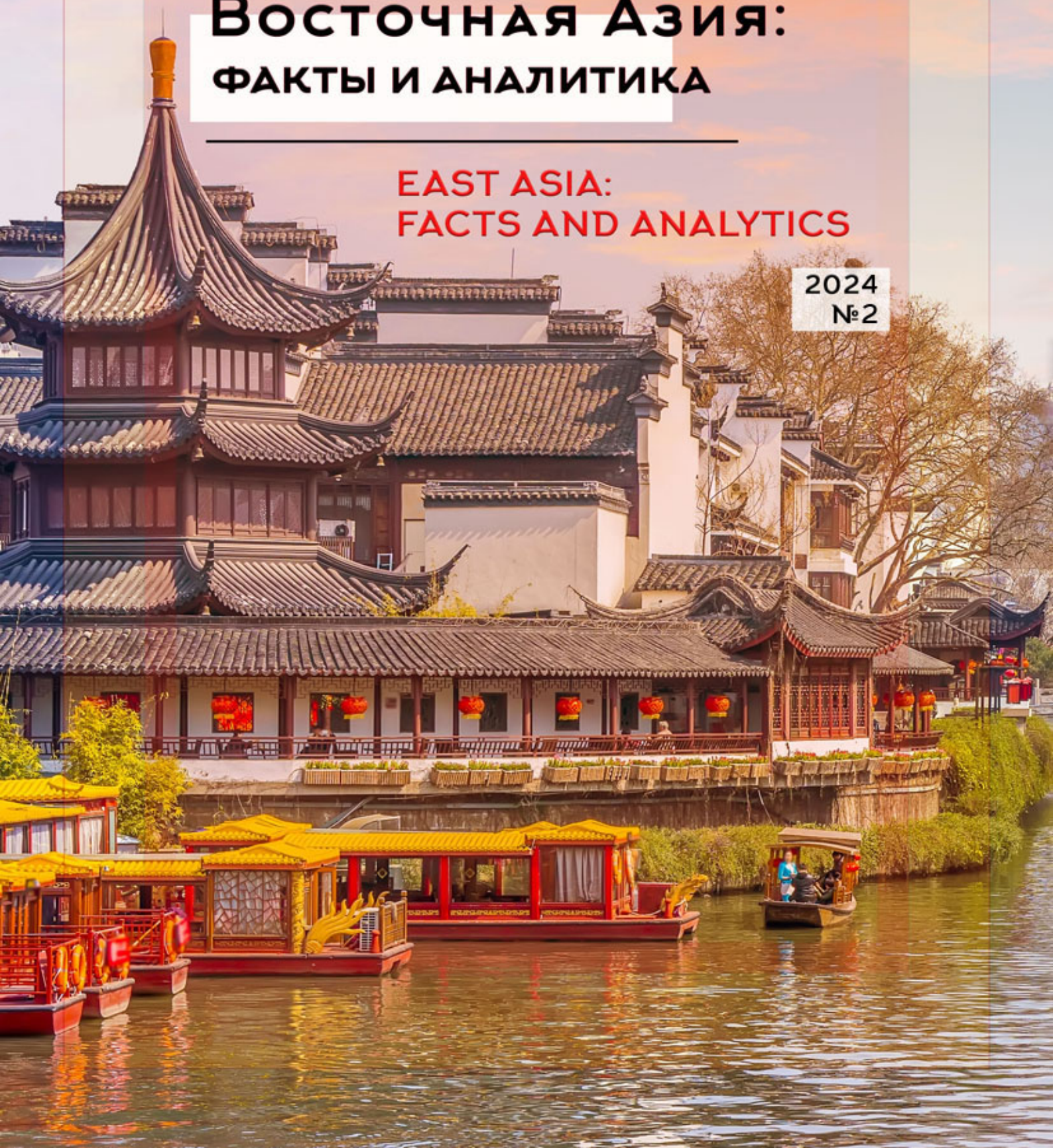

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2024
№2

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка», Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалев А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Такэда Масанао, проф. (Япония); Тэ Хван, проф. (Республика Корея).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Захлязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кобелев Е.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия).

Редакция: Кириченко М.А., Скворцова Е.М., Суркова Т.И., Цветкова А.А.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
- 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, end Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”, List of Higher Attestation Commission (HAC).
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V.Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Takeda Masanao (Japan), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (*Head of the Editorial Council*); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kobelev Evgeni V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaia Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Kirichenko Maria A., Skvortsova Elizaveta M., Surkova Tatiana I., Tsvetkova Anna A.

Scientific specialties and corresponding branches
of science for which academic degrees are awarded
(in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
- 5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology
of the Organisation for Economic
Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабаев К.В.

Роль Сибири и Дальнего Востока в «восточном повороте»
русской экономики..... 6

Кирюшина А.И.

Проблемы взаимодействия КНР и США в экономической
и гуманитарной сферах..... 20

Уянаев С.В.

Сотрудничество РФ и КНР в углеводородной сфере: взаимные интересы,
текущее состояние, перспективы..... 37

Портяков В.Я.

Зарубежная историография внешней политики КНР 47

Верченко А.Л.

Советско-китайское сотрудничество в области кинематографии в 1950-е годы 60

Белозёров В.В.

«Одна единица Фукуды» – японский плакат в СССР и современной России 73

Очерки

Кобелев Е.В.

Особенности вьетнамо-камбоджийских отношений в исторической
ретроспективе 94

Научная жизнь

Ким Ен Ун, Самсонова В.Г., Федюнина М.А.

XXVIII конференция корееведов России и стран СНГ 104

CONTENTS

Babaev K.V.

The Role of Siberia and Far East in the “Eastern pivot”
of the Russian economy 6

Kiryushina A.I.

Problems of economic and humanitarian cooperation
between the PRC and the US 20

Uyanaev S.V.

Cooperation between Russia and China in the hydrocarbon sector:
mutual interests, current state, prospects..... 37

Portyakov V.Ya.

Foreign Historiography of China's Foreign Policy 47

Verchenko A.L.

Soviet-Chinese Cooperation in Cinematography in the 1950s 60

Belozerov V.V.

“One Fukuda Unit” – Japanese poster in the USSR and contemporary Russia..... 73

Essays

Kobelev E.V.

The features of the Vietnamese-Cambodian relations
in the historical retrospect 94

Academic Life

Kim En Un, Samsonova V.G., Fediunina M.A.

The 28th conference of Russia and CIS Koreanists 104

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-6-19

Роль Сибири и Дальнего Востока в «восточном повороте» российской экономики

Бабаев Кирилл Владимирович¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье проанализированы основные проблемы и перспективы экономического развития российского макрорегиона Большой Сибири в контексте главного тренда российской внешнеэкономической деятельности последних лет – «поворота на Восток». В частности, освещаются трудности развития трансграничного сотрудничества дальневосточных регионов РФ с сопредельными регионами соседних стран – Китая, Монголии, КНДР; анализируются возможные пути их преодоления. Также описаны факторы, которые могут как способствовать ускоренным темпам экономического развития макрорегиона Большой Сибири, так и тормозить его. Статья имеет целью внести вклад в научный и экспертный дискурс по проблематике построения эффективных экономических отношений России с её восточными партнёрами в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Дальний Восток, Большая Сибирь, российско-китайские отношения, поворот на Восток, мировая экономика и международные отношения.

Автор: Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-5731-8667. E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабаев К.В. Роль Сибири и Дальнего Востока в «восточном повороте» российской экономики // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 6–19. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-6-19

The Role of Siberia and Far East in the “Eastern pivot” of the Russian economy

Babaev Kirill V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the main problems and prospects for economic development of the Russian macro-region of Greater Siberia in the context of the main trend in the Russian foreign economic activity in recent years – the “pivot to the East”. In particular, the difficulties of developing cross-border cooperation between the Far Eastern regions of the Russian Federation and the adjacent regions of neighboring countries – China, Mongolia, and North Korea are highlighted, and possible ways to overcome them are analyzed. The author also describes factors that can either contribute to the accelerated pace of

economic development of the macroregion of Greater Siberia, or slow it down. The article aims to contribute to the scientific and expert discourse on the issues of building effective economic relations between Russia and its eastern partners in the medium and long term.

Keywords: Far East, Greater Siberia, Russian-Chinese relations, pivot to the East, world economy and international relations.

Author: *Babaev Kirill V.*, DSc (Philology), Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5731-8667. E-mail: kbabaev@iccaras.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Babaev K.V. (2024). Rol' Sibiri i Dal'nego Vostoka v «vostochnom povorote» rossiyskoy ekonomiki [The Role of Siberia and Far East in the “Eastern pivot” of the Russian economy]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-6-19

Введение

В 2022–2024 гг. экономика России сделала резкий поворот на Восток, обусловленный началом украинского конфликта и созданием странами Европы искусственного «железного занавеса» на западных границах РФ. Основными факторами изменений и роста в российской экономике отныне стали взаимоотношения со странами Азии: прежде всего Китаем, но также государствами АСЕАН, Индией, Ираном, Турцией, арабскими странами Ближнего Востока.

Помимо других широких возможностей, которые открываются перед экономикой России в результате развития указанного тренда, следует прежде всего отметить новый уникальный шанс на ускоренное и динамичное развитие российской «Большой Сибири» – восточносибирских и дальневосточных регионов нашей страны, экономическое положение которых продолжало в последние десятилетия демонстрировать стагнацию или более чем умеренный рост. Трансграничные и межрегиональные связи Большой Сибири с Китаем и другими странами Азии, богатые возможности для привлечения инвестиций, новые логистические проекты коридора «Запад-Восток» и сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Пояс и путь» (ИПП) – всё это следует назвать теми основными условиями, которые будут обеспечивать развитие экономики Большой Сибири в средне- и долгосрочной перспективе.

Данная работа имеет целью показать сибирское измерение российского «поворота на Восток», его новейшую историю, основные перспективы развития и возможные проблемы на этом пути. Подобная тематика представляется чрезвычайно актуальной не только для анализа и прогнозирования развития российской экономики, но и в целом как повод для размышления в контексте идеи Большого евразийского партнёрства (БЕП), ставшей магистральным направлением российской внешнеэкономической политики в последние годы.

В то же время роль Большой Сибири в «восточном повороте» российской экономики пока не привлекала к себе большого внимания научного сообщества. Это особенно касается анализа российско-китайского трансграничного экономического сотрудничества в новых условиях и перспектив его развития в ближайшие годы. Таким образом, данная статья может претендовать на определённую новизну в разработке указанной темы и может быть полезной как для учёных-экономистов и регионоведов, так и в целом для специалистов по мировой экономике и международным отношениям.

Развитие Большой Сибири в контексте «поворота на Восток»

Одним из бесспорных преимуществ стратегии «восточного поворота» для России является её позитивный эффект для развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Их ускоренная модернизация и повышение темпов экономического роста – цели, которые ставили себе все правительства России, начиная ещё с XIX в., однако диспропорции в темпах развития между Европейской Россией и Большой Сибирью по-прежнему очень велики. В течение трёх десятилетий, прошедших с распада Советского Союза, экономический и демографический тренды в Сибирском макрорегионе оставались стабильно отрицательными, в том числе и потому, что иностранные инвестиции, шедшие в основном с Запада, преимущественно оседали в европейской части страны и редко доходили до Сибири и Дальнего Востока. Масштабные вложения в модернизацию добычи полезных ископаемых, развитие железнодорожного, автомобильного и трубопроводного транспорта, строительство современной городской среды и новых промышленных узлов – все эти задачи остаются чрезвычайно актуальными и сегодня.

Успешность внутреннего социально-экономического развития данных регионов напрямую связана с эффективностью общей стратегии сближения с Азией. К тормозящим факторам модернизации Сибири и Дальнего Востока, как известно, относятся сложные природно-климатические и территориально-температурные характеристики. Огромные, слабо связанные с центром России территории, вечная мерзлота, лесные пространства и недостаток инфраструктуры делают освоение этого пространства сложной и высокочатной задачей. Новейшие исследования российских учёных на основе комплексного анализа макроэкономических, географических, природно-климатических, транспортных, геополитических факторов дают убедительные и перспективные, на наш взгляд, разработки и подходы по преодолению этого «континентального проклятия» [Вопросы географии 2022: 155–159, 211, 277–279]. Изучение исторического опыта 400-летнего взаимодействия российского Дальнего Востока с азиатскими странами, формирование трансграничных зон взаимодействия с соседними народами показывают, что именно в этом состоит залог успеха развития удалённых от центра регионов нашей страны.

Логика будущего развития Большой Сибири вполне смыкается с политикой, проводимой сегодня в Китае – крупнейшем торговом партнёре России. КНР столь же остро заинтересована в развитии региона Дунбэй – своего Северо-Востока, ранее известного как Маньчжурия. Относящиеся к данному обширному региону провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин считаются наименее развитыми в восточной части Китая, и правительство КНР проводит политику их ускоренного развития. Эта цель хорошо согласуется с задачами развития российского Дальнего Востока. В сентябре 2023 г., когда во Владивостоке президент России говорил о необходимости развития инфраструктуры Дальневосточного федерального округа, с другой стороны границы председатель КНР Си Цзиньпин инспектировал северные районы провинции Хэйлунцзян¹, призывая к реструктуризации её экономики и взаимодействию с Россией. Китайская и российская экономики становятся всё более комплементарными с точки зрения торговли, и это открывает возможности прежде всего для регионов Большой Сибири, куда китайские компании готовы приходить для

¹ Си Цзиньпин провёл инспекцию провинции Хэйлунцзян. *Большая Азия*, 10.09.2023. URL: <https://bigasia.ru/si-czjinpin-provyol-inspekcziju-provinczii-hejlunczyan/> (дата обращения: 01.02.2024).

осуществления своих торговых и инвестиционных проектов в области сельского хозяйства, энергетики, лесопереработки, добычи ископаемого сырья, нефте- и газопереработки, транспорта и логистики.

Руководство дальневосточных регионов и провинций Северо-Востока Китая регулярно проводит встречи, конференции, совместные выставки для осуществления практического взаимодействия предприятий обеих стран. И в Москве, и в Пекине трансграничное сотрудничество воспринимается как один из основных инструментов развития смежных приграничных регионов, и для обоих государств нынешний тренд на расширение взаимодействия – уникальный шанс придать импульс модернизации этих регионов ускоренными темпами.

В условиях, когда основные торговые потоки переориентируются на восточные границы страны, Сибирь и Дальний Восток становятся уже не декларативным, а настоящим хабом, торгово-экономическим и транспортным узлом для сотрудничества России с Китаем и другими странами АТР. Динамичный рост торговли неизбежно влечёт за собой развитие инфраструктуры, притягивая в регион рабочую силу, научно-технологические ресурсы.

Можно надеяться уже в краткосрочной перспективе и на увеличение инвестиционного потока в регионы Сибири и Дальнего Востока. И речь здесь может идти как об иностранных вложениях в добывающее и обрабатывающее производство, о локализации производства товаров азиатскими компаниями на территории России, так и о масштабных инвестициях российских корпораций в производство, товары которых будут востребованы на восточных рынках.

Хорошим примером нового витка освоения Дальнего Востока является Амурский газохимический комплекс (АГХК) – совместный проект российской СИБУР и китайской Sinopec по производству полиэтилена и полипропилена. Комплекс будет получать этан и сжиженные углеводородные газы Амурского ГПЗ, введённого в строй Газпромом. После запуска в 2026 г. он будет призван стать одним из крупнейших в мире производств базовых полимеров. Ожидается, что производственная мощность комплекса составит до 2,7 млн т готовой продукции в год. Это продукция жизненно важных отраслей, востребованная и на Дальнем Востоке, и в других регионах России, а также в Китае, для строительства, энергетики, ЖКХ, сельского хозяйства, производства товаров массового потребления, медицинских материалов и оборудования, химической промышленности, авиа- и автомобилестроения. Проект сыграет важную роль и в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Амурской области. К примеру, на этапе строительства он обеспечит свыше 25 тыс. новых рабочих мест, 885 высокотехнологичных рабочих мест на этапе эксплуатации, около 5 тыс. дополнительных мест в смежных отраслях. За счёт Амурского ГХК ожидается увеличение экспорта несырьевых товаров (4,6 трлн руб. к 2040 г.) и рост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней (227 млрд руб.)².

Этот и другие мегапроекты, которые могут быть запущены на российском Дальнем Востоке, дополняются трансграничной торговлей и кооперацией среднего и малого бизнеса – прежде всего с КНР, также заинтересованной в развитии своих северо-восточных провинций, примыкающих к российской границе.

² Амурскому ГХК удалось решить проблемы с оборудованием, вызванные санкциями. *Интерфакс*, 13.09.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/920621> (дата обращения: 20.12.2023).

К 2020 г. большая часть учёных в рамках дискуссии о формах и направлениях федеральной дальневосточной политики пришла к консенсусу в том, что геостратегическое значение Дальнего Востока как пути в АТР с каждым годом возрастает, но при этом социально-экономические проблемы восточной части России сохраняются и усиливаются, что основные методы развития региона – это точечная, выборочная модернизация его приоритетных отраслей, создание новых индустриальных направлений на основе кооперации государственного и частного предпринимательства [Волынчук 2020: 62–63]. Подчёркивается, что процесс «поворота России на Восток», как зеркало, отражает сложный характер перехода от парадигмы комплексного развития производительных сил региона к пространственной экономике [Ващук 2018: 38].

В сентябре 2020 г. было опубликовано распоряжение председателя правительства М.В. Мишустина об утверждении «Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.»³, дающей надежду на административно-политическую материализацию проектов освоения региона и начало большой практической работы. Мобилизационные условия развития российской экономики после 2022 г. стали дополнительным триггером для модернизации Сибири и Дальнего Востока, ускорения поворота как во внутрироссийской, так и во внешней восточноазиатской политике.

Огромную роль в этом должен сыграть Северный морской путь (СМП), в развитии которого сегодня заинтересованы именно восточные и южные партнёры России – прежде всего Китай и Индия, но также страны АСЕАН, Южная Корея и Япония. Налаживание бесперебойных поставок по СМП невозможно без строительства всех видов инфраструктуры в приморских регионах Дальнего Востока и севера Сибири. Следовательно, интенсификация торговых связей между Россией и её азиатскими соседями автоматически станет стимулом для опережающего развития восточных регионов нашей страны.

«Поворот на Восток» способен преобразить не только экономический ландшафт Большой Сибири, но и её самосознание. Сибирский «плавильный котёл», в котором за сотни лет русские, украинцы, татары перемешались с десятками местных народов, сформировал относительно новый этнопсихологический тип сибиряка, генетически вобравшего опыт и память российской и азиатской истории, от монгольских воинов до русских казаков. Русские переселенцы стремились сюда не в последнюю очередь для того, чтобы выйти из-под контроля правительства, иметь возможность жить самостоятельно. В результате за 400 лет с момента появления в Сибири первых казачьих отрядов здесь сложилось своеобразное сибирское сообщество, которое всегда ощущало себя несколько независимо от центра как в экономическом, так и в политико-идеологическом плане. В раннее постсоветское время это ощущение самодостаточности даже переросло в отдельные сепаратистские настроения.

У сибиряков и дальневосточников иное восприятие Азии – не как далёкой окраины, а как части близкого им мира, внутри которого они жили веками и в котором остаются сегодня. Ведущие сибирские политологи, экономисты и социологи предлагают рассмотреть вопрос о новых границах Сибири. Речь идёт не о пересмотре или корректировке официальных

³ Дальнему Востоку прописали нацпрограмму: что в ней такого. *Рамблер*, 13.10.2020. URL: <https://finance.rambler.ru/other/45003340-dalnemu-vostoku-propisali-natsprogrammu-chto-v-ney-takogo/> (дата обращения: 12.08.2023).

административных линий разделения субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а об уточнении политико-экономических границ и акцентировании на расположении Сибири как ядра российской Евразии. Это стремление основано на мнении, что исторически вокруг Сибири сложились своеобразные окраины – территории Дальнего Востока, Приморья, Забайкалья и Северо-Востока России, которые традиционно ориентируются на внешние азиатско-тихоокеанские рынки. Сибирь территориально и функционально выглядит как мегарегион, идеологически объединяющий ряд регионов от Екатеринбурга до Владивостока в единое целое [Супрун 2018].

При этом сам «восточный поворот» по-разному воспринимается в российских центральных и дальневосточных регионах. Западные культурно-цивилизационные ценности вплоть до недавнего времени держали московско-петербургские элиты на прочной «европейской цепи»⁴. Сегодня эта тенденция развернулась, что позволяет сблизить позиции деловых и политических элит в Москве, Новосибирске и Владивостоке.

Помимо идеологических нестыковок существуют и ведомственные, отраслевые несовпадения в плане подходов и приоритетов в реализации «поворота». Каждое предприятие и корпорация исходит из прикладных целей, продвигая через свои механизмы тот или иной проект, ту или иную транспортно-маршрутную логистику. Очевидно, что проблему эффективности «поворота» в современной России можно решать в основном административно-государственными методами, в том числе путём реформирования профильных структур и механизмов.

Местные специалисты отмечают, что социальная среда и условия жизни на Дальнем Востоке, несмотря на серьёзные финансовые усилия центра, остаются менее комфортными и привлекательными, чем в центральных областях России, поэтому жители региона реагируют на эту несправедливость преимущественно ногами. При этом они, несомненно, поддерживают планы правительства по сотрудничеству со странами АТР и готовы налаживать взаимодействие со всеми соседями. Безусловным приоритетом сегодня является Китай [Ларин 2020: 17–19, 21, 25].

В ноябре 2020 г. в условиях борьбы с пандемией COVID-19 была запущена необходимая реформа российских институтов развития в плане их сокращения и оптимизации, коснувшаяся и дальневосточных структур. В результате усилилась госкорпорация «ВЭБ.РФ», вобравшая ряд проектов и институтов, которая в тандеме с курирующим данный регион Ю.П. Трутневым представляет влиятельную административно-финансовую «ось» нынешнего развития региона. Усилились ресурсы влияния Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, а также российско-китайской Межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. Особенность влияния этих институтов связана с возможностью эффективного использования обновлённых механизмов для развития как сибирско-дальневосточных регионов, так и российско-китайских трансграничных связей [Лузянин 2022].

Таким образом, Сибирь и Дальний Восток являются важнейшей частью российского проекта «поворота на Восток». Территории восточнее Урала из транзитных зон поставок сырья и транспортных коридоров постепенно превращаются в активных субъектов

⁴ Караганов С.А., Лихачёва А.Б. Почему буксует «поворот на Восток» и как это исправить? *Россия в глобальной политике*, 16.10.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-buksuet-povorot/> (дата обращения: 07.02.2021).

российской экономической политики. Стратегия «сшивания» сибирско-дальневосточных регионов, инвестиционная и социальная активность меняют приоритеты и содержание «поворота», который из внешнего, азиатского, одновременно становится и внутренним, российским. Экспертное осмысление идеи сибирско-дальневосточного «востокоцентризма» объективно работает на обе повестки, усиливая целостность, геополитическую и экономическую логику развития региона [Лузянин 2022].

Дальневосточный фактор в российско-китайском сотрудничестве

Уже в 1990–2000-е гг. доктрина об усилении роли российского Дальнего Востока в АТР осуществлялась в рамках идей взаимодействия тихоокеанской России с соседним азиатским миром, включая использование дополнительных возможностей экономической интеграции дальневосточных регионов, прежде всего, с Китаем [Зуенко, Савченко 2023; Ларин 2020; Александрова 2016; Меламед, Прокопьева 2013]. На дальневосточных землях исторически существовали торговые контакты между двумя великими цивилизациями Евразии, причём не только на государственном уровне, но и между предпринимателями и простыми гражданами. В XIX в. эти контакты достигли такой степени интенсивности, что в приграничной зоне возник даже особый язык – кяхтинский пиджин, созданный для повседневного торгового общения на основе русской лексики и более простой китайской грамматики [Попова, Таката 2017]. Не менее интенсивным было приграничное сотрудничество в «десятилетие дружбы» между СССР и КНР в 1950-е гг.

Для современного Китая прикладной спектр российского «восточного поворота», особенно в соседних с ним сибирско-дальневосточных регионах, во многом связан с возможностью использования гидроресурсов и минеральных ресурсов, созданных Россией территорий опережающего развития (ТОР) и обновлённого статуса и инфраструктуры свободного порта Владивосток (СПВ). Российское руководство, как известно, в 2015–2017 гг. запустило первые 12 ТОР и СПВ в качестве преференциальных зон, к 2022 г. доведя их количество до 23. Основные параметры и отраслевая специфика каждого ТОР были представлены достаточно широко: от туризма, агробизнеса, горнодобычи, транспорта и логистики до морских биоресурсов, рассчитанных как на внутренний российский, так и иностранный/китайский капиталы [Новосёлова 2018: 5–15, 22, 24].

Частично данная инициатива себя оправдала: на Дальний Восток, кроме иностранных компаний, пришли и российские госкорпорации, появились новые проекты в сферах агробизнеса, инфраструктуры, переработки углеводородов и др. Однако главная цель – массовое привлечение иностранных, в первую очередь китайских, инвестиций – к 2023 г. не была достигнута.

Российско-китайский инвестиционный индекс, разработанный и представленный ИКСА РАН в марте 2024 г. в сотрудничестве с инвестиционной компанией A1, наглядно показывает, что именно дальневосточные регионы в ближайшее время будут удерживать пальму первенства в привлечении инвестиций из КНР⁵. Тем не менее, для того чтобы это произошло, необходимо устранение ряда существенных барьеров, негативно влияющих сегодня на динамику китайских инвестиций.

⁵ Российско-китайский инвестиционный индекс. Q1 2024. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/34c04537.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

Китайские предприниматели обычно выделяют четыре основные группы рисков для развития своего бизнеса на российском Дальнем Востоке:

- 1) противоречивая регуляторная база и судебная система;
- 2) высокие налоги и необоснованные сборы;
- 3) неэффективное государственное управление, громоздкие процедуры и длительные циклы оформления проектов;
- 4) слабо развитая инфраструктура⁶.

Ключевой проблемой для китайской и российской сторон является определение оптимального соотношения экономической открытости и защиты локального производства приграничных районов Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР.

Сдерживающим фактором для России в этом смысле остаётся сильная асимметрия экономических потенциалов РФ и КНР в пользу последней, которая, в свою очередь, проецируется на некоторую экономическую асимметрию регионов Сибири и Дальнего Востока и провинций Северо-Востока КНР. Это объективное препятствие, которое пока не позволяет российской стороне либерализовать свои торгово-экономические границы, создавать полноценные преференциальные режимы в виде зон свободной торговли с КНР. При этом речь не идёт о какой-либо китайской экспансии и заселении восточных территорий России – фантомных опасениях многих псевдоэкспертов по Китаю. Дальневосточные учёные отмечают, что более половины местного населения не воспринимает китайское демографическое и экономическое превосходство как угрозу или вызов, сознавая при этом культурную несхожесть двух народов, непростую историю приграничных отношений [Ларин 2020: 13–16, 21, 26–27].

Особенностью трансграничных региональных российско-китайских связей в последнем десятилетии были регулярные попытки Москвы и Пекина напрямую состыковать развитие приграничных субъектов российского Дальнего Востока и регионов Северо-Восточного Китая в рамках единой стратегии кооперации и со-развития. В 2009 г. была принята «Программа сотрудничества между Северо-Востоком Китая и российским Дальним Востоком на 2009–2018 гг.», а на Восточном экономическом форуме в 2018 г. во Владивостоке была официально запущена новая «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018–2024 гг.».

Формально обе программы выглядели как продолжение единой стратегии трансграничной кооперации, и основные направления документов казались вполне логичными и необходимыми. В первую программу 2009–2018 гг. была заложена идея интеграции смежных территорий, создание зон опережающего развития, строительство трансграничных высокоскоростных магистралей, совместное освоение Большого Уссурийского острова и пр. При этом в ней были и слабые места, связанные с некоторыми завышенными ожиданиями обеих правительств от регионального сотрудничества, переоценкой своих возможностей. В результате примерно 70 % из списка планируемых 212 совместных проектов, большую часть которых предполагалось осуществить на российских территориях, не было реализовано. В новую программу 2018–

⁶ 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险 [Инвестиции и риски китайских предприятий на Дальнем Востоке России]. URL: <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html> (дата обращения: 21.07.2020). (На кит.).

2024 гг. были внесены соответствующие корректировки, а уровень подписантов был снижен с высшего государственного до глав профильных ведомств двух стран [Лузянин 2021: 7–9].

Причины невыполнения российской части первой программы, на наш взгляд, заключались не столько в недостаточности финансовых ресурсов, сколько в неготовности региональных и федеральных властей максимально открываться Китаю на уровне приграничного сотрудничества. Вопрос о пределах взаимной открытости российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР остаётся сложным, неоднозначным, чувствительным и сегодня. По этой проблеме пока нет единого подхода и в российском правительстве, и в экспертном сообществе.

С китайской стороны причины слабой реализации первой программы также не связаны с недостаточностью финансовых ресурсов или нежеланием Пекина переходить к совместному развитию приграничных территорий. Истинная причина кроется в фактической альтернативности китайского подхода российскому в сфере регионального развития. Китайская сторона нацелена на строительство инфраструктуры и расширение импорта необработанного российского сырья, тогда как Россия больше внимания пытается уделять проектам, связанным с обрабатывающими отраслями промышленности, и локализации на своей территории совместных российско-китайских производств с высокой добавленной стоимостью, включая сферу высоких технологий. Так, китайские исследователи полагают, что базовая, «методологическая» причина того, что программа 2009–2018 гг. была выполнена только на четверть, заключалась в несовпадающих подходах сторон к реализации ключевых проектов⁷.

С другой стороны, исходя из изменения структуры китайского потребления, частичного отказа в Китае от агрессивного экспорта и реалий новой официальной стратегии Си Цзиньпина о «двойной циркуляции», предполагающей опору на внутренний китайский рынок, нецелесообразно полностью отменить другие новации, варианты постепенной либерализации региональной кооперации и создание российско-китайских зон свободной торговли.

Очевидно, что проблема возможной либерализации российско-китайского торгового взаимодействия требует дополнительного изучения, включая новые правовые, финансовые и ценовые реалии, формирующиеся в двустороннем сотрудничестве. Например, девальвация рубля в 2023 г. объективно меняет сравнительную себестоимость российских и китайских товаров. Фактически происходит их ценовое выравнивание, многие группы российских товаров становятся более конкурентными. Имеется также позитивный и взаимовыгодный двухлетний опыт деятельности зоны свободной торговли в Харбине, ориентированной исключительно на онлайн-формат и трансграничную кооперацию [Лузянин 2022: 11].

Противоречивой остаётся инвестиционная картина китайского присутствия на Дальнем Востоке в последние годы. По данным экспертов, в Дальневосточном федеральном округе, включая ТОР и зону порта Владивосток, в 2021 г. реализовывалось 45 инвестпроектов, в которые китайский бизнес вложил около 1,8 млрд долл. Это примерно 63 % от всех иностранных инвестиций в ДВФО [Лузянин 2022: 7–8, 10].

⁷ Фэн Шаолэй, Цуй Хэн. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. *Россия в глобальной политике*, 30.09.2019. URL: https://www.globalaffairs.ru/articles/razvitie-dalnego-vostoka-i-kitajsko-rossijskie-otnosheniya-novoe-videnie-i-novye-podhody/#_ftn4 (дата обращения: 30.03.2024).

В 2021 г., несмотря на значительный рост российско-китайской торговли (до 35 %), включая трансграничные секторы, китайская инвестиционная активность не возросла, а по отдельным проектам даже снизилась, уступив первое место японским инвестициям. Одновременно годы пандемии фактически обнулили китайское миграционное (трудовое) и туристическое присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом выяснилось, что Дальний Восток прекрасно обходился без китайской рабочей силы и туристов, восполнив этот дефицит из самой России⁸.

Введение российских ограничений на экспорт необработанного леса с 1 января 2022 г. запустило процесс очищения Дальнего Востока от теневого российско-китайского бизнеса в этой чувствительной сфере. За десятилетия в приграничных районах Северо-Востока Китая сложилась целая отрасль по переработке «серого» леса, включая сеть деревообрабатывающих и бумажно-целлюлозных предприятий. Очевидно, что местные китайские власти и предприниматели не заинтересованы в сокращении своего бизнеса и создании совместных предприятий по деревообработке в Сибири и на Дальнем Востоке, на чём настаивает российская сторона. Возможно, что решение «лесного вопроса» на взаимовыгодных условиях станет одним из непростых пунктов региональной российско-китайской повестки ближайших лет [Лузянин 2022].

До начала конфликта на Украине российско-китайская транспортная логистика формировалась десятилетиями в рамках отработанных схем поставок грузов. В приграничных китайских провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь реализовывались свои внутренние региональные программы развития путей и коридоров, привязанные к трёхстороннему проекту «Экономический коридор Россия – Монголия – Китай» и в более широком контексте к проекту ИПП. Фактически обе региональные программы соседних провинций работали на оживление и модернизацию ранее запущенных инфраструктурных, инвестиционных и транзитных проектов двух государств.

Активно развивались российские транспортные проекты «Приморье-1» и «Приморье-2», предполагающие доставку китайских грузов в дальневосточные порты (Владивосток, Восточный, Зарубино) и отправку их как в китайские порты Шанхай и Нинбо, так и в страны Восточноазиатского региона, развитие железнодорожного транзита Владивосток – Суйфэньхэ – Харбин – Маньчжоули – Транссиб [Лузянин 2021: 7, 11].

Особняком стоит вопрос расширения преференциальной зоны р. Туманная (кит. Тумэньцзян, кор. Туманган), где географически стыкуются Россия, Китай и КНДР. В последние годы китайская сторона активизировала усилия по исполнению ст. 9 советско-китайского соглашения о границе от 16 мая 1991 г., которая в рамочном порядке предусматривает возможность плавания судов под флагом КНР по р. Туманной на 17-километровом участке ниже стыка на ней границ КНР, КНДР и РФ, вплоть до устья, «с выходом в море и обратно». Китай не перестаёт рассматривать данное положение как юридическое обоснование возможности для своих судов непосредственного выхода в Японское море, в том числе говорит о проектах проведения на р. Туманной соответствующих гидротехнических работ и строительства здесь большого речного порта.

⁸ Зуенко И.Ю. Без китайцев. Как пандемия меняет сельское хозяйство Дальнего Востока. URL: <https://www.carnegie.ru/commentary/83423> (дата обращения: 10.12.2020).

Российская и северокорейская позиции по данному вопросу более осторожны. В частности, существует некоторая юридическая расплывчатость ст. 9 соглашения, где возможность плавания судов КНР, по сути, определяется лишь рамочно, не говорится о каком-либо особом праве китайской стороны или беспрепятственности её действий, подчёркивается, что «конкретные вопросы», связанные с судоходством, «будут урегулированы по согласованию между заинтересованными сторонами».

Помимо этого, существуют и объективные недостатки проекта судоходства в нижнем течении Туманной. С учётом мелководья, изменчивости русла, топких берегов для масштабного судоходства и портового строительства требуются крупные инженерные работы, которые невозможны без нанесения серьёзного ущерба особо охраняемым прилегающим территориям РФ (Хасанский природный парк, граничащий с Дальневосточным морским заповедником).

Пхеньян, в свою очередь, также не заинтересован в запуске свободного судоходства от устья р. Туманной до стыка трёх границ. Ведь в этом случае потенциал его собственных проектов по организации китайского транзита к морю, прежде всего к портам Раджин и Сонбон, а значит, и бонусы для параллельного транспортного и иного развития соответствующих регионов страны так и не воплотились бы в реальность. К тому же советско-северокорейский договор 1985 г. о режиме государственной границы ничего не говорит о плавании по р. Туманной судов каких-либо третьих стран: напротив, раздел 5 ст. 26 определяет, что «положение и направление главного русла пограничной реки Туманная должно по возможности сохраняться в неизменном состоянии». Договор также предусматривает, что возведение новых мостов, дамб, других гидротехнических сооружений может «производиться только по взаимному соглашению Договаривающихся Сторон». Это значит, что без санкции РФ невозможна реконструкция «Моста Дружбы» между российским и северокорейским берегами, а без увеличения его высоты (ныне 7 м) невозможен и проход сколько-нибудь крупных судов.

В противовес судоходству по р. Туманной как проекту, требующему больших затрат при негарантированных результатах, китайская сторона могла бы рассмотреть преимущества и потенциал развития проектов «Приморье-1» и «Приморье-2», способных сделать для Китая выход к Японскому морю через российские порты столь же коротким, при этом логистически и финансово привлекательным. На основе уже имеющихся начальных ТЭО и дорожных карт можно весьма быстро наладить грузопоток из провинций Хэйлуцзян и Цзилинь в порты Зарубино, Посьет и Славянка, рост которого попутно стимулировал бы инвесторов к модернизации российской портовой инфраструктуры.

В 2022 г., после резкого усиления западных антироссийских санкций, российско-китайская транспортная сибирско-дальневосточная логистика и кооперация радикально обновляются с учётом общей переориентации российского экспорта на Восток, растущим валом импортных перевозок из Китая, с которым недостаточно справляется транспортно-портовая и сухопутная инфраструктура российского Дальнего Востока. Остро встаёт вопрос о создании на Дальнем Востоке российского контейнерного флота, новых транспортных переходов, модернизации автомобильных и железнодорожных путей. В ноябре 2023 г. Президент России дал ряд поручений по итогам ВЭФ, среди которых, в частности, стоят задачи развития транспортно-логистической сети, а также создания в ДВФО зоны с особым

статусом, где будет применяться упрощённый порядок привлечения российских и зарубежных инвестиций для развития высокотехнологичных проектов⁹.

Основное увеличение морских товарных потоков, идущих из КНР, приходится на порты Восточный, Владивосток и Зарубино. Суммарная способность по приёму и дальнейшему транзиту составляет примерно 1,5 млн стандартных контейнеров в год. В ближайшие годы эта цифра может возрасти до 3,5–4 млн. Одновременно значительно усиливается нагрузка на погранпереходы и железнодорожные сети, в первую очередь на Транссиб.

Между Россией и Китаем в настоящее время действует 24 пограничных перехода, включая четыре железнодорожных (Гродеково, Махалино, Камышевая, Нижнеленинское – Тунцзян). 27 апреля 2022 г. был запущен новый железнодорожный мост через Амур (Нижнеленинское – Тунцзян), который сократил расстояние из пров. Хэйлунцзян до Москвы на 700 км и время в пути на 10 часов. В сентябре 2023 г. было принято решение о строительстве нового железнодорожного моста Джалинда – Мохэ, законсервированного в начале 2000-х гг. Новый погранпереход позволит сократить путь грузов по Транссибирской и Байкало-Амурской магистралям более чем на 2 тыс. км¹⁰.

Российско-китайское трансграничное пространство по сравнению с другими соседями РФ остаётся ведущим как в плане приграничной торговли, так и с точки зрения возможностей для совместных инвестиционных проектов. Стратегия «поворота на Восток» предусматривает углубление существующих и создание в ближайшее время новых преференциальных зон регионального взаимодействия с Китаем. Однако здесь риск «одной корзины» также присутствует. России выгодно развивать региональное сотрудничество и с другими восточноазиатскими государствами – странами АСЕАН, Монголией, КНДР и Южной Кореей, с которыми нет столь значительного экономического дисбаланса, как с КНР. Подобный подход не ослабляет российско-китайское стратегическое партнёрство, а усиливает общую диверсификацию российского международного развития, его многовариантность и тактическую гибкость с учётом объективных реалий и потенциальных вызовов.

Заключение

Мы рассмотрели основные аспекты и перспективы развития макрорегиона Большой Сибири, включающей восточносибирские и дальневосточные регионы России, в контексте происходящего «поворота на Восток» российской экономики. Можно ожидать, что в ближайшее время в результате согласованной политики российского и китайского правительств, региональных властей, а также деловых сообществ обеих стран динамика этого развития выйдет на более высокий уровень, тем самым сделав реальностью мечты, восходящие ещё к идеям П.А. Столыпина и С.Ю. Витте, о мощном российском Дальнем Востоке и его важной роли в новом, стремительно растущем АТР.

«Восточный поворот» – это уникальный шанс России наконец поднять на новую высоту Дальний Восток и Сибирь, сбалансировать социально-экономическое развитие этих богатых регионов с европейской частью страны, решить задачу полноценного освоения огромного потенциала, который содержит в себе Северо-Восточная Азия.

⁹ Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума. *Президент России*, 11.11.2023. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/72740> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁰ Международный мост Джалинда – Мохэ сократит путь по БАМу и Транссибу более чем на 2 тыс. км. *TACC*, 15.09.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15755311> (дата обращения: 01.02.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александрова М.В.* Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // КНР: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 221–254.
- Вацук А.С.* Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 30–45.
- Волынчук А.Б.* Особенности дальневосточной региональной политики: новые подходы и старые проблемы // Фундаментальные исследования. 2020. № 11. С. 59–63.
- Вопросы географии. Сб. 154: Преодоление «континентального проклятья»: будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. 525 с.
- Зуенко И.Ю., Савченко А.Е.* Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы). М.: МГИМО-Университет, 2023. 362 с.
- Ларин В.Л.* «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 9–27.
- Лузянин С.Г.* Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке (в преддверии Восточного экономического форума-2021) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 5–13.
- Лузянин С.Г.* Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 5–14.
- Меламед И.И., Прокопьева М.С.* Восточная политика России и развитие восточных территорий РФ // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 43. С. 27–39.
- Новосёлова Л.В.* Дальний Восток России: территория опережающего развития // Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 4–28.
- Сибирь как мега-регион: параметры и цели / Под ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. 192 с.
- Словари кяхтинского пиджина / Пер. с кит., публикация, транскрипция, исследование и приложения И.Ф. Поповой и Таката Токио. М.: Наука – Вост. лит., 2017 (Памятники письменности Востока, CL). 603 с.

REFERENCES

- Aleksandrova M.V. (2016). Rossiysko-kitayskoye mezhregional'noye i prigranichnoye sotrudnichestvo: novyye tendentsii i problemy [Russian-Chinese interregional and cross-border cooperation: new trends and challenges]. In: *KNR: politika, ekonomika, kul'tura [People's Republic of China: politics, economics, culture]*. Moscow: IDV RAN, pp. 221–254. (In Russian).
- Larin V.L. (2020). «Kitayskaya ekspansiya» v vostochnykh rayonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza ["Chinese expansion" in the eastern regions of Russia at the beginning of the XXI century through the prism of comparative analysis]. *Sravnitel'naya politika [Comparative politics]*, 11 (2): 9–27. (In Russian).
- Luzyanin S.G. (2021). Kak rabotat' s Kitayem na nashem Dal'nem Vostoke (v preddverii Vostochnogo ekonomicheskogo foruma-2021) [How to work with China in our Far East (on the eve of the Eastern Economic Forum-2021)]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, 6: 5–13. (In Russian).
- Luzyanin S.G. (2022). Dal'nevostochnoye izmereniye rossiyskogo povorota na Vostok. Zakroyet li Kitay sanktsionnyye «breshi» Rossii? [The Far Eastern dimension of Russia's turn to the East. Will China close Russia's sanctions gaps?]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, 6: 5–14. (In Russian).
- Melamed I.I., Prokop'yeva M.S. (2013). Vostochnaya politika Rossii i razvitiye vostochnykh territoriy RF [The Eastern policy of Russia and the development of the eastern territories of the Russian

- Federation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice], 43: 27–39. (In Russian).
- Novoselova L.V. (2018). Dal'niy Vostok Rossii: territoriya operezhayushchego razvitiya [The Russian Far East: the territory of advanced development]. In: *Problemy trgovno-ekonomicheskogo sotrudnichestva rossiyskogo Dal'nego Vostoka i Severo-Vostoka Kitaya* [Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and the Northeast of China]. In 2 books. Book 2. Ex. editor A.V. Ostrovskiy; compiler P.B. Kamennov. Moscow: IDV RAN, pp. 4–28. (In Russian).
- Vashchuk A.S. (2018). Dal'nevostochnaya politika postsovetsoy Rossii v kontse XX – nachale XXI v.: kontseptsii, ekspertnyye mneniya i tochki zreniya publitsistov [Far Eastern policy of post-Soviet Russia at the end of the 20th – beginning of the 21st century: concepts, expert opinions and publicists' points of view]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], vol. 10, 3/1: 30–45. (In Russian).
- Volynchuk A.B. (2022). Osobennosti dal'nevostochnoy regional'noy politiki: novyye podkhody i staryye problemy [Features of the Far Eastern regional policy: new approaches and old issues]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research], 11: 59–63. (In Russian).
- Voprosy geografii* [Geography issues] (2022). Sb. 154: Preodoleniye «kontinental'nogo proklyat'ya»: budushcheye Sibiri [Col. 154: Overcoming the "continental curse": the future of Siberia]. Ex. editors V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper. Moscow: Media-PRESS, 525 p. (In Russian).
- Sibir' kak mega-region: parametry i tseli* [Siberia as a megaregion: parameters and goals] (2018). Ed. V.I. Suprun. Novosibirsk: FSPI «Trendy», 192 p. (In Russian).
- Slovari kyakhtinskogo pidzhina* [Dictionaries of the Kyakhtin Pidgin] (2017). Translation from Chinese, publication, transcription, research and applications by I.F. Popova and Takata Tokio. Moscow: Nauka – Vost. lit. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka, CL), 603 p. (In Russian).
- Zuyenko I.Yu., Savchenko A.E. (2023). *Tsentr-regional'nyye otnosheniya v Sovetskom Soyuze / Rossii i Kitaye v period reform (1980–1990-e gody)* [Center-Regional Relations in the Soviet Union /Russia and China during the Reform Period (1980s-1990s)]. Moscow: MGIMO-Universitet, 362 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 27.01.2024

Принята к публикации: 06.02.2024

Received: Jan 27, 2024

Accepted: Feb 6, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-20-36

Проблемы взаимодействия КНР и США в экономической и гуманитарной сферах

Кирюшина Анастасия Игоревна¹

¹ Дипломатическая академия МИД России

Аннотация. Статья посвящена анализу современных проблем в отношениях между КНР и США в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества. Основные тенденции, которыми характеризуется взаимодействие двух стран в этих областях, рассматриваются как конкретные проявления противоположных стратегических целей Китая и США. Прослеживается взаимосвязь между политическими стратегиями Пекина и Вашингтона, определяющая их действия в отношении друг друга, в том числе учитываются «два политических кластера» (“policy clusters”/“packages”) как основные парадигмы, регулирующие внешнеполитический курс КНР на американском направлении. Проводится сравнительный анализ таких экономических показателей, как объём китайско-американского товарооборота, объём взаимного экспорта и импорта и их научно-технологическая составляющая, а также объём прямых инвестиций между странами за последние годы с учётом влияния «торговой войны» и пандемии COVID-19. Анализируются причины снижения роли «мягкой силы» США и Китая в сфере гуманитарного сотрудничества, и прослеживается динамика интенсивности двусторонних академических обменов и туристических потоков, ослабления взаимодействия стран в области кинематографа и сокращения числа действующих в США Институтов Конфуция. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на стагнацию связей в экономической и гуманитарных областях, Китай и США по-прежнему связаны сетью комплексной взаимозависимости по многим аспектам экономики и общества в целом, что будет обуславливать стабильность их взаимодействия в тех областях, где сотрудничество представляется наиболее выгодным.

Ключевые слова: КНР, США, Си Цзиньпин, Б. Обама, Д. Трамп, Д. Байден, экономическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество.

Автор: Кирюшина Анастасия Игоревна, студентка факультета «Международные отношения», Дипломатическая академия МИД России (адрес: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1). ORCID: 0009-0000-8715-9249. E-mail: anasteysha292@bk.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кирюшина А.И. Проблемы взаимодействия КНР и США в экономической и гуманитарной сферах // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 20–36. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-20-36

Problems of economic and humanitarian cooperation between the PRC and the US

Kiryushina Anastasiya I.¹

¹ Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Abstract. The article analyzes problems in China-US relations in the spheres of economic and humanitarian cooperation. Major trends of their bilateral interaction in these areas are examined as concrete manifestations of the countries' opposing strategic goals. The author traces the relationship between the political strategies of Beijing and Washington that determine their actions toward each other, including the "two policy clusters" or "packages" as major paradigms governing the PRC's foreign policy course on the American track. The article provides a comparative analysis of China-US trade turnover, the volume of mutual export and import and their sci-tech component, as well as the volume of mutual direct investment in recent years, taking into account the impact of the "trade war" and COVID-19 pandemic. The article analyzes reasons for decline in the role of the two countries' "soft power" in humanitarian cooperation and observes the dynamics of China-US academic exchanges and tourist flows intensity, weakening of bilateral interaction in the field of cinema and shrinking of Confucius Institutes operating in the US. It is concluded that despite the stagnation of bilateral ties in economic and humanitarian areas, China and the US are still linked by a network of complex interdependence in various aspects of their economies and societies, which will determine their bilateral interaction stability in those areas where cooperation is most beneficial.

Keywords: PRC, US, Xi Jinping, B. Obama, D. Trump, J. Biden, economic cooperation, humanitarian cooperation.

Author: Kiryushina Anastasiya I., student of the International Relations Faculty, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (address: 53/2, Ostozhenka, bldg. 1, Moscow, 119021, Russian Federation). ORCID: 0009-0000-8715-9249. E-mail: anasteysha292@bk.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kiryushina A.I. (2024). Problemy vzaimodeystviya KNR i SShA v ekonomicheskoy i gumanitarnoy sferah [Problems of economic and humanitarian cooperation between the PRC and the US]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 20–36. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-20-36

Введение

Председатель КНР Си Цзиньпин, анализируя развитие китайско-американских отношений, со дня установления которых в 2024 г. исполняется 45 лет, в адресованном американской стороне поздравительном письме отметил, что за этот период двусторонние отношения прошли через серьёзные потрясения, но в общем продвинулись вперёд¹. По мнению бывшего заместителя директора по аналитической службе США Т. Фингара и бывшего председателя Национального комитета по американо-китайским отношениям США Д. Лэмптона, китайско-американские отношения с момента своего установления в 1979 г. в целом были мирными и довольно благоприятными [Fingar, Lampton: 44]. Однако

¹ China's Xi, US President Biden exchange congratulations on 45 years of diplomatic ties. *Reuters*, Jan 1, 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/chinas-xi-us-president-biden-exchange-congratulations-45th-year-diplomatic-ties-2024-01-01/> (accessed: Feb 10, 2024).

после прихода к власти Си Цзиньпина в Китае в 2012 г. и Д. Трампа в США в 2017 г. взаимодействие стран стало осложняться: начатая в 2018 г. «торговая война», пандемия COVID-19, соперничество в сфере высоких технологий, обострение противоречий относительно тайваньского вопроса, осложнение ситуации в Южно-Китайском море и другие факторы подвели Пекин и Вашингтон к пропасти экономического разрыва и сведения к минимуму двустороннего сотрудничества в гуманитарной области. Во время встречи в ноябре 2023 г. в Сан-Франциско Си Цзиньпин и Д. Байден дали понять, что могут эффективно регулировать разногласия между своими странами, договорившись в том числе расширить образовательные, студенческие, молодёжные, культурные, спортивные и деловые обмены, а также увеличить число прямых рейсов между Китаем и США², что может задать новую динамику развития взаимоотношений двух сверхдержав в экономической и гуманитарной областях.

Это представляется особенно важным с учётом того, что экономическая взаимозависимость и возобновление регулярных контактов между народами двух стран относятся к трём структурным характеристикам китайско-американских отношений (наряду со средствами взаимного военного сдерживания). Экономическая взаимозависимость Пекина и Вашингтона предотвращает принятие странами поспешных решений, так как создаёт потребность в критически важных товарах друг друга и предоставляет не только экономические преимущества, но и преимущества в области обеспечения национальной безопасности, повышающие стоимость конфликта для обеих сторон. Очевидно, что Китай и США играют ключевую роль в системе мировой экономики: Китай – это «мировая фабрика» и один из важнейших хабов глобальных производственных цепочек и цепочек поставок, а США – крупнейший потребительский рынок. В то же время Китай и США – единственные в мире страны, объём ВВП которых составляет более 10 трлн долл.³

Китайско-американское гуманитарное сотрудничество, хотя само по себе не создаёт тенденции к расширению взаимодействия в других областях, способствует формированию более правильного восприятия политики КНР и США гражданским обществом⁴ двух стран. Министр иностранных дел КНР Ван И назвал гуманитарное сотрудничество Пекина и Вашингтона «двигателем» (推进器) двусторонних отношений, а торгово-экономическое сотрудничество – их «стабилизирующим фактором» (压舱石)⁵.

По этой причине представляется актуальным проанализировать основные проблемы китайско-американского сотрудничества в экономической и гуманитарной области, а также представить взгляды обеих сторон на причины их возникновения.

² 习近平同美国总统拜登举行中美元首会晤 [Си Цзиньпин провёл встречу с Президентом США Д. Байденом]. *新华网* [Синьхуа]. (На кит.). URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-11/16/c_1129977979.htm (дата обращения: 10.02.2024).

³ Kennedy S. U.S.-China Relations in 2024: Managing Competition without Conflict. *CSIS*, Jan 4, 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-china-relations-2024-managing-competition-without-conflict> (accessed: Feb 10, 2024).

⁴ Т.е. гражданами, не приближенными к рычагам государственной власти Китая и США. – *Прим. авт.*

⁵ 王毅：不把“压舱石”丢弃，不让“推进器”熄火 [Ван И: Нельзя отбросить «стабилизирующий фактор» и позволить «двигателю» заглохнуть]. *中华人民共和国外交部* [Министерство иностранных дел КНР]. (На кит.). URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/201909/t20190925_359593.shtml (дата обращения: 11.02.2024).

Взаимодействие КНР и США в области экономики

По мнению исследователей из США, на характер внешнеполитической стратегии Китая в экономической сфере влияют два разных «политических кластера», или «набора взаимосвязанных факторов» (policy clusters/packages). Основные национальные цели Китая оставались довольно постоянными на протяжении столетий: процветание и безопасность. Эти две цели неразрывно связаны и всегда сочетаются в тандеме, но внешние обстоятельства и расчёты китайского руководства время от времени меняют степень значения каждой из них. Если доминируют проблемы безопасности, экономическая и другие производные политики Пекина формируются на основе суждений о том, чего необходимо и возможно достичь в предполагаемой среде. Аналогичным образом, когда внутренние цели развития становятся более важными, политика соответствующим образом корректируется. На протяжении столетий – и особенно в течение семи десятилетий правления Коммунистической партии – варианты политики объединились в две комплексные системы, или в вышеупомянутые «политические кластеры» [Fingar, Lampton: 46–48].

Исторически доминирующий первый «политический кластер» отдаёт приоритет национальной безопасности и безопасности правящего режима. Он используется при наличии враждебной внешней среды и основан на достижении относительной экономической автаркии⁶, доминировании партии/государства в экономике и использовании инструментов «жёсткой силы». При первом «кластере» Китай вводит больше ограничений на внешнюю торговлю и инвестиции и стремится снизить зависимость страны от западного влияния. Во втором «политическом кластере» основное внимание уделяется выгодам, которых можно добиться благодаря экономической взаимозависимости. В этом «кластере» «смягчаются» внешние угрозы и используются внешние возможности для ускорения внутреннего экономического прогресса. В общих чертах, второй «кластер» формировал политику Китая в эпоху Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и большей части правления Ху Цзиньтао (то есть с 1978 по 2010 г.) [Fingar, Lampton: 46–48].

После образования КНР в 1949 г. переход от одного «политического кластера» к другому осуществлялся три раза: после провозглашения Мао Цзэдуном политики «большого скачка» (1958 г., реализация первого «кластера»), после начала политики реформ и открытости (1978 г., переход ко второму «кластеру») и после 2010 г. (возвращение к первому «кластеру»). Последний переход был во многом определён внешними событиями, в том числе влиянием мирового финансового кризиса, которые воспринимались как факторы, делающие Китай более уязвимым перед возросшей решимостью США препятствовать его развитию. Си Цзиньпин, пришедший к власти в 2012 г., счёл недопустимым копирование модели развития «азиатских тигров», так как, если бы Китай продолжил идти по их пути развития, ему пришлось бы провести реформы, предполагающие независимость судебной системы, снижение роли КПК и дальнейшее снижение роли государственных предприятий. Осуществление подобных реформ, по его мнению, могло поставить под угрозу основы партийно-государственной системы страны. Одно из первых публичных заявлений Си Цзиньпина после его прихода к власти в 2012 г. отразило эти опасения: одной из основных

⁶ Автаркия – экономический режим самообеспечения страны, предполагающий минимизацию внешнего товарного оборота. – *Прим. авт.*

причин распада СССР лидер КНР назвал отход от коммунистических идеалов и убеждений [Fingar, Lampton: 46–48].

Таким образом, второй «кластер» определял внешнюю экономическую политику Китая примерно до 2010 г. Однако выступления первых лиц КНР и сегодня отражают приверженность государства «политике открытости», а изменения в характере внешней политики Китая увязываются с угрозами, исходящими от американской стороны, среди которых – «возведение стен и создание барьеров», декаплинг, односторонние санкции, протекционизм и т.д.⁷

Интересно заметить, что внешнеполитическая стратегия США в отношении Китая в экономической сфере, в свою очередь, тоже зависит от предполагаемой степени опасностей, источником которых является КНР: США активизируют все средства для сопротивления тем действиям Китая, которые, по мнению американского истеблишмента, являются экзистенциальными угрозами для их демократического режима и экономического развития. Так, можно вспомнить «поворот к Азии» и формирование торговых партнёрств в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) при Б. Обаме, популяризацию концепции «Индо-Тихоокеанского региона» (ИТР) и начало «торговой войны» при Д. Трампе, а также обострение конкуренции в научно-технологической сфере при Д. Байдене. В стратегических документах двух последних администраций США Китай назван «стратегическим конкурентом» и «стратегическим соперником» Соединённых Штатов⁸.

Изменения, происходящие в отношениях между КНР и США в последние годы, сказались на тенденциях их экономического сотрудничества. За последние шесть лет объём китайско-американского товарооборота был весьма нестабилен: из-за влияния «торговой войны» в 2019 г. его показатели значительно упали, а в 2020 г. в условиях эпидемии COVID-19 в связи с повышением спроса на противоэпидемические препараты наблюдался резкий рост взаимного импорта, что увеличило общий объём двусторонней торговли КНР и США. В 2021–2022 гг. цепочки поставок Китая продемонстрировали устойчивость к воздействию пандемии, китайская сторона находилась в процессе выполнения обязательств в рамках первой фазы торговой сделки по увеличению объёмов импорта из Соединённых Штатов⁹,

⁷ 习近平总书记全面深化改革开放金句 [Золотые слова Генерального секретаря Си Цзиньпина о всестороннем углублении политики реформ и открытости]. *中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]*. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202312/content_6920858.htm (дата обращения: 15.02.2024).

习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 (2022年10月16日) [Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад ЦК КПК на 20 съезде КПК (16 октября 2022 г.)]. *中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]*. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 15.02.2024).

⁸ National Security Strategy of the United States of America. *Trump White House*, Dec. 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: Feb. 16, 2024); National Security Strategy. *The White House*, Oct. 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: Feb. 16, 2024).

⁹ 中美经贸关系的嬗变与出路 [Изменения в китайско-американских торгово-экономических отношениях и их развитие]. *国合中心 [Центр международного сотрудничества]*. (На кит.). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html> (дата обращения: 16.02.2024).

что способствовало тому, что в 2022 г. объём китайско-американской торговли достиг 759,427 млрд долл., увеличившись на 0,6 % и став новым рекордом¹⁰ (см. рис. 1).

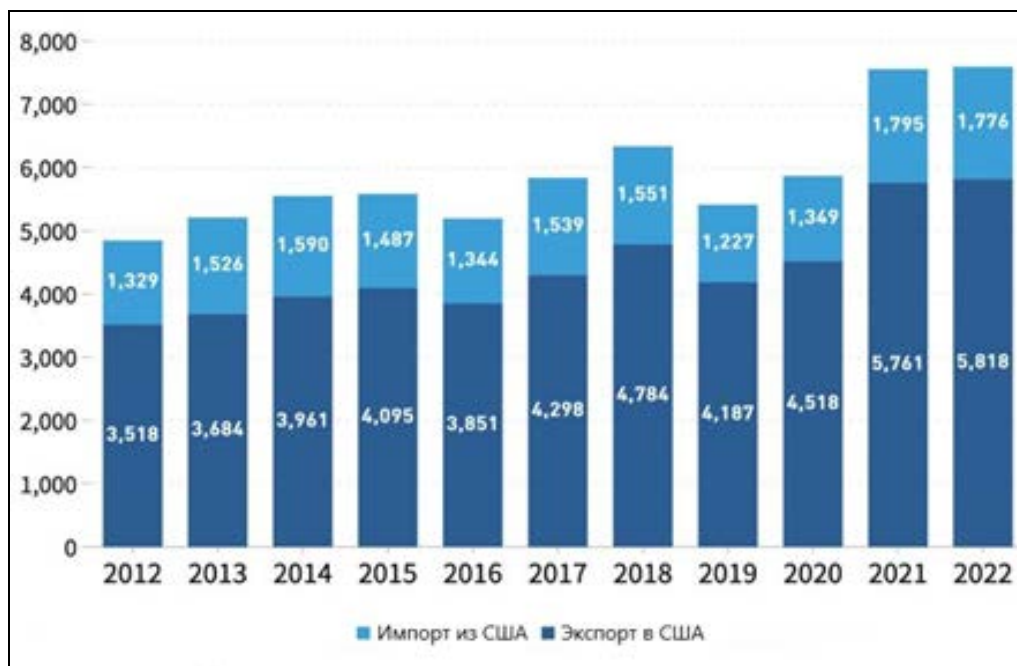

Рис. 1. Объём торговли Китая и США в 2012–2022 гг. (100 млн долл.).

Fig. 1. China–US trade turnover in 2012–2022 (\$100 mln).

Источник: данные Главного таможенного управления КНР. URL: https://info.chineseshipping.com.cn/cninfo/News/202302/t20230215_1374196.shtml
Source: General Administration of Customs China (GACC) data. URL: https://info.chineseshipping.com.cn/cninfo/News/202302/t20230215_1374196.shtml

Авторы доклада «Экспорт США в Китай», подготовленного Американско-китайским деловым советом в мае 2023 г., обращают внимание на то, что в 2022 г. американский экспорт товаров в Китай достиг рекордного уровня, однако рост этого показателя в значительной степени связан с инфляцией. По сравнению с экспортом США на другие ведущие рынки, показатели экспорта товаров в КНР росли гораздо медленнее. Замедление экономического роста в Китае и украинский кризис оказали негативное влияние на двусторонние торговые отношения, в результате чего в 2022 г. они вновь стали ослабевать [The US-China Business Council 2023].

В 2023 г. объём китайско-американской торговли снова показал падение: товарооборот сократился на 11,6 % в годовом выражении, составив 664,45 млрд долл. (однако США остаются третьим крупнейшим торговым партнёром Китая после АСЕАН и ЕС)¹¹. Одной из основных причин снижения объёмов двусторонней торговли также стало ослабление спроса в США. В период с января по май 2023 г. показатели товарооборота между двумя странами по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. снизились на 5,5 %, объём китайского экспорта в США упал на 8,5 %, в то время как за тот же период общий объём внешней торговли Китая вырос на 4,7 %. Удельный вес китайско-американской торговли во

¹⁰ Товарооборот Китая и США за 2023 год упал на 11,6 процента. ТАСС, 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/tovarooborot-1920846827.html> (дата обращения: 16.01.2024).

¹¹ Там же.

внешнеторговых сферах обеих стран также резко сократился (доля Китая в объёме американской внешней торговли сокращалась из года в год и ранее: с 21 % (2017 г.) и 15,6 % (2018 г.) до 13 % в 2022 г.). По мнению директора Центра американских исследований Китайского народного университета Ли Вэя (г. Пекин), это свидетельствует о снижении важности Китая и США друг для друга¹².

В 2023 г. произошли два важных изменения, касающиеся китайско-американского импорта и экспорта. Во-первых, в 2023 г. Соединённые Штаты стали для КНР третьим торговым партнёром и экспортным рынком (в 2018 г. они были основным импортёром китайских товаров и вторым торговым партнёром КНР). Это изменение ещё раз подтверждает, что к 2023 г. значение США как торгового партнёра для Китая снизилось по сравнению с предшествующими годами. Во-вторых, с января по июль 2023 г. объём американского импорта из Мексики увеличился на 5 % по сравнению с тем же периодом 2022 г., а импорт из Поднебесной снизился на 25 %, что привело к тому, что объём импорта США из Мексики превысил показатели импорта из КНР. Последнее изменение объясняется тем, что США делают ставку на развитие механизмов френдшоринга и ниаршоринга¹³, формируя собственные производственные цепочки в обход КНР¹⁴.

Конкуренция Китая и США в научно-технологической области также оказала влияние на их экономическое взаимодействие: экспорт и импорт высокотехнологичной продукции между двумя странами постепенно сокращаются. Госсекретарь США во время визита в Китай в июне 2023 г. заявил, что в интересы Соединённых Штатов не входит предоставление китайской стороне технологий, использование которых может быть направлено против них¹⁵. По данным Министерства торговли США, в 2022 г. общий объём импорта и экспорта высокотехнологичной продукции из США увеличился, но его доля в отношении Китая снизилась (см. рис. 2): в 2022 г. импорт высокотехнологичной продукции из материкового Китая в США по сравнению с 2021 г. снизился на 0,4 % и составил лишь 23,7 % от общего объёма импорта, а её экспорт в материковый Китай снизился на 2,4 %¹⁶.

¹² 中美经贸关系的嬗变与出路 [Изменения в китайско-американских торгово-экономических отношениях и их развитие]. 国合中心 [Центр международного сотрудничества]. (На кит.). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html> (дата обращения: 16.02.2024).

¹³ Френдшоринг (от англ. “friend” – «друг») – перенаправление цепочек поставок в дружественные страны, считающиеся политически и экономически безопасными. Ниаршоринг (от англ. “near” – «близкий») – это ведение бизнеса (внешняя торговля, инвестиции, передача технологий и т.д.) преимущественно с соседними и близлежащими странами. Данные стратегии используются США для создания автономных и контролируемых промышленных цепочек и цепочек поставок, а также с целью сокращения дефицита торгового баланса с Китаем. – Прим. авт.

¹⁴ 中美经贸关系的嬗变与出路 [Изменения в китайско-американских торгово-экономических отношениях и их развитие]. 国合中心 [Центр международного сотрудничества]. (На кит.). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁵ As growth stalls for the U.S. and China, Blinken talked up economic ties in high-stakes Beijing trip. *CNBC*, June 20, 2023. URL: <https://www.cnb.com/2023/06/21/blinken-talked-up-us-china-economic-ties-in-high-stakes-beijing-trip.html> (accessed: Feb 18, 2024).

¹⁶ 连俊翔、徐嘉滢、张思睿. 中美贸易总额创新高, 但这些进出口产品的数据变化值得关注 [Лянь Цзюньсян, Сюй Цзяин, Чжан Сыжуй. Общий объём китайско-американской торговли достиг рекордного уровня, однако стоит обратить внимание на изменения в показателях по этим позициям импорта и экспорта]. *中华航运网* [Сайт водного транспорта КНР]. URL: https://info.chineseshipping.com.cn/cninfo/News/202302/t20230215_1374196.shtml (дата обращения: 19.02.2024).

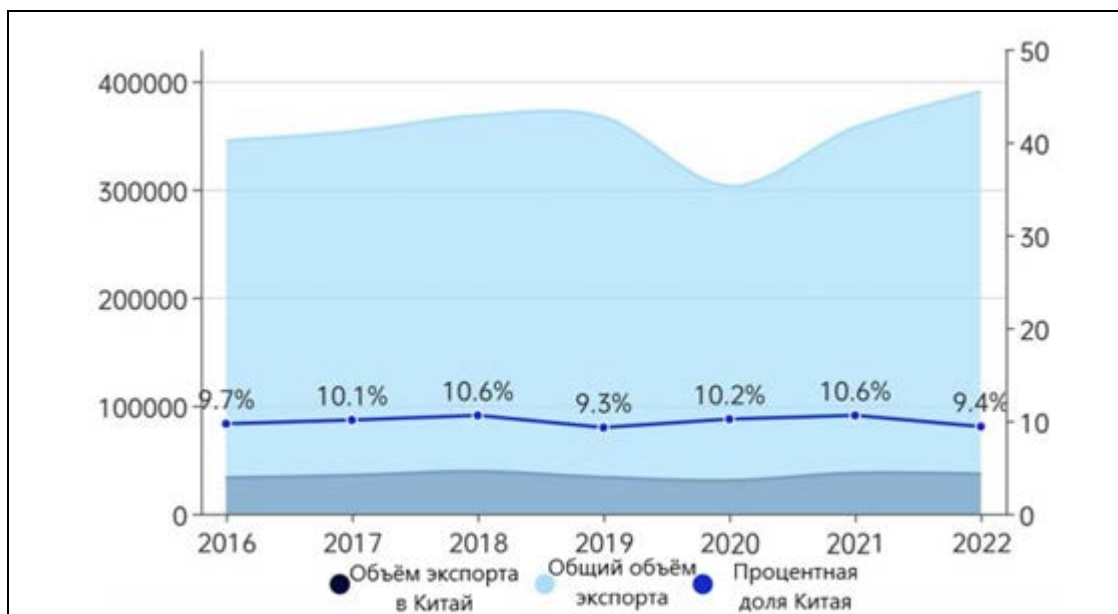

Рис. 2. Объёмы американского экспорта высокотехнологичной продукции в 2016–2022 гг. (млн долл.).

Fig. 2. US high-tech exports in 2016–2022 (\$ mln).

Источник: Данные Бюро переписи населения США. URL: https://info.chineseshipping.com.cn/cninfo/News/202302/t20230215_1374196.shtml
Source: US Census Bureau data. URL: https://info.chineseshipping.com.cn/cninfo/News/202302/t20230215_1374196.shtml

Китайский экспорт высокотехнологичной продукции в США продолжает сокращаться как по объёму, так и по доле в структуре американского импорта, причём наибольшее снижение наблюдается в отношении оптико-электронной и информационно-коммуникационной продукции (ИКТ). Общий объём китайского экспорта оптико-электронной продукции в США с 2016 г. к 2022 г. сократился на 67,6 %. В общем объёме американского импорта её доля также снизилась с 22,39 % до 6,35 %. При этом экспорт и импорт биотехнологической продукции оставался довольно стабильным¹⁷.

Обострение конкуренции в научно-технологической области влияет и на другие аспекты экономического сотрудничества двух стран. Так, неопределённость в американо-китайских отношениях оказывает негативное влияние на желание компаний обеих стран направлять свои инвестиции за рубеж в США и Китай. Фактор «напряжённости в отношениях» между странами был одной из пяти главных проблем, с которыми сталкивались американские компании в Китае в 2021–2023 гг. [中国美国商会 2023: 2–3]. Ограничения на инвестиции в высокие технологии, введённые администрацией Д. Байдена, привели к снижению объёма взаимных инвестиций Китая и США. Объём прямых инвестиций в Китай из США, которые были одним из его главных источников иностранных инвестиций с момента вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО), сильно сократился к 2022 г., составив примерно 8 млрд долл. (в 2016 г. этот показатель

¹⁷ 中美经贸关系的嬗变与出路 [Изменения в китайско-американских торгово-экономических отношениях и их развитие]. 国合中心 [Центр международного сотрудничества]. (На кит.). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html> (дата обращения: 19.02.2024).

составил около 14 млрд долл.). Объем прямых инвестиций из Китая в США в 2022 г. составил лишь 2,49 млрд долл. (менее половины объема 2021 г.), что стало самым низким показателем с 2009 г.¹⁸ (см. рис. 3).

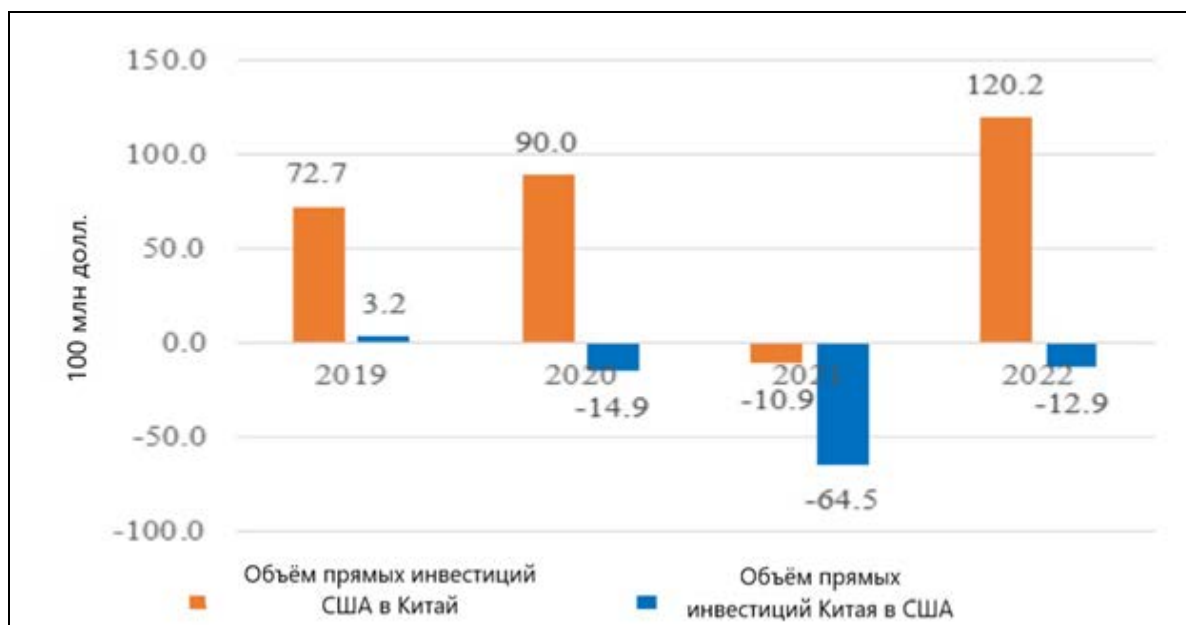

Рис. 3. Объем взаимных прямых инвестиций Китая и США, 2019–2022 гг.

Fig. 3. China-US mutual direct investment volume, 2019–2022.

Источник: Данные Бюро экономического анализа США (БЭА). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html>

Source: US Bureau of Economic Analysis (BEA) data. URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html>

Младшие научные сотрудники Института американских исследований Академии общественных наук КНР Ма Вэй и Ян Шуйцин (г. Пекин) отмечают, что Китай является главной жертвой политики «торгового буллинга» (贸易霸凌)¹⁹, проводимой Соединёнными Штатами, а причина общего ухудшения китайско-американского экономического взаимодействия и ослабления импульса взаимных инвестиций между Китаем и США заключается в том, что Соединённые Штаты стали более жёстко подходить к созданию

¹⁸ 美咨询公司：中企对美直接投资跌至全球金融危机以来最低 [Американская консалтинговая фирма: Прямые инвестиции китайских компаний в США упали до самого низкого уровня со времён мирового финансового кризиса]. 联合早报 [Ляньхэ Цзаобао]. (На кит.). URL: <https://www.gptniu.com/cngov/2023-09/07146366.html> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁹ Под «торговым буллингом» понимается притеснительное поведение экономически сильных государств по отношению к странам с более слабой экономикой, что, по мнению китайской стороны, подрывает мировой торговый порядок и нарушает многостороннюю торговую систему. В июле 2018 г. США ввели таможенные тарифы в размере 25 % на китайскую продукцию общим объёмом 34 млрд долл., в ответ на что китайская газета «Жэньминь жибао» и информационное агентство «Синьхуа» опубликовали статьи, заголовки которых содержали термин «торговый буллинг», получивший впоследствии дальнейшее распространение. Подробнее см.: 贸易霸凌 [Торговый буллинг]. 百度 [Байду]. (На кит.). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%B4%B8%E6%98%93%E9%9C%B8%E5%87%8C/23215861> (дата обращения: 20.02.2024).

«технологической блокады» Китая²⁰. Похожей точки зрения придерживаются и некоторые американские эксперты, в том числе специальный советник Генерального секретаря ООН Джеффри Д. Сакс, считающий, что идеология американского государства, которое становится всё более «обидчивым» и «пугливым», не учитывает тенденции многополярного мироустройства, в связи с чем оно предпринимает «агрессивные» экономические меры для сдерживания Китая, что является главной причиной спада в китайско-американских отношениях²¹.

Оценивая перспективы двустороннего экономического сотрудничества, официальные лица США считают, что китайско-американские отношения будут и дальше определяться «стратегической конкуренцией»: посол США в КНР Н. Бёрнс определил эти страны как «системных соперников», ведущих борьбу за глобальную и региональную власть и конкурирующих в том числе и в экономической сфере²².

Более оптимистичны оценки китайской стороны: китайский посол в США Се Фэн заявил, что 2024 год для двух стран будет характеризоваться рядом «благоприятных моментов»: прекращением «спада» в двусторонних отношениях и их стабилизацией, экономическим подъёмом КНР и её высоким уровнем открытости вовне²³.

Китайско-американское сотрудничество в гуманитарной области

За более чем 40 лет с момента установления дипломатических отношений между КНР и США двустороннее сотрудничество пережило немало потрясений, но гуманитарные обмены никогда не прерывались. В 1971–1972 гг. получила развитие «пинг-понговая дипломатия», ставшая предпосылкой к улучшению двусторонних отношений. В 1979 г. страны создали первую пару городов-побратимов, и с тех пор было образовано 284 пары провинций, штатов и городов-побратимов, что включает более 90 % американских городов и посёлков. В 2010 г. был создан Китайско-американский консультационный механизм высокого уровня по гуманитарным обменам, которые определяются китайскими исследователями международных отношений в качестве «основы китайско-американских отношений»²⁴.

Гуманитарное сотрудничество также является важным инструментом проведения политики «мягкой силы», под которой понимается способность получать желаемое путём

²⁰ 中美经贸关系的嬗变与出路 [Изменения в китайско-американских торгово-экономических отношениях и их развитие]. 国合中心 [Центр международного сотрудничества]. (На кит.). URL: <https://www.icc.org.cn/publications/policies/2005.html> (дата обращения: 22.02.2024).

²¹ Эксклюзив: Сотрудничество между США и Китаем является единственным выбором ввиду высоких ставок – экономист. Синьхуа, 09.11.2023. URL: <https://russian.news.cn/20231109/0b8b1f7b53dd4381bde1c3d5e66ed4dd/c.html> (дата обращения: 22.02.2024).

²² US-China relations are defined by rivalry but must include engagement, American ambassador says. AP, Dec. 15, 2023. URL: <https://apnews.com/article/nicholas-burns-china-ambassador-95cf351a74e6fb30e6b87879f4549ba1> (accessed: Feb 23, 2024).

²³ 谢锋谈中美经贸合作三“利好”和三“重点” [Се Фэн о трёх «благоприятных моментах» и «важных моментах» торгово-экономического сотрудничества Китая и США]. China News Service. (На кит.). URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2023/12-15/10129051.shtml> (дата обращения: 23.02.2024).

²⁴ 崔守军、李奕昕. 加强人文交流, 浇筑中美关系根基 [Цуй Шоуцзюнь, Ли Исинь. Укрепление гуманитарных обменов для усиления фундамента китайско-американских отношений]. 习近平外交思想和新时代中国外交 [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и китайская дипломатия в новую эпоху]. (На кит.). URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-12/11/content_116870717.shtml (дата обращения: 27.02.2024).

привлечения, а не принуждения и платежей [Nye 2023: 48]. Со времён администрации Б. Обамы, делавшего ставку на развитие «мягкосилового арсенала» и считавшего, что излишнее применение силы сформирует у международного сообщества представление о США как о «милитаристской державе» [Морозов 2022: 239], в американской внешнеполитической стратегии произошли значительные изменения. Политический подход Д. Трампа, пришедшего к власти в 2017 г., был более прагматичным: основное внимание уделялось внутригосударственным проблемам и укреплению геоэкономических позиций на международной арене [Морозов: 242].

Эффективность «мягкой силы» страны повышается, когда проводимая ею политика воспринимается другими государствами как легитимная [Nye 2023: 48]. Из этого следует, что популярность инструментов «мягкой силы» Пекина и Вашингтона в отношении друг друга при Д. Трампе стала значительно снижаться, так как происходило усиление идеологического противостояния между КНР и США, а Китай стал рассматриваться американской стороной как экономическая угроза и должен был предпринимать соответствующие меры в ответ на действия Соединённых Штатов (см. рис. 4).

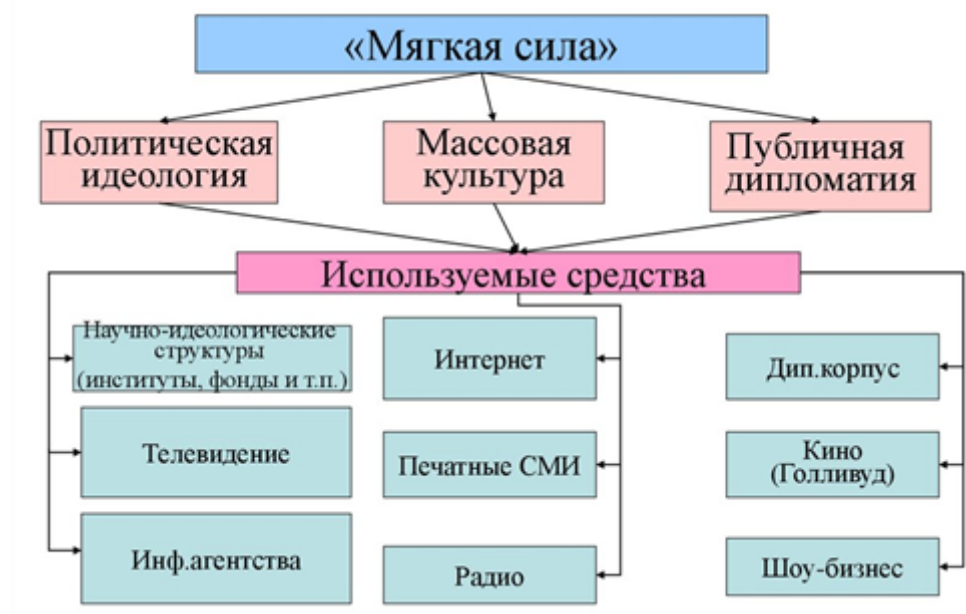

Рис. 4. Американская концепция применения «мягкой силы».

Fig. 4. US concept of the use of “soft power”.

Изменения во внешнеполитических стратегиях двух стран заставили Китай и США перейти к политике «жёсткой силы» («способности принуждать»), которая базируется уже не на привлекательности культуры страны и её политики, а на её военной и экономической мощи [Nye 2023].

Профессор Института международных отношений Китайского народного университета Цуй Шоуцзюнь (г. Пекин) и младший научный сотрудник Шанхайского института американских исследований Ли Исинь выделяют две основные проблемы, препятствующие развитию китайско-американского гуманитарного сотрудничества. Первая состоит в том, что в 2018 г. в работе Китайско-американского социального и гуманитарного диалога (до 2017 г. – Консультационный механизм высокого уровня по гуманитарным обменам) наступил

перерыв, серьёзно затрудняющий взаимодействие между странами в области гуманитарных обменов.

Во-вторых, это проводимая американской стороной политика перевода образования и академических обменов между двумя странами в плоскость безопасности (泛安全化): американское руководство считает, что за счёт них КНР осуществляет «идеологическое проникновение» в США. Следствием этой политики стало преследование некоторых китайских учёных и учёных китайского происхождения на территории США, а также сворачивание многих программ академических обменов с КНР²⁵. По этой причине происходит сокращение числа китайских и американских студентов, обучающихся соответственно в США и Китае. Если при Б. Обаме студенческие обмены между странами активно развивались (число обучающихся в США студентов из КНР составляло 98 тыс. человек в 2008–2009 гг. и более 350 тыс. человек в 2016–2017 гг.), то при Д. Трампе под влиянием «торговой войны» и пандемии COVID-19 произошло резкое уменьшение этих показателей (первое с 2003–2004 гг.). Число обучающихся в Китае американцев, достигшее пика в 2012 г., также значительно сократилось (чуть более 11 600 человек в 2018–2019 гг. и всего около 400 в 2020–2021 гг.)²⁶ (см. рис. 5).

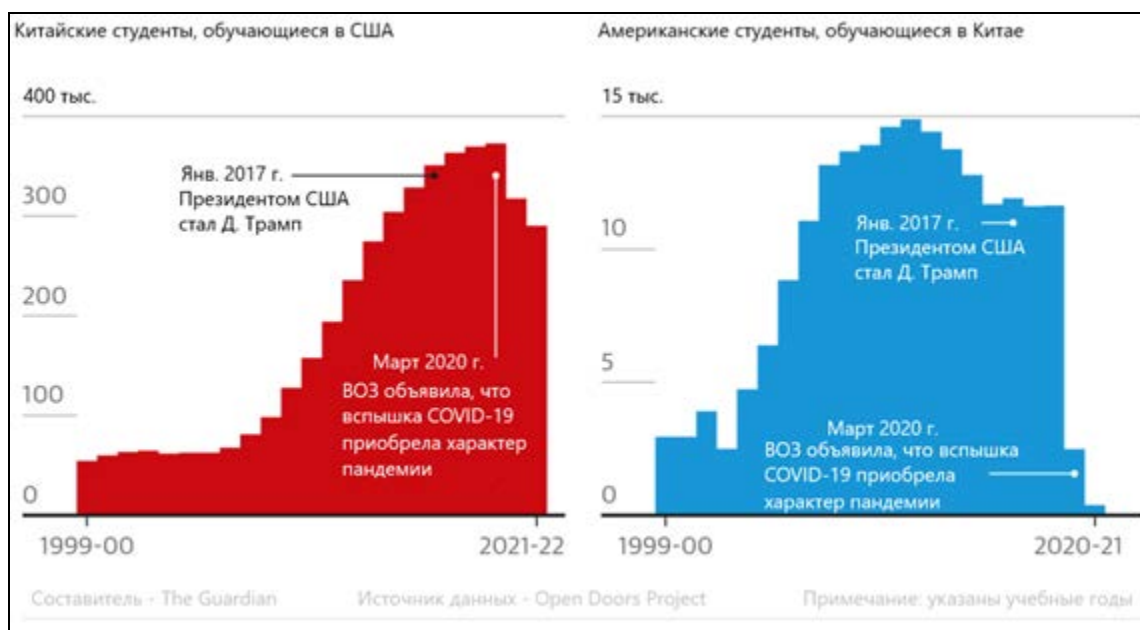

Рис. 5. Сокращение количества студенческих обменов между Китаем и США, 1999–2022 гг.

Fig. 5. China-US student exchanges decline, 1999–2022.

Источник/Source: Open Doors Project. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/22/us-china-cultural-exchange-at-low-point-after-tensions-and-covid-data-shows>

²⁵ 崔守军、李奕昕。加强人文交流，浇筑中美关系根基 [Цуй Шоуцзюнь, Ли Исинь. Укрепление гуманитарных обменов для усиления фундамента китайско-американских отношений]. *习近平外交思想和新时代中国外交 [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и китайская дипломатия в новую эпоху]*. (На кит.). URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-12/11/content_116870717.shtml (дата обращения: 27.02.2024).

²⁶ US-China cultural exchange at low point after tensions and Covid, data shows. *The Guardian*, June 22, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/22/us-china-cultural-exchange-at-low-point-after-tensions-and-covid-data-shows> (accessed: Feb 27, 2024).

Резко уменьшилось и количество действующих в США Институтов Конфуция (ИК): до того, как в 2020 г. американские официальные лица обвинили их в пропагандистской деятельности, только при начальных и средних школах и колледжах США насчитывалось около 100 Институтов, а к маю 2021 г. их число сократилось до 47 по всей стране [Медушевский, Ермакова 2022: 94, 99]. В 2022 г. китайские власти убедили ряд учебных заведений США оставить ИК, произведя их ребрендинг во избежание введения санкций американским правительством²⁷. Директор по торговле и международным связям Счётной палаты США К. Джанопулос заявила, что в США планируется оставить «один или два» ИК²⁸.

Важно отметить, что их закрытие связано не только с опасениями относительно национальной безопасности: по данным опроса, проведённого Счётной палатой США среди руководителей американских колледжей, только 5 % респондентов выразили обеспокоенность деятельностью ИК. Причиной прекращения деятельности ИК в США также является неопределённость в отношении того, смогут ли американские учебные учреждения, при которых числятся ребрендинговые ИК, не потерять государственные гранты на ведение исследовательской деятельности. Зачастую руководство таких учебных заведений предпочитает отказаться от ИК, чтобы сохранить государственное финансирование. Если в США не будут введены санкции в отношении учебных заведений из-за размещения ими ребрендинговых ИК, то Китай сохранит возможность продолжать распространять своё влияние в американской академической среде за счёт них²⁹.

Гуманитарное взаимодействие КНР и США в сфере туризма также идёт на спад. В конце 2020 г. США сократили срок действия туристических виз членов КПК и их семей до месяца с правом разового въезда (ранее визы выдавались сроком на 10 лет)³⁰. Эти меры обусловили снижение числа туристов из Китая ещё до начала пандемии. После открытия Китаем границ в январе 2023 г. число китайских туристов, направляющихся в США, стало постепенно расти, но ещё находится заметно ниже допандемийного уровня: если в мае 2019 г. в США прибыло около 255 тыс. граждан Китая, то в мае 2023 г. их число составило лишь 87 600 человек³¹. Сейчас Китай принимает меры, направленные на восстановление допандемийного уровня туризма внутри государства: с 1 января 2024 г. вступили в силу упрощённые правила выдачи туристических виз американским гражданам³².

Если анализировать двустороннее гуманитарное сотрудничество в области кинематографа, то в КНР наблюдается тенденция к снижению влияния Голливуда, на который всегда приходилась значительная часть доходов от китайского кинопроката (см. рис. 6). В последние годы эти показатели изменились: если 10 лет назад фильмы

²⁷ Girard B. The Rise and Fall of Confucius Institutes in the US. *The Diplomat*, Nov 28, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/11/the-rise-and-fall-of-confucius-institutes-in-the-us/> (accessed: Feb 28, 2024).

²⁸ Май Ван. В США резко сократилось количество китайских Институтов Конфуция. *Vientam.vn*, 03.01.2023. URL: <https://www.vietnam.vn/ru/so-luong-vien-khong-tu-cua-trung-quoc-giam-manh-o-my/> (дата обращения: 28.02.2024).

²⁹ Girard B. The Rise and...

³⁰ NYT: США ужесточили правила получения туристических виз для членов Компартии Китая. *TASS*, 03.12.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10158899> (дата обращения: 29.02.2024).

³¹ US-China cultural exchange at low point after tensions and Covid, data shows. *The Guardian*, June 22, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/22/us-china-cultural-exchange-at-low-point-after-tensions-and-covid-data-shows> (accessed: Feb 29, 2024).

³² Зыкова А. Китай упрощает процедуру получения виз для американцев. *Октагон*, 30.12.2023. URL: https://octagon.media/novosti/kitaj_uproshhaet_proceduru_polucheniya_viz_dlya_amerikancev.html (дата обращения: 03.03.2024).

отечественного производства составляли на китайском рынке менее 50 %, то в 2022 г. этот показатель увеличился до 85 %³³. Китайские фильмы в принципе никогда не были особо популярны в США, во многом из-за того, что Китай не обладает достаточным опытом в области киноэкспорта [Морозов 2022: 245].

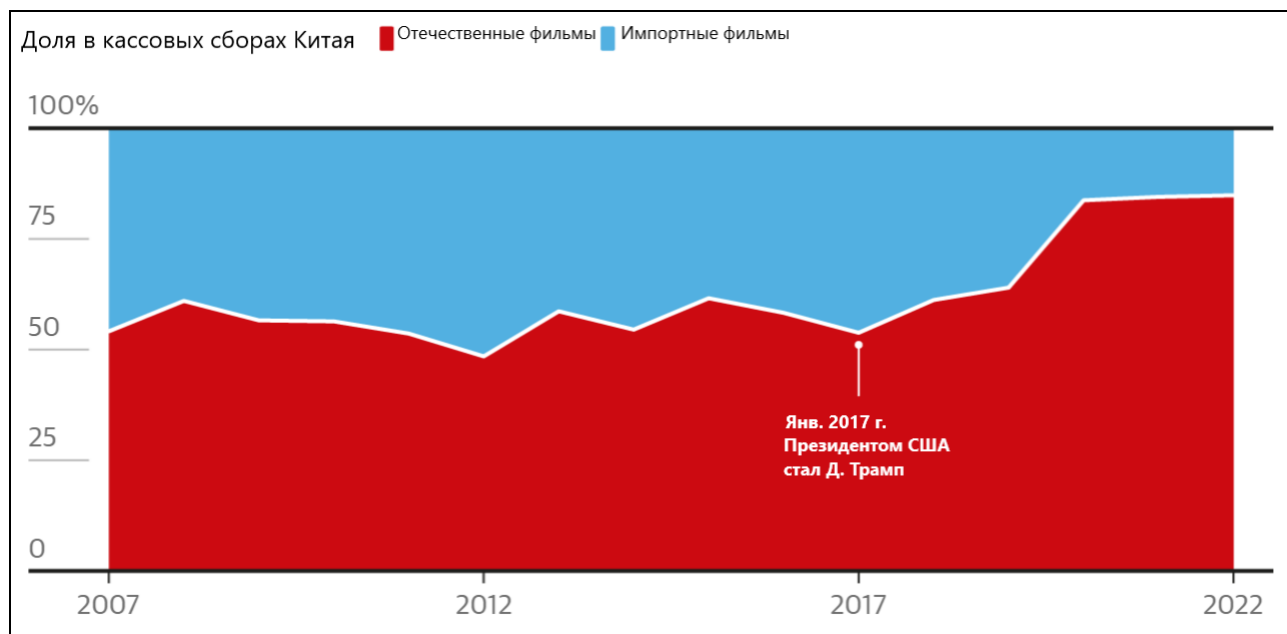

Рис. 6. Доля отечественных и импортных фильмов в кассовых сборах в Китае, 2007–2022 гг.

Fig. 6. Domestic and imported films' share of box office revenue in China, 2007–2022.

Источник/Source: The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/22/us-china-cultural-exchange-at-low-point-after-tensions-and-covid-data-shows>

В целях нормализации двустороннего гуманитарного сотрудничества официальные лица КНР адресовали американской стороне соответствующие заявления. Во время встречи с Д. Байденом в Сан-Франциско Си Цзиньпин подчеркнул необходимость сокращения числа негативных факторов, препятствующих гуманитарным обменам, и поддержки более регулярного общения двух народов³⁴. 19 ноября 2023 г. в Сан-Франциско также прошёл китайско-американский диалог по гуманитарным обменам, на котором стороны договорились стимулировать развитие сотрудничества в гуманитарной сфере³⁵.

* * *

³³ US-China cultural exchange at low point after tensions and Covid, data shows. *The Guardian*, June 22, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jul/22/us-china-cultural-exchange-at-low-point-after-tensions-and-covid-data-shows> (accessed: Mar 4, 2024).

³⁴ 习近平同美国总统拜登举行中美元首会晤 [Си Цзиньпин провёл встречу с Президентом США Д. Байденом]. *新华网* [Синьхуа]. (На кит.). URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-11/16/c_1129977979.htm (дата обращения: 04.03.2024).

³⁵ В Сан-Франциско прошёл диалог по гуманитарным обменам между Китаем и США. *Российская газета*, 19.11.2023. URL: <https://rg.ru/2023/11/19/v-san-francisko-proshel-dialog-po-gumanitarnym-obmenam-mezhdu-kitaem-i-ssha.html> (дата обращения: 04.03.2024).

В сегодняшней нестабильной международной обстановке Китай и США целенаправленно сокращают зависимость друг от друга. Начатая в 2018 г. «торговая война» оказала далеко идущее влияние на экономическое и гуманитарное сотрудничество стран.

Если в период правления Д. Трампа США рассчитывали предотвратить подъём Китая за короткий срок, то администрация Д. Байдена осознаёт, что потенциал развития Китая был недооценён и что США необходимо сделать стратегию конкуренции с КНР более долгосрочной, поэтому их главной целью по-прежнему останется «конкуренция за победу» с Китаем. Китайская сторона, в свою очередь, призывает Соединённые Штаты не относиться к национальной безопасности как к «корзине, в которую летит всё подряд»³⁶, и принимает конкретные меры, способствующие возвращению китайско-американских отношений в русло стабильного развития.

Политика США является основной движущей силой поведения, которое выбирает Китай на американском направлении. Пекин реагирует на шаги американской стороны способами, имеющими тесную связь с его историей, поэтому ослабление китайско-американского взаимодействия в области экономического и гуманитарного сотрудничества в принципе соответствует возвращению Пекина к первому «политическому кластеру», предполагающему также снижение уровня гуманитарных обменов. Ухудшение отношений между Китаем и США, а также эпидемия COVID-19 привели к тому, что экономическое сотрудничество и гуманитарные обмены между двумя странами достигли низшей точки после нескольких лет спада, а инструменты «мягкой силы» Китая и США теряют свою привлекательность.

Хотя Китай и США вовлечены в стратегическое соперничество, есть несколько причин, обуславливающих невозможность тотального «разрыва связей» между странами. Д. Байден неоднократно обращал внимание на тот факт, что экономический рост Китая идёт на благо США³⁷. Эти заявления небеспопеченны: в условиях инфляции американский рынок может получить выгоду от дешёвой продукции, импортированной из КНР. Кроме того, если экономика Китая продолжит поддерживать высокие или по крайней мере средние темпы роста³⁸, то американские компании будут активнее наращивать объём прямых инвестиций в КНР, чтобы не уступить китайские рынки конкурентам в ущерб себе.

Несмотря на то, что шансы на значительное расширение сотрудничества Китая и США в сфере экономического и гуманитарного сотрудничества невелики, их взаимодействие может избежать дальнейшего спада. Для этого Пекину и Вашингтону нужно продолжать активное

³⁶ 谢锋谈中美经贸合作三“利好”和三“重点” [Се Фэн о трёх «благоприятных моментах» и «важных моментах» торгово-экономического сотрудничества Китая и США]. *China News Service*. (На кит.). URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2023/12-15/10129051.shtml> (дата обращения: 04.03.2024).

³⁷ 习近平同美国总统拜登举行中美元首会晤 [Си Цзиньпин провёл встречу с Президентом США Д. Байденом]. *新华网* [Синьхуа]. (На кит.). URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-11/16/c_1129977979.htm (дата обращения: 05.03.2024).

³⁸ В докладе о работе правительства Китая, опубликованном на открытии 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 14-го созыва в марте 2024 г., был установлен целевой показатель темпов роста ВВП Китая в 2024 г. на уровне 5 % (как и в 2023 г.) Такие темпы роста китайское руководство считает высокими: согласно докладу, достижение роста ВВП Китая в 2023 г. на уровне 5,2 % «позволило Китаю занять лидирующие позиции среди ведущих экономик мира по темпам экономического роста». Этот показатель выше средних темпов мирового экономического роста: по данным МВФ, в 2023 г. мировой ВВП вырос на 3,1 %. Подробнее см.: [Li Qiang]; МВФ улучшил прогноз роста мировой экономики. *Эксперт*, 30.01.2024. URL: <https://expert.ru/news/mvf-uluchshil-prognoz-rosta-mirovoy-ekonomiki/> (дата обращения: 14.04.2024).

взаимодействие, направленное на реализацию достигнутых договорённостей в рамках «Видения Сан-Франциско»³⁹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Медушевский Н.И., Ермакова А.Н. Эволюция интенсивности мягкой силы внешней политики Китая в отношении США: 2003–2022 гг. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 3А. С. 90–193. DOI: 10.34670/AR.2022.10.82.007
- Морозов Ю.В. Использование США, Китаем и Россией «мягкой» и «жесткой» силы на международной арене // Стратегический треугольник США–КНР–РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 237–260.
- Чжао Хуашэн. Прогулка в Сан-Франциско и возвращение на Бали // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 144–150. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-144-150

REFERENCES

- Medushevskiy N.I., Ermakova A.N. (2022). Evolyutsiya intensivnosti myagkoy sily vneshney politiki Kitaya v otnoshenii SShA: 2003–2022 gg. [China's foreign policy soft power intensity evolution in relation to the US: 2003–2022]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 3A: 90–193. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2022.10.82.007
- Morozov Yu.V. (2022). Ispol'zovaniye SShA, Kitayem i Rossiye «myagkoy» i «zhestkoy» sily na mezhdunarodnoy arene [Use of “soft” and “hard” power in the international arena by the US, China and Russia]. *Strategicheskiy treugol'nik SShA–KNR–RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii* [The US–China–Russia Strategic Triangle: Challenges and Prospects for Russia's Security]. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 237–260. (In Russian).
- Zhao Huasheng (2024). Progulka v San-Francisko i vozvrashchenie na Bali [Walk to San Francisco and return to Bali]. *Rossiya v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 22 (1): 144–150. (In Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-144-150
- * * *
- 2023 niandu Zhongguo shangwu huanjing diaocha baogao [Survey Report on China's Business Climate] (2023). *Zhongguo Meiguo shanghui*, 103 p. (In Chinese). [2023 年度中国商务环境调查报告。中国美国商会。2023 年, 103 页].
- Fingar T., Lampton D.M. (2023). *China's America Policy: Back to the Future*. The Washington Quarterly, 46 (4): 43–63. DOI: 10.1080/0163660X.2023.2285541
- Li Qiang (2024). *Zhengfu gongzuo baogao – 2024 nian 3 yue 5 ri zai di shisi jie quanguo renmin daibiao dahui di er ci huiyi shang* [Report on the Work of the Government – Delivered at the Second Session of the 14th National People's Congress of the People's Republic of China on March 5, 2024]. (In Chinese). URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202403/content_6939153.htm (accessed: 14.04.2024). [李强。政府工作报告——2024 年 3 月 5 日在第十四届全国人民代表大会第二次会议上].
- Nye Joseph S. (2023). *Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power between the United States and China*. Singapore: Springer, 208 p.

³⁹ «Видение Сан-Франциско» – комплекс договорённостей, достигнутых Си Цзиньпином и Д. Байденом на встрече в Сан-Франциско в ноябре 2023 г., включающий расширение гуманитарных обменов, возобновление контактов между военными, соглашения о сотрудничестве в области борьбы с изменением климата и наркоторговлей, управления искусственным интеллектом и т.д., а также основные принципы отношений между двумя странами, изложенные на Балийском саммите в ноябре 2022 г. Подробнее см.: [Чжао Хуашэн].

US exports to China. Goods and Services Exports to China and the Jobs They Support, by State and Congressional District (2023). The US-China Business Council, 19 p.

Поступила в редакцию: 18.03.2024
Принята к публикации: 15.04.2024

Received: Mar 18, 2024
Accepted: Apr 15, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-37-46

Сотрудничество РФ и КНР в углеводородной сфере: взаимные интересы, текущее состояние, перспективы

Уянаев Сергей Владимирович¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Сотрудничество в энергетической области и, в частности, в сфере углеводородов, традиционно и обоснованно считается важным направлением многопрофильного взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики. По своим содержательным формам энергетический диалог имеет многогранный характер, включая кооперацию в разведке полезных ископаемых, технологиях добычи, генерации мощностей, инвестиционном обеспечении соответствующих проектов. Тем не менее, как сложилось на практике, одним из главных элементов сотрудничества являются наращиваемые с начала столетия поставки углеводородного сырья из России в Китай. Такая ситуация отражает естественную взаимодополняемость экономических комплексов двух стран, которая, в свою очередь, служит одной из основ сочетаемости национальных интересов РФ и КНР. Уделяя внимание данным обстоятельствам, автор рассматривает конкретную практику сотрудничества в области углеводородных поставок, включая подписанные документы, реализованные и перспективные проекты. Сделан акцент на текущей ситуации, когда в условиях масштабного санкционного давления Запада системно важную задачу для России представляет переориентация отечественного энергетического экспорта в восточном направлении, в том числе на Китай. Наряду с анализом существующих трудностей, статья содержит вывод об итоговых позитивных перспективах российско-китайского углеводородного сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Китай, энергетика, взаимодополняемость, углеводороды, экспорт, трубопроводы, проекты.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Уянаев С.В. Сотрудничество РФ и КНР в углеводородной сфере: взаимные интересы, текущее состояние, перспективы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 37–46. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-37-46

Cooperation between Russia and China in the hydrocarbon sector: mutual interests, current state, prospects

Uyanaev Sergey V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Cooperation in the energy sector, and practically in the field of hydrocarbons, is traditionally and reasonably considered as an important area of multidisciplinary interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China. In terms of its substantive forms, the energy dialogue has a multifaceted character, includes cooperation in mineral exploration, production technologies, capacity generation, investment support for relevant projects. Nevertheless, as it was objectively developed in practice, one of the main elements of cooperation turned out to be the supply of hydrocarbons from Russia to China, which has been increasing since the beginning of the century. This situation reflects the natural complementarity of the economic complexes of the two countries, which, in turn, serves as one of the basic foundations for the compatibility of the national interests of the Russian Federation and the People's Republic of China. Paying attention to the circumstances above, the author examines the specific practice of cooperation in the field of hydrocarbon supplies, including the documents signed and the projects already implemented or being discussed. The focus is made on the current situation, when, in the context of large-scale sanctions pressure from the West, the task of reorientation of domestic energy exports to the East, including to China, is being considered systemically important for Russia. Pointing out the existing difficulties, the article contains a conclusion about the overall positive prospects for Russian-Chinese hydrocarbon cooperation.

Keywords: Russia, China, energy, complementarity, hydrocarbons, exports, pipelines, projects.

Author: Uyanaev S.V., PhD (History), Head of the Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovsky pr-t, 32). ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 "The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China in interstate, economic, other practical areas and in the foreign policy sphere, including in multilateral formats (RIC, BRICS)").

For citation: Uyanaev S.V. (2024). Sotrudnichestvo RF i KNR v uglevodorodnoy sfere: vzaimnyye interesy, tekushcheye sostoyaniye, perspektivy [Cooperation between Russia and China in the hydrocarbon sector: mutual interests, current state, prospects]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 37–46. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-37-46

«Несущая конструкция»

События в российско-китайских отношениях последних лет стали индикатором верности ряда важных оценок и начинаний, которые были инициированы руководством двух стран ещё 10–15 лет назад. В частности, оказался полностью подтверждён сформулированный тогда тезис о «стратегической важности» сотрудничества в энергетике.

Характеризуя набиравший тогда темпы многопрофильный диалог двух стран, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров метко определил область энергетики в качестве «главной несущей конструкции сотрудничества»¹.

Действительно, с начала 2000-х гг. взаимодействие в энергетике объективно выдвинулось на позицию важного драйвера всего комплекса российско-китайского экономического взаимодействия. Более того, когда в Китае и России уже не один год говорят о феномене «взаимодополняемости» и «потенциале соразвития» экономик двух стран как об одном из главных факторов совпадения их национальных интересов, речь идёт прежде всего об энергетике и, в частности, её углеводородном компоненте [Титаренко, Кузык 2006: 565, 570]. Поэтому естественно, что именно энергетический диалог ещё полтора десятилетия назад был назван «стратегическим», а в системе механизмов межправительственного сотрудничества в 2008 г. одной из первых появилась специализированная Комиссия по сотрудничеству в энергетике. Причём на практике в фокусе её внимания, наряду с другими энергетическими сферами (ядерная, угольная), чаще всего находилась область углеводородов. Вспомним и о том, что в марте 2013 г. именно энергетическое сотрудничество оказалось в центре первых российско-китайских переговоров в прочно сложившемся позднее формате «президент В.В. Путин – председатель Си Цзиньпин», которые прошли в ходе стартового зарубежного визита китайского руководителя, совершённого им после избрания на высший государственный пост. Стороны заявили тогда о «новом качестве энергетического диалога», назвали его «всесторонним, полномасштабным и полноценным», подписали сразу около десятка профильных документов, и, как уместно было бы сказать с позиций сегодняшнего дня, открыли в энергодиалоге «новую эпоху»².

Ныне энергетическое сотрудничество не только не утратило своего значения, но и в сложных условиях текущей международной ситуации прочно цементирует всю конструкцию российско-китайского партнёрства.

Стимулы и реализация

С точки зрения встречных интересов взаимная выгода углеводородного сотрудничества изначально была очевидна.

Для КНР долговременной задачей является обеспечение своей энергетической безопасности в части поставок необходимого сырья. Если ещё в 1980-е гг. Китай не только покрывал свои потребности собственной нефтью, но и экспортировал её, то, начиная с 1993 г., параллельно с динамичным ростом экономики, страна начала нефтяные закупки за рубежом, а в 2015 г. стала крупнейшим в мире импортёром нефти. При этом темпы роста поставок иностранной нефти оказались внушительными и устойчивыми, соизмеряясь с высокой динамикой китайской экономики в целом. Понятно, что соседняя дружественная Россия, будучи одним из крупных мировых углеводородных экспортёров, рассматривалась в этих условиях как естественный и перспективный партнёр.

¹ Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в газете «Жэньминь Жибао». *МИД России*, 15.07.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1592721/ (дата обращения: 01.03.2024).

² Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. *Президент России*, 22.03.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17728> (дата обращения: 12.03.2024).

В свою очередь для России неизменно актуальной была необходимость диверсификации энергетического экспорта. Многие российские эксперты и политики говорили об этом ещё два десятилетия назад. Однако на деле соответствующие проекты продвигались с немалым трудом. Сейчас, в условиях развёрнутой Западом тотальной санкционной войны, практически закрывшей для России европейские нефтегазовые рынки, данная задача оказалась предельно злободневной. Поэтому неудивительно, что практическая работа по пересмотру маршрутов российского энергетического экспорта, стартовавшая в начале 2010-х гг., в последние годы заметно ускорилась.

На основе перечисленных базовых взаимных заинтересованностей сотрудничество РФ и КНР в углеводородной сфере выстраивалось в различных формах. Стороны неоднократно декларировали намерения совместного освоения российских месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также строительства нефтеперерабатывающих заводов и создания и эксплуатации сети АЗС в Китае. По этим направлениям были сделаны практические шаги. Но основным элементом сотрудничества, как показала практика, стали физические поставки углеводородов из России в Китай.

Трубопроводная нефть

Если говорить о нефти, то её экспорт в КНР на протяжении уже двух десятилетий осуществляется из России в нарастающих объёмах, пусть и не всегда равномерно. В техническом плане реализуются разные способы поставок.

До начала 2011 г. нефть отправлялась в Китай в основном по железной дороге, и объёмы поставок ограничивались в том числе её пропускной способностью. Ещё в 2003 г. они составляли всего лишь 5 млн т в год.

Первый крупный контракт был заключён в 2004 г., когда компания «Роснефть» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) договорились о поставках в Китай в период 2005–2010 гг. 48,4 млн т нефти [Дёмина, Огнёв 2015]. Годовые железнодорожные поставки в течение последующих 2-3 лет возросли сразу втрое – до 15 млн т, однако затем на фоне мирового экономического кризиса произошёл некоторый спад (по данным Торгпредства РФ в КНР – до 11,6 млн т в 2008 г.).

Положение радикально поменялось с запуском трубопроводного способа доставки. В начале 2011 г. по ветке Сковородино – Мохэ, построенной как ответвление от нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», в Китай потекла первая трубопроводная нефть. Это стало практической реализацией подписанного двумя годами ранее Соглашения о 20-летних поставках общим объёмом 300 млн т, которое Китай подкрепил долгосрочным целевым кредитом в 25 млрд долл.³

В 2013 г. документальная часть, регулирующая нефтяные поставки, была уточнена и конкретизирована. «Роснефть» и CNPC подписали соглашение на экспорт российской нефти в Китай на сумму 270 млрд долларов, договорившись, что в течение 25 лет РФ отправит в Китай 365 млн т нефти⁴.

³ Россия и Китай узаконили отношения в нефтяной сфере. *Росбалт*, 03.07.2009. URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2009-07-03/rossiya-i-kitay-uzakonili-otnosheniya-v-neftyanoj-sfere-3667516> (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Роснефть и CNPC подписали долгосрочный контракт на поставку российской нефти в Китай на \$270 млрд. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/35332/> (дата обращения: 30.01.2024).

С тех пор объёмы российского нефтяного экспорта в Китай год от года лишь росли. Если до 2009–2010 гг. они, как было указано выше, не превышали 15 млн т в год, то в 2015 г. поставки возросли более чем вдвое – до 37 млн. А ещё через пять лет они вновь увеличились в два с лишним раза, составив в 2020 г. 83,2 млн т.

Параллельно доля РФ в нефтяном импорте КНР с 2 % в 2001 г. поднялась до 8,6 % в 2013 г. и почти до 16 % по итогам 2020 г. (см. табл. 1.)

Таблица 1. Экспорт российской нефти в Китай по годам, млн т.

Table 1. Russian oil exports to China by year, million tons.

2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1,5	5,3	12,8	14,5	15,0	19,7	24,1	37,7	52,5	59,7	71,5	77,7	83,2	79,6	86,3	107,0

Источник/Source: BP Statistical Review of World Energy 2001–2023.

С начала 2018 г. была запущена вторая ветка нефтепровода Сковородино – Мохэ, и ежегодные поставки по нему уже в конце этого же года приблизились к 30 млн. т.

Однако этим маршрутом поставки не ограничиваются. Нефть в Китай идёт также через казахстанский нефтепровод, по которому ещё в середине 2010 г. стороны договорились довести прокачку до 10 млн т в год. Поставки осуществляются и морским транспортом, причём в последние годы они активизировались.

«Сила Сибири» и не только

Что касается сотрудничества в сфере природного газа, то оно стартовало несколько позже. Этому есть простое объяснение. Согласно данным компании British Petroleum (BP), Китай стал импортёром природного газа, начиная с 2007 г., когда национальный объём потребления стал превышать объёмы производства. Начались закупки сжиженного газа (СПГ), были запущены проекты газовых трубопроводов из Туркменистана и Мьянмы.

Но к этому времени уже велись переговоры по поводу возможного импорта из России. Достаточно взглянуть на документы встреч на высшем уровне ещё в марте 2006 г., когда высшими руководителями были приняты принципиальные решения о поставках природного газа из РФ в КНР сразу по двум трубопроводным маршрутам. В Совместной декларации по итогам состоявшегося тогда визита В.В. Путина в Пекин была отмечена «активная работа по продвижению проектов трубопроводов для поставок сырой нефти и природного газа из России в Китай», ОАО «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация подписали «Меморандум о поставках природного газа»⁵.

А в 2009 г. в развитие этих договорённостей были подписаны новые документы («Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере природного газа» и «Дорожная карта» к нему), в которых конкретизировались не только маршруты будущих газопроводов – «западный» и «восточный», но и предполагаемые объёмы прокачки: 30 млрд куб. м по первому направлению и 38 млрд куб. м по второму [Уянаев 2013: 283–284].

⁵ Совместная Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики и Список подписанных документов. *Президент России*, 21.03.2006. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/35247/> (дата обращения: 04.04.2024).

В части «восточного маршрута», названного в итоге «Сила Сибири – 1», непростые переговоры успешно завершились в 2014 г. Был подписан договор сроком на 30 лет. Предусматривалось, что по этому газопроводу из Якутии к границе с КНР будет ежегодно поставляться газ в указанном выше объёме (38 млрд куб. м).

В 2015 г. стороны подписали Соглашение об основных условиях поставок газа в КНР и по «западному маршруту» («Сила Сибири – 2») – с месторождений Западной Сибири. Были подтверждены прежние намерения об объёме годовых поставок (30 млрд куб. м).

Кроме этого, в 2015–2017 гг. были подписаны также Меморандум и «Основные условия поставок», касающиеся экспорта более скромных объёмов 5–10 млрд куб. м газа в год по третьему маршруту. Его называют «Сила Сибири – 3», и он является отводом от российского газопровода Сахалин – Хабаровск – Владивосток [Карлусов 2020: 249].

Первые поставки по «Силе Сибири – 1» начались в декабре 2019 г.⁶, и за этот месяц в Китай были перекачаны начальные 328 млн куб. м российского природного газа. К этому же времени первую практическую отдачу получило сотрудничество в сфере СПГ, в том числе в рамках международного проекта «Ямал – СПГ», где китайский Фонд Шёлкового пути выступил одним из соинвесторов (9,9 % акций). В середине 2010-х гг. с российских предприятий начались первые поставки СПГ в КНР, объём которых к концу десятилетия приблизился к 7 млрд куб. м, а РФ вошла в пятёрку главных поставщиков сжиженного газа на китайский рынок (см. табл. 2).

Таблица 2. Экспорт из России в Китай природного газа (2018–2023 гг.)

Table 2. Export of natural gas from Russia to China (2018–2023).

Экспорт природного газа, млрд куб. м	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Трубопроводы (Сила Сибири 1)	–	0,32	3,9	7,6	14,7	22,7
Сжиженный газ (СПГ)	1,3	3,4	6,9	6,2	6,1	4,3

Источник/Source: BP Statistical Review of World Energy 2019-2023.

День сегодняшний и перспективы

Резкие международные трансформации двух последних лет оказали заметное воздействие на международные углеводородные потоки, вызвав, в частности, перестройку маршрутов российского экспорта, а также перемены на импортных энергетических рынках Европы и ряда других стран. В том числе, на фоне спровоцированного действиями США обострения ситуации вокруг Тайваня объективно актуализировалась тема обеспечения безопасности маршрутов углеводородного экспорта в КНР, которые в случае военной напряжённости в ЮКМ и Малаккском проливе могут испытывать повышенные риски.

Все эти факторы стали стимулом к дальнейшему развитию сотрудничества России и Китая в сфере углеводородов.

В отношении **нефтяных** поставок заметим, что, если в 2021 г. объём экспорта в КНР (79,64 млн т) был даже меньшим, чем годом ранее, то в 2022 г. он заметно вырос – до рекордных 86,3 млн т.

⁶ «Газпром» запустил первый газопровод в Китай. *РБК*, 02.12.2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/12/2019/5de4b1e29a7947da6d1db2f3/> (дата обращения: 12.11.2023).

Но особенный прирост наблюдался в 2023 г., когда поставки нефти в Китай увеличились сразу на четверть и достигли отметки в 107 млн т⁷. Доля России в нефтяном импорте Китая составила 19 %, практически удвоившись за последнее десятилетие. Особенностью 2023 г. стала организация способов поставок: на трубопроводы пришлось 42 млн т, при этом активно был задействован морской транспорт.

В целях дальнейшего наращивания и диверсификации маршрутов поставок Россия и Китай в феврале 2022 г. конкретизировали уже упомянутые выше договорённости о прокачке нефти в КНР через Казахстан, договорившись об экспорте по этому направлению на запад КНР 100 млн т нефти в течение 10 лет.

Дополнительные объёмы нефти, закупленные Китаем (а также Индией и рядом других стран), стали, разумеется, не полной, но заметной компенсацией тех экспортных объёмов, которые Россия после 2021 г. утратила на нефтяных экспортных рынках ЕС. Первые сведения о поставках 2024 г. позволяют говорить, что эта тенденция, по меньшей мере, в ближайшее время имеет перспективы наращивания: в январе-феврале объём поставляемой из России в Китай нефти в среднем на 13 % превосходил уровень 2023 г.

Динамика поставок в Китай российского **природного газа** в текущем десятилетии складывалась, как отмечалось выше, на основе планового повышения пропускной способности трубопровода «Сила Сибири – 1», дальнейшего роста поставок российского СПГ, а также других проектов.

В 2021–2023 гг. Россия экспортировала по газопроводу «Сила Сибири» в Китай соответственно 7,6 млрд, 15,5 млрд и 22,7 млрд куб. м газа⁸. Выход газопровода на проектную мощность в 38 млрд куб. м ожидается в 2025 г.

С российских предприятий продолжались поставки СПГ. В 2023 г. их объём составил без малого 4,3 млрд куб. м., несколько снизившись в сравнении с предыдущими годами. Тем не менее, начиная с 2020 г. Россия не уступает 4-е место в списке главных поставщиков сжиженного газа в Китай⁹.

Оценивая текущую ситуацию в целом, нельзя не отметить, что в контексте спровоцированной Западом потери Россией большого сегмента европейского газового рынка (в 2021 г. туда ушло свыше 80 % экспорта российского трубопроводного газа и около половины СПГ) сотрудничество с Китаем и другими азиатскими странами, дающее возможность компенсации, приобрело для нашей страны особое значение, даже большее, чем в случае с экспортом нефти.

По итогам 2022 г. из объёмов российского трубопроводного газа, поставлявшихся годом ранее в Европу (около 168 млрд куб. м), по причине санкций «выпало» не менее 65 млрд куб. м. По оценочным сведениям за 2023 г. – ещё примерно столько же. В зоне риска и неопределённости находятся перспективы и тех пропускных мощностей в Европу, в том числе через территорию Турции, которые к началу 2024 г. оставались пока действующими¹⁰.

⁷ Поставки нефти из России в Китай в 2023 году выросли на 24%. *TACC*, 20.01.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19774429> (дата обращения: 01.03.2024).

⁸ Импорт СПГ в Китай. *Новостной канал Сяла*, 27.02.2024. URL: <https://seala.ru/statisticslng/kitayimport/> (дата обращения: 11.03.2024),

⁹ Там же.

¹⁰ Экспорт трубопроводного газа из России в 2023 году снизится в 1,5 раза. *РБК*, 07.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/08/2023/64ccd4b29a79472f1bdd75db> (дата обращения: 01.04.2024).

В этих условиях для России трубопровод «Сила Сибири–1» позволяет частично нивелировать потери [Гулиев 2024], и его вывод на проектную мощность является особенно актуальным. Но, как подсказывают простые подсчёты, даже если к конечной мощности «Силы Сибири – 1» приплюсовать поставки в Китай по планируемому отводу от газопровода «Сахалин – Владивосток», затем дополнить их пока потенциальными экспортными объёмами в КНР (10 млрд куб. м в год) по линии трёхстороннего консорциума с Казахстаном и Узбекистаном¹¹, то и тогда полученная сумма по всем трём маршрутам не превысит 50–55 млрд куб. м. Это оказывается заметно ниже тех экспортных объёмов (к началу 2024 г. порядка 130 млрд куб. м), которые Россия уже утратила на европейском направлении. Тем более, что поставки 38 млрд куб. м газа по «Силе Сибири – 1», будучи запланированными ещё много лет назад – задолго до обрушения европейского рынка, – могут рассматриваться как вариант компенсации лишь с серьёзной логической натяжкой.

По мнению многих специалистов, действенным решением могла бы стать реализация упомянутого выше «западного маршрута», который, помимо прочего, напрямую связал бы с Китаем те западносибирские месторождения, с которых осуществлялись резко сократившиеся ныне поставки в Европу.

Инициированный почти 20 лет назад под названием «Алтай», данный проект приобрёл за прошедшие годы не только другое название («Сила Сибири – 2»), но и новое измерение с точки зрения географии прохождения трубопровода и его пропускной мощности. В нынешнем виде проект предусматривает прокладку через территорию Монголии, с возможностью ежегодной поставки до 50 млрд т газа (к 2030 г.).

Контракт ещё не заключён и находится в стадии обсуждения. Вопросы, требующих решений, много, что абсолютно естественно для столь масштабного и дорогого проекта. В их числе системные вопросы финансирования, конечной окупаемости, ценообразования, с учётом того, что проект переместился теперь в многостороннюю плоскость с вовлечением монгольских партнёров, а значит, появился транзитный компонент.

Кроме того, как указывают эксперты, в числе препятствий, которые предстоит преодолеть, находятся неопределённости относительно реальных потребностей китайского газового рынка на временном рубеже предполагаемого окончания строительства «Силы Сибири– 2» (примерно 2030 г.).

В частности, высказывается мнение, что в рамках объявленной в Китае цели «до 2060 года достигнуть углеродной нейтральности» в стране может произойти пересмотр долговременных потребностей в природном газе. На это обращают внимание эксперты Института международных исследований Фуданьского университета. В контексте изменений на мировом энергетическом рынке, включая поворот российского энергетического экспорта в сторону Азии, в том числе Китая, специалисты по российско-китайским отношениям из этого авторитетного центра отмечают, что КНР «сосредоточится на продвижении чистой энергетики, чтобы в конечном итоге достичь модели, которая фундаментально избавляет от зависимости от ископаемых источников» [Feng Yujun 2023].

Работа по поиску оптимальных решений ведётся, и её вряд ли стоит торопить. Китайские партнёры известны как настойчивые и требовательные переговорщики,

¹¹ «Тройственный газовый союз» заработал. *Информканал Монокль*, 07.10.2023. URL: <https://monocle.ru/2023/10/7/troystvenniy-gazoviy-soyuz-zarabotal/> (дата обращения: 16.01.2024).

учитывающие, в том числе, международную конъюнктуру и конкуренцию на мировом нефтегазовом рынке. Так, не умаляя, а лишь подчёркивая общий «взаимодополняющий характер сотрудничества», китайские эксперты по России из Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), тем не менее, показательно отмечают, что «для устойчивого развития китайско-российское экономическое сотрудничество должно прочно опираться на принципы взаимной выгоды» [Ding Xiaoxing]. С этим трудно не согласиться.

В любом случае, очевидно, что каков бы ни был итоговый результат конкретного проекта, он вряд ли поколеблет определяющую тенденцию в долговременном и стабильном российско-китайском энергетическом диалоге. В обеих странах существует согласие, что он продолжает служить интересам двух государств, является важным фактором укрепления российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнёрства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гулиев И.А. ТЭК России: итоги года 2023 и ожидания 2024. *Портал МГИМО МИД РФ*. 10.01.2024. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/tek-rossii-2023/> (дата обращения: 01.04.2024).
- Дёмина О.В., Огнёв А.Ю. Развитие энергетического сотрудничества России и Китая: декларации и практика // *Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление*. Иркутск: ФГБУН Институт систем энергетики СО РАН, 2015. С. 141–147.
- Карлусов В.В., Ярков Д.А. Сотрудничество России и Китая в газовой отрасли: тенденции, проблемы, перспективы // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 239–254. DOI: 10.34670/AR.2020.65.72.032
- Титаренко М.Л., Кузык Б.Н. Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
- Уянаев С.В. Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового уровня // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2013. Т. 18. № 18. С. 277–295.

REFERENCES

- Guliyev I.A. (2024). Toplivno-energeticheskiy kompleks Rossii: itogi goda 2023 i ozhidaniya 2024 [Fuel and energy complex of Russia: the results of the year 2023 and the expectations of 2024]. *MGIMO portal of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/tek-rossii-2023/> (accessed: 01.04.2024). (In Russian).
- Demina O.V., Ognev A.Yu. (2015). Razvitiye energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya: deklaratsii i praktika [Development of energy cooperation between Russia and China: declarations and practice]. *Energetika Rossii v XXI veke. Innovatsionnoye razvitiye i upravleniye [Energy of Russia in the XXI century. Innovative development and management]*. Irkutsk: Institute of Energy Systems SB RAS, 141–147. (In Russian).
- Karlusov V.V., Yarkov D.A. (2020). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v gazovoy otrasli: tendentsii, problemy, perspektivy [Cooperation between Russia and China in the gas industry: trends, problems, prospects]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: yesterday, today, tomorrow]*, 10. (6-1): 239–254. DOI: 10.34670/AR.2020.65.72.032 (In Russian).
- Titarenko M.L., Kuzyk B.N. (2006). *Kitay–Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya [China–Russia 2050: Co-development strategy]*. Moscow: Institute of Economic Strategies, 656 p. (In Russian).
- Uyanaev S.V. (2013). Rossiysko-kitayskoye energeticheskoye sotrudnichestvo: priznaki novogo urovnya [Russian-Chinese energy cooperation: signs of a new level]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike*.

Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 18 (18): 277–295. (In Russian).

* * *

Ding Xiaoxing (2023). Zhong E liang guo de xiangchu zhi dao lai yuan [The way China and Russia get along]. In: *Eluosi yanjiu* [Russian Studies], 2. URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=d808f507-8886-41bb-9ad5-0a49fd308d40> (accessed: 14.02.2024). (In Chinese).

Feng Yujun, et al. (2023). Quanchiu nengyuan gongying lian shi ruhe zhongzu de [How the Global Energy Supply Chain is Reorganized]. In: *Zhongguo shiyou he huagong chanye guan cha* [China Petroleum and Chemical Industry Watch], 4: 36–38. URL: <https://iis.fudan.edu.cn/ad/c3/c6852a634307/page.htm> (accessed: 04.04.2024). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 08.04.2024

Received: Apr 8, 2024

Принята к публикации: 15.04.2024

Accepted: Apr 15, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-47-59

Зарубежная историография внешней политики КНР

Портяков Владимир Яковлевич¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В зарубежной историографии внешней политики Китая доминируют работы американских учёных. Такое положение сложилось не сразу, и тому есть несколько причин. Во-первых, поражение Чан Кайши и победа китайских коммунистов были восприняты властями США как «потеря Китая». Ответственность за неё была не в последнюю очередь возложена на американских китаеведов, нередко оказывавших Гоминьдану консультационные услуги. Кроме того, у американцев, включая чиновников и учёных-китаеведов, до начала 1970-х гг. отсутствовали непосредственные контакты с гражданами КНР. Первые такие контакты появились в 1971–1972 гг., в том числе у некоторых журналистов (в контексте визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г.) и малочисленных китаеведов (например, Джона Фэрбэнка в 1972 г., принятого Чжоу Эньлаем). После установления с 1 января 1979 г. дипотношений между США и КНР американские китаеведы получили полноценный доступ к стране изучения, количество и качество китаеведческих работ стало расти в геометрической прогрессии. В статье рассмотрены основные труды, принадлежащие наиболее известным специалистам по внешней политике КНР. Можно констатировать, что вплоть до президентства Д. Трампа в США относились к КНР и её внешней политике преимущественно позитивно, и лишь позднее возобладала точка зрения о нарастании противоречий между Пекином и Вашингтоном.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, изучение в мире, американские учёные.

Автор: Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0020 «Государственное и правовое строительство в КНР»).

Для цитирования: Портяков В.Я. Зарубежная историография внешней политики КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 47–59. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-47-59

Foreign Historiography of China's Foreign Policy

Portyakov Vladimir Ya.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The foreign historiography of China's foreign policy is dominated by the works of American scholars. This situation did not develop immediately and can be explained by several reasons. First, the defeat of Chiang Kai-shek and the victory of the Chinese Communists were perceived by the US authorities as a “loss of China”. Responsibility for it was not least assigned to American sinologists, who often provided consulting services to the Kuomintang. In addition, Americans, including officials and scholars, had no direct contacts with Chinese citizens until the early 1970s. The first such contacts appeared in 1971–1972, including among some journalists (in the context of R. Nixon's visit to China in February 1972) and a small number of China's scholars (for example, John Fairbank in 1972, received by Zhou Enlai). After the establishment of diplomatic relations between the United States and the People's Republic of China on January 1, 1979, American sinologists received full access to the country of study, and the quantity and quality of sinological works began to grow exponentially. The article examines the main works by the most famous experts on the foreign policy of the PRC. It can be stated that before the presidency of Donald Trump, the United States had a predominantly positive attitude towards China and its foreign policy, and only later did the point of view about the growing contradictions between Beijing and Washington prevail.

Keywords: China, foreign policy, world studies, American scientists.

Author: Portyakov Vladimir Ya., DSc (Economics), Professor, Chief Researcher of the Center for Political Studies and Forecasts, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0020 “state and legal construction in the PRC”).

For citation: Portyakov V.Ya. Zarubejnaya istoriografiya vneshnei politiki KNR [Foreign Historiography of China's Foreign Policy]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 47–59. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-47-59

В зарубежной историографии внешней политики Китая доминируют работы американских учёных.

Такое положение сложилось не сразу. Более того, для США в первые два десятилетия после образования КНР оказался характерен явно замедленный процесс сколько-нибудь масштабного исследования китайской проблематики.

Тому есть несколько причин. Во-первых, поражение Чан Кайши и победа китайских коммунистов были восприняты властями США как «потеря Китая». Ответственность за неё была не в последнюю очередь возложена на американских китаеведов, нередко оказывавших Гоминьдану консультационные услуги, а отчасти и полагавших возможным наладить взаимодействие с Мао Цзэдуном. В обстановке разгула маккартизма ряд видных специалистов по Китаю подвергся проверке на предмет «антиамериканской деятельности», эти исследователи были на время отстранены от занимаемых ими служебных или научных

постов. В их числе оказались основатель современного американского китаеведения Джон Фэрбэнк и бывший генконсул США в Пекине О. Эдмунд Клабб. Подобная атмосфера делала изучение Китая непопулярным, мешала притоку в китаеведение новых кадров.

Во-вторых, сложность для изучения представляла незрелость самого предмета исследования. Развитие КНР, в том числе и её внешней политики, в 1950-е гг. только начиналось.

В-третьих, сказывалось отсутствие непосредственных контактов американцев с гражданами КНР, включая чиновников и учёных-китаеведов.

Первые такие контакты появились в 1971–1972 гг., в том числе у некоторых журналистов (в контексте визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г.) и малочисленных китаеведов (например, Джона Фэрбэнка в 1972 г., принятого Чжоу Эньлаем).

Среди американских китаеведов старшего поколения – авторов работ по внешней политике КНР – первым и по времени публикации, и по известности следует назвать **Джона Фэрбэнка** (John Fairbank, 1907–1991).

Широкая международная известность Дж. Фэрбэнка связана с тем, что он стал одним из ведущих авторов 15-томной «Кембриджской истории Китая».

Длительное время Фэрбэнк руководил Центром китайских исследований в Гарвардском университете, которому впоследствии было присвоено его имя. Подготовил несколько десятков учеников-китаеведов. В 1948 г. опубликовал монографию «Соединённые Штаты и Китай», обновлённые версии которой несколько раз переиздавались в дальнейшем. Фактически издание 1979 г. представляет собой не только иллюстрированный очерк американо-китайских отношений, хронологически доведённый до признания Вашингтоном Пекина в декабре 1978 г., но в целом труд по истории Китая и анализ китайского общества [Fairbank 1979].

Существенный интерес представляет одна из последних прижизненных публикаций Фэрбэнка «Наблюдая за Китаем» (“China Watch”, 1987), освещающая впечатления от Китая и формирование его образа в США в первые пятнадцать лет после возобновления непосредственных контактов американцев с китайцами. Джон Фэрбэнк объяснял рост интереса в США к современной КНР тем обстоятельством, что «недавно Китай снова ожил и повернулся к нам», и одновременно подчёркивал, что глубинный интерес Америки к этой стране носит не конъюнктурный характер, но напротив, «обретение потенциальных богатств от торговли с Китаем было частью нашей мечты на протяжении двух столетий». Монография содержит главы о китайско-индийской пограничной войне 1962 г. (здесь Фэрбэнк выступал всецело на стороне Китая, считая неразумной позицию Дж. Неру, отказавшегося поначалу от переговоров о линии прохождения границы) и об историческом контексте визита Р. Никсона в КНР в 1972 г. [Fairbank 1987].

По-своему естественно, что в 1960-е – начале 1970-х гг. главной внешнеполитической темой американской синологии стал так называемый «советско-китайский раскол». Он породил обилие доступных для анализа материалов взаимной полемики, не требовавших «личного присутствия» аналитиков в Китае.

Классическим образцом такого рода работ стали монографии **Уильяма Гриффита** (William Griffith, 1920–1998) «Советско-китайский раскол» [Griffith 1964], «Советско-китайские отношения 1964–1965» [Griffith 1966] и «Албания и советско-китайский раскол» [Griffith 1963]. У. Гриффит, скорее кремленолог по базовому образованию, работал

консультантом на радио «Свободная Европа» в ФРГ, а также советником по культуре в посольстве США в Бонне.

В своих публикациях, отличающихся скрупулёзной обработкой ведущих советских (газета «Правда», журнал «Коммунист») и китайских источников (газета «Жэньминь жибао», «Peking Review»), Гриффит тщательно проследил основные этапы и повороты советско-китайской полемики первой половины 1960-х гг. и её влияние на некоторые «смежные» области – ситуацию в Албании, Румынии, в компартиях Западной Европы.

У. Гриффит считал основной причиной китайско-советского раскола решимость Мао Цзэдуна и его сподвижников сделать Китай сверхдержавой и одновременно – решимость советского руководства предотвратить это.

В отличие от СССР, где неизменно говорили о «переносе идеологических разногласий между КПК и КПСС на межгосударственные отношения между КНР и Советским Союзом», Гриффит полагал первичным конфликт государственных интересов двух стран, который и был транслирован в идеологическую полемику. По прогнозу Гриффита, китайско-советские разногласия к середине 1960-х гг. стали уже столь велики, что какое-либо постоянное примирение казалось невозможным [Griffith 1966: 4–5, 143].

Ещё одну работу по советско-китайским отношениям «Китай и Россия: “Большая игра”» подготовил **Эдмунд Клубб** (Edmund Clubb, 1901–1989) [Clubb 1971]. В ней проблема отношений двух стран рассматривается в историческом контексте – от встречи империй и нормализации русско-маньчжурских отношений до влияния российской революции на Китай и учёбы китайских революционеров в Москве. Ещё одной важной работой Клубба стала монография «Китай в XX веке», впервые опубликованная в 1964 г. и переизданная в 1972 и 1978 гг. В ней был рассмотрен коллапс конфуцианского Китая, националистическое «междоусобице» и наступление в стране «коммунистической эры» [Clubb 1964].

Автором первой комплексной американской работы о внешней политике КНР – «Коммунистический Китай в мировой политике» – был **Гарольд Хинтон** (Harold C. Hinton, 1924–1993) [Hinton 1966], известный в 1960–1980-х гг. в стране как специалист по широкому кругу проблем современной Азии и отличавшийся жёсткими антикоммунистическими взглядами. Хинтон сыграл пионерскую роль и в исследовании китайской элиты, консультировал правительственные и разведывательные структуры и подготовил немало учеников, в т.ч. Майкла Оксенберга и Дэвида Шамбо¹.

Начиная с 1970-х гг., вслед за прорывным визитом Р. Никсона в КНР, американское китаеведение перестаёт быть почти исключительно «заочным» занятием.

Исследователи и журналисты получают возможность бывать в КНР, поначалу довольно редкую, но с запуском реформ в 1980-е гг. уже практически регулярную. Стали возможными контакты с учёными и даже с официальными китайскими чиновниками. Стремительно росли объём и качество издаваемой в КНР научной и общественно-политической литературы. Быстро расширились и связи Пекина с мировым сообществом.

Перемены в объекте изучения влияли и на субъект. Американское китаеведение становится менее академичным и в большей мере ориентированным на практическую отдачу.

¹ Shambaugh David. Harold C. Hinton Remembered (1924–93). URL: https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/A28FE6F459AED36C352D86A8B3D7F915/S0305741000034123a.pdf/harold_c_hinton_remembered_192493.pdf (accessed: 26.10.2023).

В изучении внешней политики Китая в США на ведущее место выходит анализ–прогноз американо-китайских отношений. Ведущие специалисты по современному Китаю в большинстве выходят за рамки преподавательской и исследовательской деятельности, периодически привлекаясь к работе в госдепартаменте и/или разведслужбах. Правда, практически все они к концу карьеры возвращались в университеты, активно участвуя в подготовке новых кадров китаеведов и в публикациях по КНР.

Один из наиболее известных в мире американских китаеведов этого поколения – **Артур Доак Барнетт** (A. Doak Barnett, 1921–1999). Выходец из семьи миссионера, работавшего в Китае, он ещё в детстве овладел китайским языком, что содействовало его высокой мобильности как журналиста в период правления Чан Кайши.

Исследователи отмечают сбалансированный реалистический подход А. Доака Барнетта к Китаю. Он выступал «за сдерживание без изоляции», рекомендовал президентам США Дж. Картеру и Р. Рейгану воздержаться от продажи Тайваню модернизированных истребителей.

Широкое общественное признание заслуг Барнетта выражалось, среди прочего, в прочтении в начале 2000-х гг. в Шанхае – городе, где он родился, ежегодной специальной лекции о китайско-американских отношениях, названной «Лекция Барнетта – Оксенберга». Эта практика продолжалась более десяти лет.

А. Доак Барнетт – автор многих работ, прежде всего по американо-китайским отношениям. На основе интенсивных личных бесед в КНР в июле-августе 1984 г. с широким кругом собеседников он подготовил новаторскую монографию «Как в Китае делается внешняя политика. Структура и процесс» [Barnett 1985]. В работе показаны роль и функции высших партийных органов в принятии и исполнении внешнеполитических решений КНР, в том числе Политбюро и секретариата ЦК КПК, Госсовета, МИД, военных организаций, исследовательских институтов. Особую значимость монографии Барнетта придаёт то обстоятельство, что общий ориентир в ней был задан интервью с Чжао Цзяньном – на тот момент премьером Госсовета КНР.

В кругу американских китаеведов высокий престиж снискал **Аллен Уайтинг** (Allen S. Whiting, 1926–2018). За рубежом он менее известен, скорее всего потому что значительная часть его рабочей карьеры прошла в государственных и разведывательных структурах – в корпорации РЭНД (RAND от “research and development”), Дальневосточном отделе Бюро разведки и исследований и т.д. Входил в состав совета директоров Национального комитета по американо-китайским отношениям и Ассоциации азиатских исследований. Академическая карьера Уайтинга связана главным образом с Мичиганским университетом в Энн-Арборе и Университетом Аризоны в Тусоне.

Уайтинг выступил соавтором и редактором таких резонансных работ, как «Синьцзян: пешка или точка опоры?»² [Whiting, General Sheng Shih-Ts'ai 1958] с описанием соперничества Китая и СССР в Синьцзяне в 1940-е гг., «Китай пересекает Ялу: решение вступить в Корейскую войну» [Whiting 1960]. В последующих публикациях Уайтинга рассматривались вопросы индо-китайской войны 1962 г., китайско-японских отношений (1989, 1973), перспектив американо-китайских отношений (1976).

² Первую часть книги – «Советская стратегия в Синьцзяне: 1933–49» написал Уайтинг. Вторую часть – «Неудача красных в Синьцзяне» – генерал Шэн Шицай.

В декабре 2002 г. в честь Аллена Уайтинга в Гарвардском университете была организована специальная конференция. Её материалы были позже изданы в отдельном томе под названием «Новые направления в изучении внешней политики Китая» [New directions... 2006]. Редакторы издания – Алистер Джонстон и Роберт Росс – особо подчеркнули, что Уайтинг постоянно отстаивал ту точку зрения, что китайское правительство подходит к международным целям в основном рационально, включая таких акторов-идеологических фундаменталистов, как сам Мао Цзэдун.

Мишель Оксенберг (Michel Oksenberg, 1938–2001) широко известен своим непосредственным участием в нормализации и установлении дипломатических отношений между США и Китаем при президенте Дж. Картере. Оксенберг – последовательный сторонник выстраивания Вашингтоном зоны общих интересов с Пекином, роль которого в мировых делах неуклонно растёт. Он полагал, что за четверть века КНР прошла путь от государства-парии до ответственного члена международного сообщества, главным образом благодаря её собственным решениям, но также и при значительной помощи остального мира.

Среди его основных работ – «Дракон и орёл: отношения США и Китая, прошлое и будущее» [Oksenberg 1978], «Формируя американско-китайские отношения: долгосрочная стратегия» [Oksenberg 1997], «Китай присоединяется к миру: прогресс и перспективы» [Oksenberg (ed.) 1997]. В последней работе, объединившей более десятка специалистов по различным областям международных отношений, рассмотрено взаимодействие Китая с ООН, с международными режимами контроля за вооружениями и за соблюдением прав человека, взаимодействие КНР с мировой торговой и международной финансовой системой, позиция Китая относительно защиты окружающей среды. Отношения КНР с какими-либо конкретными государствами или группами стран не рассматриваются.

Кеннет Либерталь (Kenneth Lieberthal) совмещал академическую карьеру (Мичиган, Брукингс) с периодическим привлечением на госслужбу. Базовая специализация по образованию – российские исследования. Его китаеведческая карьера началась с анализа китайско-советского конфликта в опубликованном корпорацией РЭНД докладе «Китайско-советский конфликт в 1970-х: эволюция и последствия для стратегического треугольника» [Lieberthal 1978]. Многие перипетии китайско-российских отношений 1966–1977 гг. К. Либерталь объясняет различиями в позициях отдельных фракций в китайском руководстве в целом и особенно – в их подходе к отношениям с СССР.

Широкую известность в Китае и в США приобрела совместная работа К. Либерталя с ведущим китайским американистом Ван Цзисы «Обращаясь к американско-китайскому стратегическому недоверию» [Lieberthal 2012]. Авторы изложили своё видение причин взаимного недоверия, соответственно, с китайской и американской стороны и предложили собственный вариант выстраивания стратегического доверия. Среди предложений – снизить взаимное недоверие вокруг Тайваня. Похоже, это не удалось, по крайней мере, в последующие за публикацией десять лет.

Дэвид Лэмптон (David Lampton) – многолетний председатель Комитета по американско-китайским отношениям. Подчас его называют «номером один» среди американских синологов, занимающихся современным Китаем. Лэмптон работал во многих научных центрах, изучая вопросы внутренней и внешней политики КНР, китайского руководства, американско-китайских отношений. Среди наиболее известных работ учёного – «Спят в одной

постели, а мечтают о разном: управление китайско-американскими отношениями, 1989–2000» [Lampton 2001] и «Три лика китайской мощи: сила, деньги и умы» [Lampton 2008].

Работа о «трёх ликах китайской мощи» завершается разделом, ставшим почти обязательным для американских исследований по КНР: что китайская мощь значит для Соединённых Штатов? В рецензии Барретта Маккормика на эту книгу в журнале «China Perspectives» позиция Д. Лэмптона интерпретируется таким образом, что Западу вряд ли стоит в дальнейшем ожидать от КНР неприятных неожиданностей, Пекин продолжит концентрироваться на модернизации и будет «выполнять свою часть сделки» [McCormick 2009]. Однако в реальности КНР уже в 2009 г., т.е. вскоре после публикации «умиротворяющей» монографии Д. Лэмптона, перешла к «напористой политике», означающей конвертацию выросшего экономического потенциала в более активные внешнеполитические действия (инцидент с судном «Импеккабл» в марте 2009 г. был первым сигналом). Судя по всему, Лэмптон учёл свой просчёт, и его речь в мае 2015 г. в Картеровском центре стала первым серьёзным предупреждением о начале ухудшения отношений между КНР и США.

Джон Гарвер (John Garver) провёл основную часть своей профессиональной карьеры в Технологическом университете штата Джорджия, Атланта. Стал широко известен в кругах китаеведов и политологов фундаментальными монографиями о китайско-индийских [Garver 2001] и китайско-иранских [Garver 2006] отношениях. Но, говоря образно, «памятник нерукотворный» он воздвиг себе, написав поистине уникальный, не имеющий близких аналогов труд «Китайский поиск: история внешних сношений Китайской Народной Республики» объёмом около 900 страниц [Garver 2016].

В работе Гарвера практически каждый читатель найдёт немало новых деталей в, казалось бы, хорошо известных сюжетах. Интересно показаны китайско-вьетнамская война февраля-марта 1979 г., основные перипетии отношений КНР с США. Джон Гарвер последовательно отстаивает тезис о тесной взаимосвязи внешней и внутренней политики Китая.

Профессор Вашингтонского университета **Дэвид Шамбо** (David Shambaugh), отметивший в январе 2023 г. своё 70-летие, считается в США лучшим на сегодняшний день специалистом по современному Китаю. Международную известность он приобрёл уже в 1990-е гг., в период работы главным редактором журнала «China quarterly», издаваемого в Лондоне. Профессор Шамбо изучал широкий круг проблем внутренней и внешней политики КНР, включая деятельность ряда высших руководителей страны (Чжао Цзяян, Дэн Сяопин), вопросы армейского и партийного строительства, китайское видение безопасности.

Однако постепенно основное внимание профессора Шамбо смещается к проблемам внешней политики КНР. Поначалу превалирует интерес к китайско-европейским и китайско-американским отношениям. В 1996 г. во время пребывания в Лондоне Дэвид Шамбо публикует небольшую работу «Китай и Европа: 1949–1995» [Shambaugh 1996]. Среди публикаций по американско-китайским отношениям выделяется глава об их концептуальных основах в коллективной монографии «Связанные титаны: Соединённые Штаты и Китай» [Shambaugh 2012].

Со временем Дэвид Шамбо отходит от традиционной «регионально-ориентированной» методологии исследования китайской дипломатии и сосредотачивается на выявлении её общих интегральных особенностей, сильных и слабых сторон. Особую роль в выработке собственного подхода к анализу проблемы сыграло годичное пребывание Шамбо в Китае

в 2009–2010 гг. Принимал его Институт мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая, но учёный сумел побеседовать с десятками ведущих специалистов-международников КНР из самых разных ведомств – от Международного отдела ЦК КПК до Министерства обороны, не говоря уже о многочисленных научных и учебных учреждениях. Надо сказать, что в тот период в КНР особенно благоволили Шамбо по той причине, что в качестве своего хобби он выбрал исследование перипетий перевозки из Пекина на Тайвань в 1930–1940-е гг. сокровищ императорской коллекции музея Гугун. С использованием материалов, собранных в ходе командировки, Шамбо подготовил свою главную на сегодняшний день работу о внешней политике КНР – «Китай становится глобальным: частичная держава» [Shambaugh 2013]. Свой термин «частичная держава» Шамбо поясняет тем, что КНР, по его оценке, далеко не столь сильна, как кому-то может показаться, что её дипломатия не носит достаточно широкого характера, а узко ориентирована на собственные интересы; наконец, что страна не обладает солидной «мягкой силой». Шамбо приходит к выводу о лишь частичной интегрированности КНР в мир и о некомфортности её «самочувствия» в мировом либеральном порядке, который она всё более настойчиво стремится либо изменить, либо игнорировать.

В 2020 г. была опубликована ещё одна важная работа под редакцией Д. Шамбо – «Китай и мир» [Shambaugh (ed.) 2020].

Весомым личным вкладом профессора Шамбо стала предложенная им весьма удобная периодизация внешней политики КНР. В её основе лежит реакция руководства страны на события в самом Китае и на отношения КНР с зарубежьем. В общей сложности для периода 1949–2012 гг. выделено 10 этапов внешней политики КНР.

Заключая свою периодизацию, Шамбо приходит к выводам, что, во-первых, последовательность не является характерной чертой внешней политики КНР – ни теоретически, ни практически, и, во-вторых, что отношения Китая с целым рядом стран проходят через повторяющиеся циклы – осложнения, антагонизма, двусмысленности и нормальности. Эти факторы следует всегда принимать во внимание при анализе текущей ситуации в отношениях КНР с теми или иными партнёрами и при прогнозировании её дальнейшей эволюции.

Д. Шамбо также склонен не слишком высоко оценивать «мягкую силу» Китая. Проанализировав основные её компоненты, в том числе Институты Конфуция, кинематограф, искусство, внешнюю пропаганду и т.п., он приходит к выводу, что «мягкая сила Китая остаётся слишком мягкой». Причина этого в том, что руководство страны подходит к задаче наращивания мягкой силы примерно так же, как к строительству высокоскоростных железных и шоссейных дорог, то есть, вкладывая деньги и ожидая быстрого результата. Однако, подчёркивает Шамбо, мягкую силу таким образом не построить. Её надо заработать. И главную роль здесь играет не правительство, а общество.

В своей последней по времени издания работе «Там, где встречаются великие державы: Америка и Китай в Юго-Восточной Азии» [Shambaugh 2020] Д. Шамбо отмечает, что в этом важном регионе, где соперничество двух держав ощущается повсеместно, преобладающей становится точка зрения, что конечное доминирование Китая неизбежно, а США идут к закату. Однако сам автор приходит к противоположному выводу: у США глубокие корни в Юго-Восточной Азии и более внушительная, чем у КНР, комплексная мощь. В этом контексте Китай явно переоценён, а Америка – недооценена.

В целом Шамбо считает именно Азию приоритетом китайской дипломатии среди регионов мира. Что касается отношений Китая с Россией, то, как отмечает учёный, при всём их неплохом состоянии историческая память и современные страхи «всё ещё отбрасывают длинную тень».

Роберт Росс (Robert Ross) – один из ведущих специалистов по американо-китайским отношениям, внешней и оборонной политике КНР. Профессор Бостонского колледжа, сотрудничает с Фэрбэнковским центром китайских исследований Гарвардского университета и с Массачусетским технологическим институтом. Участвовал в редактировании таких работ, как «Китай, США и Советский Союз: трёхполюсность и политика в эпоху холодной войны» [Ross 1993], «Китай в эру Си Цзиньпина: вызовы внутренней и внешней политики» [Ross 2016].

Основные индивидуальные монографии Р. Росса – «Переговоры о сотрудничестве: Соединённые Штаты и Китай, 1969–1989» [Ross 1995], «Китайская политика безопасности: структура, мощь и политические установки» [Ross 2009].

В интервью от 17 ноября 2020 г. о китайской политике президента Байдена Роберт Росс высказался за учёт «коренных интересов» КНР. По мнению учёного, для США важно начать принимать ту ситуацию, что они больше не могут оставаться единственной морской державой, тем более доминирующей, в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Они должны принимать Китай как морскую державу в Восточной Азии со всеми вытекающими отсюда сложностями. В целом, полагает Росс, следует начать кооперироваться с Китаем больше, чем США делали в прошлом³.

Роберт Росс известен и своей нестандартной оценкой курса «независимости и самостоятельности» внешней политики КНР, принятого на XII съезде КПК в сентябре 1982 г.

По его мнению, этот курс потерпел крах: Пекин терпел продажи американского оружия Тайваню, поскольку нуждался в политической поддержке США против СССР и в их техническом содействии.

С декоммунизацией на рубеже 1980–1990-х гг. Восточной Европы и распадом Советского Союза прежняя концепция отношений в стратегическом треугольнике США – КНР – СССР, основанная на страхе Вашингтона и Пекина перед Москвой, изжила себя [Lampton 1991: 153]. В 1990-е гг., в условиях явной слабости постсоветской России, интерес в США к китайско-советским отношениям был небольшим. Однако по мере их динамичного развития с выходом на стратегическое партнёрство отношения Москвы и Пекина вновь вернулись в фокус внимания Вашингтона. Популярность обрели такие формы выявления существа обновлённых межстрановых отношений и характера связей в треугольнике США – КНР – Россия, как трёхсторонние конференции, регулярно проводившиеся в каждой из стран, и публикации сборников материалов к ним или специально подготовленных работ.

Одна из них – «Сближение или соперничество? Российско-китайские отношения в меняющейся Азии» – была подготовлена в Фонде Карнеги в Вашингтоне и издана под редакцией Шермана Гарнетта [Garnett 2000]. В ней приняли участие Джилберт Розман, Элизабет Вишник, Джудит Торнтон, Марта Олкотт и Майкл Макфол с американской

³ Interview with Robert Ross: Biden's China Policy. *U.S. China Perception Monitor*, Nov 17, 2020. URL: <https://uscnpm.org/2020/11/17/interview-with-robert-ross-bidens-china-policy/> (accessed: 05.11.2023).

стороны, Ли Цзинцзе и Лу Наньцюань – с китайской, Дмитрий Тренин, Алексей Воскресенский и Тамара Троякова – с российской. Хотя некоторые авторы, например, Дж. Розман, и предсказывали дальнейшее развитие российско-китайского партнёрства в следующее двадцатилетие, однако преваляла точка зрения, что ключевой страной для подъёма России может стать только Япония, но никак не Китай.

Поступательное улучшение китайско-российских отношений стало предметом растущего беспокойства в США. В Национальном бюро азиатских исследований в 2016–2018 гг. был реализован исследовательский проект «Стратегические последствия китайско-российских отношений». Было организовано несколько круглых столов по данной теме, а финальным итогом стала коллективная монография «Авторитарная ось – последствия китайско-российского сотрудничества» [Axis of Authoritarians 2018]. Итоговый вывод авторов однозначен: США должны действовать в отношении Китая и России, хоть поодиночке, хоть вместе, только с позиции силы.

В период правления президента Д. Трампа тон в американо-китайских отношениях стали задавать не учёные, а политики. Сначала Д. Трамп возложил на КНР ответственность за несбалансированность двусторонней торговли, обвинив Пекин в краже интеллектуальной собственности, государственном субсидировании экспорта, манипулировании валютным курсом и т.п. По заказу Конгресса и Белого дома в США были проведены исследования, призванные доказать обоснованность претензий такого рода. Так, в докладе Уэйна Моррисона – специалиста по торговле и финансам в Азии – было сформулировано требование наказать Китай за «неверную» торговую политику путём введения санкций⁴. А в докладе Департамента торговли и промышленной политики Белого дома под удар попали уже и зарубежные инвестиции КНР⁵.

Вскоре дело дошло и до практического повышения тарифов США на многие импортируемые из КНР товары. Была также запрещена продажа в Китай ряда высокотехнологичных товаров американского происхождения.

Своего рода апогеем антикитайской волны в США стало выступление госсекретаря М. Помпео в библиотеке Ричарда Никсона в Калифорнии в июле 2020 г., где было заявлено: «Обеспечить свободу от Коммунистической партии Китая – такова миссия нашего времени, и Америка отлично подходит для того, чтобы обеспечить её выполнение»⁶.

В годы правления президента Дж. Байдена высокий уровень напряжённости в двусторонних отношениях Вашингтона и Пекина сохранился, хотя и предпринимались попытки добиться некоторого улучшения в торгово-экономической сфере.

Исследования внешней политики КНР в европейских странах постепенно набирают популярность, но по масштабам не сравнимы с американскими.

Наиболее известен здесь **Михаэль Яхуда** (Michael Yahuda). Более 30 лет он трудился в Лондонской школе экономики и политических наук, выступал с лекциями в качестве

⁴ China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. *Congressional Research Service*, 2018. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL33534/96> (accessed: 24.05.2024).

⁵ How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. *White House Office of Trade and Manufacturing Policy*, June 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf> (accessed: 24.05.2024).

⁶ Pompeo, Michael. Communist China and the Free World's Future. *U.S. Department of State*, Jul 23, 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (accessed: 24.05.2024).

приглашённого профессора во многих университетах США и Австралии. Анализировал политику КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, китайско-японские отношения после окончания «холодной войны» [Yahuda 2013], общую роль КНР в мировых делах [Yahuda 1979].

Наиболее известна монография М. Яхуды – «Международная политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которая впервые была издана в 1996 г. и несколько раз переиздавалась в переработанном виде. В ней была предпринята попытка ограничить феномен мировой биполярности (советско-американской) периодом 1954–1970 гг., а период 1971–1989 гг. М. Яхуда характеризует как «трёхполюсный» с Китаем в качестве третьего полюса мира. Автор выступает против использования понятия «стратегический треугольник», поскольку, по его мнению, Китай не имел такого же стратегического веса, как две другие державы, и его влияние на глобальную конфигурацию мощи было весьма ограниченным [Yahuda 2011].

Среди других европейских китаеведов, постоянно занимающихся внешней политикой КНР, следует назвать **Доминика Мержеевского** (Dominik Mierzejewski), профессора Лодзинского университета (Польша). Основные направления его исследований – дипломатия регионов Китая [Paradiplomacy in Asia 2018], особенности внешнеполитической риторики лидеров КНР. Последняя по времени издания монография посвящена особенностям функционирования ряда китайских провинций в условиях реализации инициативы «Пояс и путь». Профессор Мержеевский с опорой на исследования в ходе личных поездок рассматривает соответствующую ситуацию в провинциях Хэйлунцзян, Юньнань, Сычуань, Гуандун, в Чунцине и на Хайнане [Mierzejewski 2021].

Кармен Мендес (Carmen Méndes), профессор университета Коимбры (Португалия), специализируется на изучении связей Китая с португалоязычными странами. Её перу принадлежит обстоятельная монография об истории переговоров Пекина и Лиссабона о восстановлении юрисдикции КНР над Макао (в форме создания Специального административного района Аомэнь в конце 1999 г.) [Mendes 2013]. В последние годы изучала влияние Нового шёлкового пути на модификацию мирового порядка [Mendes 2018].

* * *

Представленные основные труды известных иностранных специалистов-китаеведов по внешней политике КНР могут служить примером профессиональной работы в сфере изучения этого государства. При этом учёные из США, которые доминируют в зарубежной историографии внешней политики Китая, вплоть до президентства Д. Трампа относились к КНР и её внешней политике преимущественно позитивно. Лишь позднее возобладала точка зрения о нарастании противоречий между Пекином и Вашингтоном, которые в последние годы приобрели форму стратегического соперничества между ними.

REFERENCES

- Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation* (2018). Ed. by Richard Ellings and Robert Sutter. Seattle, 203p.
- Barnett A. Doak (1985). *The Making of Foreign Policy in China: Structure and Process*. Westview Press: Boulder and London, 160 p.
- China Joins the World: Progress and Prospects* (1997). Ed. by Elizabeth Economy, Michel Oksenberg. New York, Council on Foreign Relations Press, 376 p.
- Clubb Edmund (1971). *China and Russia: The «Great Game»*. New York: Columbia University Press, 612 p.
- Clubb Edmund (1964). *20th century China*. New York and London, 504 p.
- Fairbank, John King (1987). *China Watch*. Harvard University Press, Cambridge and London, p. 114–129.
- Fairbank, John King (1979). *The United States and China* (Fourth Edition). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 646 p.
- Garnett Sherman (ed) (2000). *Rapprochement Or Rivalry? Russia–China Relations in a Changing Asia*. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC, 438 p.
- Garver, John (2001). *Protracted Contest: Sino-Indian Rivalry in the Twentieth Century*. University of Washington Press, Seattle and London, XIV+447 p.
- Garver, John (2006). *China and Iran: Ancient Partners in a Post-Imperial World*. University of Washington Press, Seattle, XII+401
- Garver, John (2016). *China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China*. Oxford University Press, New York, XVIII+868 p.
- Griffith William (1963). *Albania and the Sino-Soviet Rift*. Cambridge, Mass.
- Griffith William (1964). *The Sino-Soviet Rift*. London, Cambridge, Mass.
- Griffith William (1966). Sino-Soviet Relations, 1964–1965. *The China Quarterly*: 3–143.
- Hinton Harold (1966). *Communist China in World Politics*. Boston, 527 p.
- Lampton David (1991). America's China Policy: Developing a Fifth Strategy. *The China challenge: American policies in East Asia*. The Asia Society. New York.
- Lampton, David (2001). *Same Bed, Different Dreams: Managing U.S.–China Relations, 1989–2000*. University of California press, Berkeley, Los Angeles, London, XIII+497 p.
- Lampton, David (2008). *The Three Faces of Chinese Power: Might, Money, and Minds*. Berkeley, University of California Press, 352 p.
- Lieberthal Kenneth (1978). *Sino-Soviet Conflict in the 1970s: Its Evolution and Implications for the Strategic Triangle*. Rand Corporation, 216 p.
- Lieberthal Kenneth and Wang Jisi (2012). Addressing U.S. China Strategic Distrust. *John L. Thornton China Center at Brookings Monograph Series*, 4: 51 p.
- McCormick Barrett L. (2009). Review of: The Three Faces of Chinese Power: Might, Money, and Minds, by David M. Lampton. *China Perspectives*, 2: 122–124.
- Mendes Carmen Amado (2013). *Portugal, China and the Macau Negotiations, 1986–1999*. Hong Kong University Press: Hong Kong, 157 p.
- Mendes Carmen (ed) (2018). *China's New Silk Road. An Emerging World Order*. Routledge, New York, 196 p.
- Mierzejewski Dominik (2021). *China's Provinces and the Belt and Road Initiative*. Routledge, New York, 252 p.
- New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (2006). Ed. by Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross. Stanford, California, 510 p.
- Oksenberg, Michel, Oxnam, Robert (1978). *Dragon and eagle: United States – China relations: past and future*. New York, 408 p.
- Oksenberg, Michel, Economy Elizabeth (1997). *Shaping U.S. – China Relations: A Long-Term Strategy*. New York, Council on Foreign Relations Press, VI+81 p.

- Paradiplomacy in Asia. Case studies of China, India and Russia* (2018). Lodz, 229 p.
- Ross, Robert (1993). *China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War*. M.E. Sharpe, New York, 204 p.
- Ross, Robert, Jo Inge Bekkevold (eds) (2016). *China in the Era of Xi Jinping: Domestic and Foreign Policy Challenges*. Georgetown University Press, Washington DC, 306 p.
- Ross, Robert (1995). *Negotiating Cooperation: The United States and China, 1969–1989*. Stanford University Press, Stanford, XII+349 p.
- Ross, Robert (2009). *Chinese Security Policy: Structure, Power and Politics*. Routledge, New York, 352 p.
- Shambaugh, David (1996). *China and Europe: 1949–1995*. London, School of Oriental and African Studies, 82 p.
- Shambaugh, David (2012). *Tangled Titans: The United States and China*. Washington, Oxford University Press, 436 p.
- Shambaugh, David (2013). *China Goes Global: The Partial Power*. New York, 409 p.
- Shambaugh, David (ed.) (2020). *China and the World*. Oxford University Press, 416 p.
- Shambaugh, David (2020). *Where Great Powers Meet: America and China in Southeast Asia*. Oxford University Press, 326 p.
- Whiting Allen S. and General Sheng Shih-Ts'ai (1958). *Sinkiang: Pawn or Pivot?* East Lansing: Michigan State University Press, 337 p.
- Whiting S. Allen (1960). *China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War*. New York: The Macmillan Company, 219 p.
- Yahuda Michael (1979). *China's Role in World Affairs*. Croom Helm: Ltd. London, 312 p.
- Yahuda Michael (2011). *The International Politics of the Asia-Pacific*. Routledge, London – New York, XV+366 p.
- Yahuda Michael (2013). *Sino-Japanese Relations after the Cold War: Two Tigers Sharing a Mountain*. Routledge, 150 p.

Поступила в редакцию: 22.04.2024

Принята к публикации: 09.05.2024

Received: Apr 22, 2024

Accepted: May 9, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-60-72

Советско-китайское сотрудничество в области кинематографии в 1950-е годы

Верченко Алла Леонидовна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье рассматриваются каналы советско-китайского кинематографического сотрудничества в 1950-е гг. Как и в других отраслях народного хозяйства, в киноиндустрии советские специалисты оказали помощь китайским коллегам в восстановлении работы после образования КНР. Были установлены профессиональные контакты, сложился механизм взаимодействия, которое проходило в форме совместных съёмок документальных, художественных, научно-познавательных фильмов, взаимных обменов фильмами и кинохроникой, проведения фестивалей и дней кино, делегационных обменов. Китай сумел в кратчайшие сроки наладить кинопроизводство и влиться в мировой кинопроцесс.

СССР и КНР связывала общая идеологическая платформа и понимание роли кино в качестве важнейшего инструмента пропаганды и просвещения народа. Кинематограф помогал советским и китайским зрителям знакомиться с историей и современной жизнью двух стран, углублять взаимопонимание и дружеские отношения, что, несомненно, благоприятно отражалось на межгосударственных связях. Однако под влиянием политических факторов к концу 1950-х гг. сотрудничество начало сворачиваться и в 1962 г. прекратилось.

Ключевые слова: СССР, КНР, 1950-е годы, кино, советско-китайское сотрудничество.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Верченко А.Л. Советско-китайское сотрудничество в области кинематографии в 1950-е годы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 60–72. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-60-72

Soviet-Chinese Cooperation in Cinematography in the 1950s

Verchenko Alla L.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines the channels of Soviet-Chinese cooperation in cinematography in the 1950s. As in other sectors of the national economy, in the film industry Soviet specialists assisted Chinese colleagues in restoring work in the first years after the formation of the PRC. They established professional

contacts and a mechanism of bilateral cooperation, which took place in the form of joint filming of documentary, feature, scientific and educational films, mutual exchanges of films, newsreels, festivals and film weeks, and delegation exchanges. In the shortest possible time China managed to establish its film production and join the global film business.

The Soviet Union and the People's Republic of China shared an ideological platform and an understanding of the importance of cinema as an essential tool for propaganda and education of the people. Cinema helped Soviet and Chinese viewers get acquainted with each other's history and modern life, to deepen mutual understanding and friendly relations, which have undoubtedly benefited inter-State relations. However, under the influence of political factors by the end of the 1950s the cooperation began to decline and came to the end in 1962.

Keywords: USSR, PRC, 1950s, cinema, Soviet-Chinese cinema cooperation.

Author: Verchenko Alla L., Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Verchenko A.L. (2024). Sovetsko-kitayskoye sotrudnichestvo v oblasti kinematografii v 1950-e gody [Soviet-Chinese cooperation in cinematography in the 1950s]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 60–72. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-60-72

Введение

Тема советско-китайского сотрудничества в кино после образования КНР мало освещена в российском китаеведении. В советский период вопросами развития китайского кино занимались С.А. Торопцев [Торопцев 1979], А.Н. Желоховцев [Желоховцев 1960], которые в своих работах знакомили с состоянием отрасли и анализировали выпускаемую продукцию, но не затрагивали тему активно развивавшихся контактов и влияния советского кино на Китай. То же самое относится к китайским авторам, в чьих работах советско-китайское сотрудничество упоминается вскользь [Cheng Jihua 1963; Li Daoxin 2004]. Основой для проведённого исследования стали, наряду с публикациями советского времени, документы российских архивов, современные статьи китайских авторов и материалы российских и китайских сайтов о кино.

* * *

Образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. поставило перед национальным кинематографом новые задачи. Предстояло наладить выпуск кинопродукции и осуществить кинофикацию страны, чтобы использовать кино как наиболее действенное средство пропаганды новых идей, нового строя и образа жизни, а также просвещения населения. В стране с поголовной неграмотностью кинематограф во всех его жанрах был самым понятным и доступным для простого народа видом искусства.

Производственная база киноиндустрии ограничивалась единственной киностудией, которая была создана в 1946 г. в городе Хэган (пров. Хэйлунцзян) на базе японской «Manchu Pictures Association Co., Ltd». Студия в основном снимала новостные журналы. В 1949 г. она выпустила шесть художественных кинофильмов. Объёмы её производства не могли удовлетворить коммунистическую власть, которая стремилась как можно ярче и быстрее

средствами кино рассказать населению во всех уголках страны о победе народной власти и задачах построения социалистического общества.

Как и в других отраслях народного хозяйства, в киноиндустрии Новый Китай получил помощь и поддержку Советского Союза, что помогло ему в исторически короткий промежуток времени не только восстановить кинопроизводство, но и обеспечить его всесторонний подъём, обрести собственный путь развития, стать частью мирового кинопроцесса.

Сотрудничество СССР и КНР имело разнообразные формы: совместные съёмки, работа над монтажом, дублированием лент, обмен опытом, демонстрация фильмов, обмен делегациями киноработников, проведение фестивалей и недель кино и др.

Начало сотрудничества и первые совместные проекты

В середине сентября 1949 г., ещё до официального провозглашения КНР и создания новых органов власти, Мао Цзэдун обратился к И.В. Сталину с личным письмом, в котором просил направить две группы кинодокументалистов для съёмок фильмов, иллюстрирующих путь Китая к освобождению.

Москва была готова к производству фильмов, т.к. этот вопрос, считавшийся первостепенным, уже неоднократно обсуждался на уровне ЦК ВКП(б) и в Министерстве кинематографии⁴. 16 сентября 1949 г., сразу после обращения Мао Цзэдуна, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «Об оказании помощи китайской кинематографии»⁵. Вскоре две группы кинодокументалистов выехали в Китай и прибыли точно к церемонии провозглашения КНР.

Изначально планировалось снять два фильма. В январе 1949 г. предполагали, что фильм «Заря над Китаем», освещавший историю страны более чем за 30 лет, будет снимать А. Довженко⁶. Но когда настало время приступать к работе, он оказался занят на другом проекте. В итоге запланированные художественно-документальные картины снимали режиссёры Л.В. Варламов («Победа китайского народа», сценарий К.М. Симонова) и С.А. Герасимов («Освобождённый Китай», собств. сценарий). С начала сотрудничества для работы в Китае отбирали лучших специалистов: самых опытных инженеров, конструкторов, техников, учёных, выдающихся деятелей искусства с мировыми именами. Так было и в кинематографе. Среди членов съёмочных групп были известные режиссёры, операторы, фотографы и другие специалисты; многие из них прошли фронт и имели опыт работы в боевых условиях в период Великой отечественной войны. Обе группы возглавляли именитые в части кинопроизводства деятели: директор Центральной студии документальных фильмов Леонид Варламов и директор Московской киностудии имени Горького Сергей Герасимов. Оба уже были лауреатами Сталинской премии (причём Л.В. Варламов – четырёхкратным). Варламов получил известность за съёмки (совместно с И.П. Копалиным) первого в СССР документального полнометражного фильма о войне – «Разгром немецких войск под Москвой», который в 1943 г. удостоился премии «Оскар». Копалин тоже мог бы войти в состав съёмочной группы – весной 1949 г. он побывал в Китае, ознакомился

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 250. Л. 1.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 41. Л. 7.

⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 250. Л. 8.

с натурой и планировал снять фильм об освобождении Пекина, но его отозвали в Москву, а о поездке остались только дневниковые записи [Верченко 2020: 180–188]. С китайской стороны были привлечены молодые кадры – будущие создатели нового китайского кино: У Бэньли, Хао Юшэн, Ли Хуа, Сюй Сяобин, Су Хэцин. Инструктаж проводили высшие партийные руководители и военные консультанты. Работу по линии кино координировал китайский режиссёр, начальник Управления кинематографии КНР, первый директор Дунбэйской киностудии Юань Мучжи. Логика событий выдвинула именно его на должность руководителя совместных проектов – он был режиссёром со стажем и имел опыт работы с советскими деятелями кино. Юань Мучжи приехал в нашу страну в конце 1940 г. из Яньани для работы над фильмами о Народно-освободительной армии и борющемся Китае. Однако началась Великая отечественная война, и он оказался в эвакуации в Казахстане, работал на Центральной объединённой киностудии в Алма-Ате, где сотрудничал с С.М. Эйзенштейном.

Запланированные совместные фильмы были произведены в сжатые сроки, выполнены на высшем идеологическом и техническом уровне, получили одобрение со стороны министерств обороны и культуры КНР, с успехом демонстрировались в СССР и Китае. Для Китая их выход стал событием огромной политической важности. Картины показывали населению трудный путь борьбы Компартии и НОАК, декларировали бесповоротность свершившихся социально-политических изменений и нацеливали народ всей страны на созидание нового общества. К тому же это были первые полнометражные фильмы, снятые в цвете. Впервые в честь выхода кинофильмов в Китае для зрителей были выпущены памятные медали. Также памятными медалями министерства культуры КНР были награждены участники съёмок. Создатели фильмов из обеих стран получили Сталинские премии – высшую государственную награду СССР того времени.

Одновременно советские специалисты сняли несколько видовых фильмов о Китае: «В новом Китае», «В новом Шанхае», «На юге Китая», «Новый Пекин», «По реке Янцзы», «Ханчжоу – жемчужина Китая». В этих лентах операторы постарались показать не только природные красоты и архитектурные особенности страны, но и зарождавшийся в ней новый строй общества.

Первый опыт взаимодействия кинематографистов оказался успешным. Он показал продуктивность совместной работы, в ходе которой происходило непосредственное профессиональное общение киноработников, оперативно решались любые проблемы, будь то организация съёмок, детали сценария, включение тех или иных эпизодов в фильм, перемещения съёмочных групп по стране и др. Советские участники съёмок откровенно делились секретами мастерства, новыми приёмами работы и оборудованием, что позволило очень быстро наладить полноценное функционирование отрасли кинопроизводства. Самым ценным материалом была цветная плёнка. Её поставляли из СССР в достаточном количестве, хотя внутри страны она была в дефиците. Строительство первого завода по производству 35-миллиметровой чёрно-белой и цветной плёнки началось в г. Баодин (пров. Хэбэй) при содействии советских специалистов только в 1958 г. и полностью завершилось к 1965 г.

Советские кинодокументалисты приехали в Китай, когда основные операции гражданской войны уже закончились, а по сценарию их надо было включить в картины. Чёрно-белая, отснятая китайскими документалистами плёнка не встраивалась в цветной фильм. Пригодился советский опыт использования приёма реконструкции событий.

Массовку одели в старую военную форму, обеспечили настоящим оружием и боеприпасами, чтобы всё выглядело так, как было во время войны. А, например, для съёмок эпизода пленения коменданта Тяньцзиня выпустили на время из тюрьмы настоящего коменданта Чэнь Чанцзе [Верченко 2022: 73].

О признании в Китае важности двух совместно выпущенных фильмов свидетельствует тот факт, что в год 70-летия КНР архивные материалы были отреставрированы, оцифрованы и показаны к юбилею республики, а в Пекине прошла выставка фотографий Вл. Микоши.

В 1950-е гг. Советский Союз стал для Китая «окном в мир», через которое информация о становлении нового государства поступала вовне, несмотря на нежелание капиталистического мира признать очевидность существования КНР. Так, в 1951 г. СССР представил фильм «Освобождённый Китай» на Каннском кинофестивале. По политическим мотивам жюри не приняло картину к участию в основном конкурсе. Но хотя лента не была допущена к участию, её показали в закрытом режиме для 50 специально отобранных журналистов, а вход в зал охраняла полиция.

Нередко СССР оказывался связующим звеном для коммуникации китайских кинематографистов с коллегами из других социалистических стран. К примеру, в СССР был дублирован на немецкий язык кинофильм «Герои Байяндянь», снятый в 1950 г. на Пекинской киностудии режиссёрами Ши Дуншанем и Люй Банем. Фильм под названием «Die Helden von Pei-Yang-Ting» вышел на экраны Германской Демократической Республики в 1952 г.

В 1952 г. «Жэньминь жибао» писала, что в первые годы после образования КНР «советские кинематографисты оказали огромную бескорыстную помощь, которая сыграла большую роль в развитии китайской киноиндустрии»⁷.

Расширение двустороннего сотрудничества

Стремительно развивавшиеся советско-китайские межгосударственные отношения подстегнули интерес советского кинематографа к Китаю. Документалисты отражали на плёнке гастроли китайских художественных коллективов, визиты государственных и общественных деятелей, фотокорреспонденты делали многочисленные снимки, которые хранятся в архивах и являются подлинными свидетельствами событий того времени. Так, в 1951 г. режиссёр Л. Варламов снял фильм «Китайский цирк» о поездке циркового коллектива в нашу страну. К теме Китая обращаются и мультипликаторы. Фильмы начинающих режиссёров, а впоследствии ведущих мастеров киностудии «Союзмультфильм» Л.К. Атаманова «Жёлтый аист» (1950) и Д.Н. Бабиченко «Братья Лю» (1953) знакомят с китайскими сказками. Работа в кино расширяла рамки взаимодействия деятелей искусства из обеих стран, содействовала углублению контактов и расширению страноведческих знаний, установлению личных отношений между работниками искусства. В производстве фильма «Братья Лю» в качестве консультанта участвовал китайский специалист Чжоу Суньюань. К созданию мультфильмов привлекались советские писатели, поэты, композиторы, актёры: сценарий и стихи для «Жёлтого аиста» писал С.Я. Маршак, музыку – Карен Хачатурян. Главных героев фильма «Братья Лю» озвучивали Эраст Гарин и Георгий Милляр, а В.М. Котёночкин, будущий автор «Ну, погоди!», был одним из художников.

⁷ Жэньминь жибао. 05.11.1952.

В 1950-е гг. открылись новые государственные киностудии: Пекинская и Шанхайская, киностудия им. 1 августа, Пекинская студия документальных фильмов, Шанхайские студии научно-образовательных и мультипликационных фильмов и др. Расширились производственные и профессиональные возможности для советско-китайского сотрудничества.

В 1951 г. режиссёр Сергей Юткевич при содействии Пекинской киностудии с разрешения правительства КНР снял художественный фильм «Пржевальский». Его сценарий изучали в Отделе пропаганды ЦК КПК, Министерстве культуры, Институте истории Китая, Управлении по вопросам культурного наследия и др. Высказанные замечания были переданы съёмочной группе и учтены при работе над фильмом. Тем не менее, в широкий китайский прокат он не вышел в силу чувствительности темы и мнения Отдела пропаганды ЦК КПК о том, что фильм затрагивает национальные чувства и китайский народ показан слишком слабым [Советско-китайские культурные связи 2022: 597–599].

Вторая половина 1950-х гг. отмечена несколькими совместными работами. Выдающийся советский режиссёр, впоследствии ведущий телевизионной программы «Клуб кинопутешественников», Владимир Шнейдеров оказал помощь в создании Шанхайской киностудии научно-образовательных фильмов. Там в 1958 г. он вместе с режиссёром Тань Чжэнь снял в цвете ленту «Под небом древних пустынь». Фильм рассказывает о природе, географии и истории пустыни Гоби. Участники киноэкспедиции на двух джипах проехали по территории вдоль строившейся железнодорожной магистрали Алма-Ата – Ланьчжоу (пров. Ганьсу). Не случайно в Китае фильм шёл под названием «Алма-Ата – Ланьчжоу». Снятый в излюбленном Шнейдеровым экспедиционно-этнографическом жанре фильм, с одной стороны, давал возможность зрителям познакомиться с красивейшими местами, куда они никогда не смогли бы попасть самостоятельно. В то же время он нёс определённую общественно-политическую нагрузку: показывал быстрый рост новых промышленных объектов, часть из которых строилась при содействии Советского Союза; демонстрировал дружеские отношения между двумя странами.

Хотя во второй половине 1950-х гг. на политическом уровне уже началась идеологическая полемика, Министерство культуры СССР, продолжая линию сотрудничества с Китаем, предполагало «значительно укрепить творческое содружество деятелей советского и китайского кино» [Советско-китайские культурные связи 2022: 81]. Рекомендовалось проводить совместные съёмки художественных, документальных, видовых кинофильмов, а также установить постоянные связи с китайскими киностудиями, режиссёрами, сценаристами, операторами, актёрами и выпускать ежемесячный киножурнал, рассказывающий о советско-китайской дружбе.

В СССР с большим вниманием отнеслись к празднованию десятилетия КНР. Главным событием в плане Министерства культуры СССР стал выпуск цветного художественного фильма «В едином строю». Его снял известный режиссёр Ефим Дзиган (Мосфильм) в сотрудничестве с Гань Сюэвэем и Линь Шанем (Чанчуньская киностудия) по сценарию Вадима Кожевникова. Фильм должен был называться «Ветер с Востока» и был призван демонстрировать советско-китайскую дружбу на строительстве ГЭС в северо-западном

Китае⁸. Его торжественная премьера под названием «В едином строю» состоялась в Москве в Доме кино. Лента вышла на всесоюзный экран. В этот период в идеологической полемике стал всё чаще фигурировать тезис Мао Цзэдуна «ветер с востока довлеет над ветром с запада». Вероятно, чтобы не поддерживать эту идею, название изменили, но в китайский прокат фильм вышел как «Ветер с Востока».

В тот же год появился фильм «Тропю джунглей» (в Китае «Джунгли Сишуанбаньна»), совместная работа режиссёров А. Згуриди и Н. Дзугутовой («Моснаучфильм») с Ян Чжэнья (Пекинская киностудия им. 1-го августа). Это был новый для Китая жанр научно-популярного кино о животных, который китайские режиссёры осваивали вместе с советскими коллегами. Большое внимание в фильме уделено кадрам девственных джунглей в Долине диких слонов – уникальном природном заповеднике в провинции Юньнань. Для съёмок слонов специально пригласили оператора Л. Котляренко, который в это время работал в Индии. Он был награждён Почётной грамотой Минкульта КНР, а фильм отмечен наградами на Всесоюзном и международном фестивалях в 1960 г.

Цветной широкоэкранный документальный фильм «Солнце взошло над Янцзы» снимал автор фильма «Победа китайского народа» Л. Варламов, который вновь обратился к китайской теме в 1959 г. Режиссёр уже был пятикратным обладателем Сталинской премии. Эта картина представляла собой совместную работу Центральной студии документальных фильмов СССР и Студии документальных фильмов КНР (режиссёр Шэнь Жун). В Китае фильм шёл под названием «Восточный ветер поднимает волны на Янцзы». Как писал журнал «Массовое кино» (1959 г.), в нём рассказывалось об успехах социалистического строительства в «процветающих и великолепных городах Чунцин, Нанкин и Шанхай», о новой жизни крестьян и «большом скачке»⁹. В Москве фильм демонстрировался в рамках недели китайского кино, посвященной 10-й годовщине образования КНР.

Работ могло бы быть ещё больше, но не все творческие планы удалось осуществить. Ничего не известно о судьбе фильма о советском колхозном строительстве, который по предложению Мао Цзэдуна китайские кинодокументалисты предполагали снимать в 1954 г. [Советско-китайские культурные связи 2022: 617]. Не был снят совместный мультипликационный фильм «Нэчжа покоряет морского дракона». В 1958 г. в плане подготовки к работе состоялись визиты китайской делегации мультипликаторов во главе с Ван Шучэнем в Москву и советской делегации во главе с Л.К. Атамановым в Китай. По версии китайской стороны, производству помешали нерешённость вопроса финансирования и невозможность прийти к единой концепции съёмок в силу культурных различий в понимании философии и мифологии сюжета. Нельзя не учитывать общую атмосферу ухудшения советско-китайских отношений, под влиянием которой, кроме всего прочего, китайцы увидели неодобрительное отношение советских коллег к фильму. Работа была прервана¹⁰. В 1979 г. Китай самостоятельно снял этот мультфильм.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 1165. Л. 3.

⁹ 东风掀起长江浪 [The East Wind Stirs up Yangtze River's Waves]. (In Chinese). URL: <https://movie.douban.com/subject/35071177/> (accessed: Apr 18, 2024).

¹⁰ 苏联专家看不上, 错过戛纳评奖 1979 版“哪吒闹海”等了 20 年 [Советские эксперты не оценили по достоинству фильм «Нэчжа покоряет морского дракона», который завоевал премию Каннского кинофестиваля двадцать лет спустя]. *CineHello.com*, 31.07.2019. (На кит.). URL: <https://cinehello.com/stream/113436> (дата обращения: 18.04.2024).

Советское кино в КНР

Важным каналом советско-китайского взаимодействия в области кино были обмены фильмами.

Руководство КНР придавало большое значение демонстрации советских кинокартин, признавая их важную роль в формировании новой идеологии. Особое внимание при отборе продукции для показа в Китае обращали на отражение революционной борьбы за новую власть, всесторонние изменения и успехи СССР в ходе строительства социализма, улучшение положения народа. Настроениям китайского общества были созвучны ценностные ориентиры советской страны, героические подвиги народа, патриотизм и трудовой энтузиазм советских людей, поэтому выбирались те фильмы, в которых подобные темы были главной сюжетной линией. Советские киноленты с ярко выраженной идеологической окраской оказали большое влияние на китайское общество того времени и стали одним из путей широкого проникновения в страну русской/советской культуры. Она, по словам Го Можо¹¹, потекла в Китай бурным потоком [Ху Сяньчжан 2007: 55]. С 1949 по 1962 г. в КНР дублировали и показали более 950 советских кинофильмов, которые посмотрели почти 1,4 млрд человек [Zhao Weifang 2021: 55].

В 1953 г. было принято Постановление Государственного административного совета, в котором подчёркивалась важность кинофильмов из Советского Союза и стран народной демократии [Торопцев 1979: 58]. Руководство КНР всячески продвигало демонстрацию советских фильмов, считая их важным инструментом не только формирования новой идеологии, но также воспитания патриотизма и преданности делу социализма и повышения культурного уровня населения.

Из художественных фильмов первым был дублирован «Сын полка» по повести Валентина Катаева, рассказывающий о мальчике Ване Солнцева, который во время войны после гибели родителей попал к артиллеристам и воевал вместе с ними. Тема была понятна и близка зрителям в Китае – в период войны с Японией и последовавшей потом гражданской войны многие дети совершали героические поступки. Часть советских фильмов дублировали в Москве. 25 июля 1950 г. Совет Министров СССР принял соответствующее постановление с перечнем 31 фильма, которые в первую очередь предстояло перевести на китайский язык¹². Дублированием советских фильмов также начала заниматься Чанчуньская киностудия. Среди демонстрировавшихся в 1950-е гг. кинолент были такие как: «Ленин в 1918 году», «Ленин в Октябре», «Человек с ружьём», «Член правительства», трилогия о Максиме Горьком, «Судьба человека», «Чапаев», «Повесть о настоящем человеке», «Великий перелом», «Зоя Космодемьянская», «Молодая гвардия», «Рядовой Александр Матросов», «Сорок первый». Популярностью пользовались фильмы, снятые по русской и советской литературной классике: «Капитанская дочка», «Воскресение», «Без вины виноватые», «Отцы и дети», «Как закалялась сталь», «Мать», «Тихий Дон» и др. Китайские зрители также знакомились с продукцией киностудий союзных республик, в частности «В мирные дни» (Киевская киностудия), «Золотой рог» (Казахфильм) и др. В Китае преобладало крестьянское население, поэтому успех был обеспечен фильмам о жизни села: «Трактористы», «Кубанские

¹¹ Го Можо – китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии наук КНР (1949–1978).

¹² ГА РФ. Ф. Р35446. Оп. 106сч. Д. 409. Л. 1007.

казаки», «Сельская учительница», «Возвращение Василия Бортникова». В прокат выходили также документальные, научно-популярные («Павлов», «Мичурин»), мультипликационные фильмы и сказки («Непослушный котёнок», «Ворона и лисица», «Крашенный лис», «Аршин Мал Алан», «Василиса Прекрасная») и детские фильмы («Красный галстук», «Счастливое детство», «Первоклассница»). Эти киноленты оказали огромное влияние на несколько поколений китайцев. Закупкой китайских фильмов занималось советское объединение «Совэкспортфильм».

Советская сторона через «Совэкспортфильм», ВОКС и по другим каналам отправляла в Китай кинофильмы, кинооборудование с запчастями, киноплёнку, кинопередвижки, книги по вопросам теории и практики кино, учебные программы, киносценарии, журналы о кино и др. Например, статьи о кино и монография Е. Дзигана «О режиссёрском сценарии» были переведены на китайский язык и неоднократно переиздавались, использовались как учебный материал. Советские работники кино выступали с лекциями, давали уроки мастерства. Первая советская делегация деятелей искусства передала Обществу китайско-советской дружбы в 1949 г. 15 кинофильмов, и эту практику продолжали другие советские делегации.

Увиденное в кинофильмах – прежде всего стремительные темпы индустриализации в СССР, успехи колхозного строительства, искреннее желание людей участвовать в коллективном труде на благо родины, отношения между героями на фоне типичных русских символов: Москва, Красная площадь, берёзы, тайга и мелодичные песни, – на долгие годы сформировало для китайских зрителей облик Советского Союза. А для молодой китайской киноиндустрии, с энтузиазмом искавшей свои пути развития, этот материал стал школой роста и совершенствования. Отрасль шла по пути расширения сети кинотеатров, обеспечения качественной техникой и аппаратурой, квалифицированными кадрами. Как и в целом в стране, в кинематографии считали, что «сегодня» Советского Союза – это «завтра» Китая.

1950-е гг. были отмечены активным делегационным обменом. Работники китайского кино приезжали в СССР на длительные сроки, знакомились с работой советских киностудий, организацией кинопроизводства, изучали новые формы работы. Обе стороны столкнулись с проблемами при дублировании фильмов: слишком большая разница существовала в языках, артикуляции и интонациях, а, как известно, голос и интонации актёра за кадром немало влияют на представление о герое. В процессе взаимодействия трудности постепенно удалось преодолеть. Китайские кинематографисты, которые в 1952 г. посетили СССР, отметили прекрасное качество дублирования китайских фильмов, что они объясняли высоким профессиональным уровнем советских актёров, получивших театральное образование [Советско-китайские культурные связи 2022: 602].

Со второй половины 1950-х гг. количество советских фильмов, поставляемых в КНР, начало снижаться. Китай отходит от популярного лозунга «опираться на одну сторону» (на СССР). В прокате растёт количество фильмов других стран социализма (ГДР, Румынии, Югославии) и некоторых «прогрессивных» капиталистических стран (Италии, Франции, ФРГ, Мексики, Испании). Китайские кинематографисты выходят за рамки опыта советского кино, изучают модели и характерные черты мирового кинематографа, вырабатывают свой собственный путь. Одними из последних фильмов, показанных в Китае, были «Баллада о солдате» П. Чухрая, «Судьба человека» С. Бондарчука и «Иваново детство» А. Тарковского.

Китайское кино в СССР

Китайские фильмы также шли обратным потоком в СССР. В 1949–1962 гг. в советский прокат поступило 198 лент [Zhao Weifang 2021: 108]. Китайский посол Лю Сяо отмечал, что «КНР не может претендовать на полную взаимность в этом вопросе, поскольку «Китай делает мало фильмов...» [Советско-китайские культурные связи 2022: 138]. Год образования КНР стал переломным временем исканий и начала создания нового кино, утверждавшего идеи нового общества. Содержание китайских кинолент чётко преследовало выдвинутые правительством задачи: отражать социалистическое строительство в стране, повышать идейный и художественный уровень продукции, всесторонне показывать современную жизнь и историю революционной борьбы [Торопцев 1979: 58]. В первой половине 1950-х гг. китайское кино взяло за образец советскую модель, испытало глубокое влияние кинематографа СССР, став на путь социалистического реализма, а индустрия в целом копировала советскую систему производства, управления, распространения кинопродукции и т.д. [Li Daoxin¹³ 2004: 225].

В советских кинотеатрах в 1950-е гг. показывали китайские художественные киноленты и мультипликационные фильмы. Их основными площадками продвижения в СССР были фестивали и недели китайского кино, месячники советско-китайской дружбы. В 1951 г. состоялся первый фестиваль китайских фильмов, впоследствии ставший ежегодным¹⁴. Он прошёл в Москве, столицах союзных республик и во многих других городах Советского Союза. Делегацию китайских деятелей кино возглавил директор Шанхайской киностудии Юй Лин¹⁵ [Советско-китайские культурные связи 2022: 588]. В период фестиваля, длившегося 11 дней, зрителям были показаны китайские фильмы-драмы «Седая девушка» (режиссёры Ван Бинь, Шуй Хуа¹⁶), «Дочери Китая» (Лин Цзыфэн¹⁷, Чжай Цян), «Искры» (Сюй Кэ), «Невидимый фронт» (И Мин). В представленных военно-патриотических кинолентах отразились темы антияпонской войны («Дочери Китая»), гражданской войны и противодействия гоминьдановцам («Искры», «Стальной солдат», «Невидимый фронт»), строительства новой жизни («Мост», «Великое объединение народов Китая»). Популярным сюжетом нового кино было бесправное положение женщины в старом Китае. В центре фильма «Седая девушка» – красавица Сизр, которая собирается замуж за односельчанина, но отец вынужден за долги продать её помещику. Девушка сбежала от насильника. От нервного потрясения и скитаний она поседела, стала героиней легенды о седой девушке. Через несколько лет 8-я коммунистическая армия освобождает её деревню, Сизр возвращается домой и выходит замуж за любимого. Этот фильм завершается счастливым концом, хотя в большинстве сюжетов присутствовал драматический финал.

¹³ Ли Даосинь – профессор, заместитель директора Школы искусств Пекинского университета, исследователь истории китайского кино.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1090. Л. 54.

¹⁵ Юй Лин (1907–1997) – сценарист, режиссёр, актёр. В 1930-е гг. учился в Политико-юридическом колледже Бэйпинского (Пекинского) университета с преподаванием русского языка. Колледж существовал в 1927–1931 гг.

¹⁶ В советский прокат вышли ещё два фильма Шуй Хуа, выделявшегося своим талантом: «Лавка господина Линя» в 1961 г. и «Семья революционеров» в 1962 г., что давало зрителям и критике возможность проследить творческий путь режиссёра в развитии.

¹⁷ В 1957 г. состоялась премьера фильма Лин Цзыфэна «Место в жизни» (в китайском прокате «Мать») об изменениях в жизни простой крестьянки с приходом народной власти.

Позже к теме гендерного неравенства обратились авторы фильма «Моление о счастье» (режиссёр Сан Ху), снятого по рассказу Лу Синя в 1956 г. Фильм, выполненный в классических традициях советского реализма, был показан в СССР и рассказывал о полном бесправии женщин после Синьхайской революции. Главная героиня в исполнении одной из самых популярных китайских актрис Бай Ян говорит голосом Элины Быстрицкой, будущей народной артистки СССР. Как и фильм «Драконов ус», он знакомил не только с киноискусством, но и с китайской литературной классикой. В фильме-драме «Дочери Китая» события происходят в период антияпонской войны. На первый план выходит идея самопожертвования во имя победы. В финале все восемь девушек, окружённых японцами, остались без оружия и боеприпасов и решили броситься в воды реки Муданьцзян (пров. Хэйлунцзян), чтобы не попасть в руки врага. Финал фильма выполнен очень трагично: по экрану медленно плывут портреты девушек, а хор поёт им вечную славу. Фильмы с сугубо китайской тематикой, малопонятной советскому зрителю, СССР не закупал.

Некоторые фильмы поступали в качестве дара. В 1950 г. Общество китайско-советской дружбы (ОКСД) подарило Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей (ВОКС) фильмы «Борьба с эрозией почв» и «Разведение рыб в пресной воде», предназначенные для АН СССР, а также детские фильмы «В летнем лагере» и «Цветы родины» для Московского городского дома пионеров.

На фестивале китайского кино в 1954 г. были показаны «Драконов ус» (экранизация пьесы известного китайского писателя Лао Шэ «Канава» режиссёром Сюй Цюнем) и «Срочное письмо». Первый фильм рассказывает о том, как преобразилась жизнь рабочей бедноты Пекина с приходом новой власти. Режиссёр русского дубляжа – будущий создатель «Семнадцати мгновений весны» Татьяна Лиознова, а дублировали главных героев Евгений Весник и Ролан Быков, которые тогда не сыграли ещё ни одной роли в кино. Второй фильм, «Срочное письмо» (Ши Хуэй, 1954 г.), – военный боевик о подвиге 12-летнего мальчика в период антияпонской войны (героев дублируют Е. Весник, М. Глузский).

Тема ликвидации противников новой власти после окончания гражданской войны оставалась актуальной и в конце 1950-х гг. и прозвучала в фильме «Смелый как тигр» (Янь Цзичжоу, Хао Гуан, 1958 г.) и детективе «Дело Сюй Цюин» (Юй Яньфу, 1960 г.). Дебютная работа одного из будущих классиков китайского кино Се Цзиня «Баскетболистка номер 5» о молодёжи, спорте, патриотизме, любви и китайском характере демонстрировалась в СССР и получила в 1957 г. серебряную награду Международного кинофестиваля, проходившего в рамках VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве. Фильм выделялся из общей массы политически ориентированных лент о борьбе против шпионов, о жизни рабочих, крестьян и армии, хотя китайские исследователи кино отмечают «непреднамеренное обращение к советской идеологии» в фильме [Li Daoxin 2004: 404]. Писатель А.Е. Корнейчук, посещая в 1955 г. КНР, советовал китайским кинематографистам, ссылаясь на К. Маркса, «снимать комедии, открыть путь юмору», потому что смех помогает устранять недостатки и легче расставаться с прошлым [Советско-китайские культурные связи 2022: 694]. В старом Китае комедии снимали, а в КНР одним из первых к жанру комедии обратился режиссёр Люй Бань, снявший в 1956 г. сразу два фильма: «Широкая натура» и «Перед приходом нового начальника» [Торопцев 1979: 59–60].

На Московском международном кинофестивале в 1959 г. был представлен первый китайский широкоформатный фильм-драма режиссёра Шэнь Фу «Новая история старого

солдата» о подъёме целины на севере Китая. Лента получила серебряную медаль. Признанием заслуг китайского кино стало включение в жюри конкурса известного режиссёра Чжан Цзюньсяна (он был знаком советским зрителям по фильму «Красное знамя на зелёной скале», 1951 г.).

Под влиянием политических обстоятельств советско-китайское сотрудничество и кинообмены прекратились в 1962 г.

Заключение

Благодаря китайским фильмам советские зрители знакомились с историей и современной жизнью Китая, узнавали, чем интересуются, о чём думают китайцы, а китайские зрители лучше узнавали советских людей. Специалисты установили профессиональные контакты, сложился механизм двустороннего сотрудничества, который подкреплялся личными отношениями между кинематографистами двух стран. Кино помогало установлению взаимопонимания и дружеских связей между народами, что, несомненно, благоприятно отражалось на межгосударственных отношениях. Однако под влиянием непреодолимых факторов сотрудничество и обмен кинофильмами прекратились.

Советские фильмы вернулись к китайскому зрителю вскоре после «культурной революции». Они сыграли свою роль на фоне «киноголода», который испытывало население после «десятилетия смут», в течение которого кинотеатры предлагали зрителям 10 фильмов, снятых по так называемым образцовым революционным пьесам. Во многих учреждениях сохранились плёнки, чудом избежавшие уничтожения, и их начали демонстрировать для своих служащих. Это были закрытые показы, во время которых никого из посторонних не пускали в зал. Дети из ближайших домов залезали на деревья, подставляли лестницы, цеплялись за оконные рамы, чтобы увидеть хотя бы кусочек экрана. Люди стремились к нормальной жизни, частью которой всегда было кино.

Появившиеся в 1950-е гг. ростки взаимодействия киноработников наших стран в неблагоприятном политическом климате замедлили рост на некоторое время, но не погибли. Нормализация межгосударственных отношений в конце XX в. вернула их к жизни, создала благоприятные условия для возобновления сотрудничества. Оно продолжает развиваться в начале XXI в. и отмечено выпуском нескольких совместных фильмов разных жанров: «Последний секрет самурая» (2010), «Как я стал русским» (2015), «Тайна печати дракона» (2019), «Волшебный портрет» (1997), «Последняя битва на чернозёме» (2015), «Песня Линьшуй» (2018).

Хотя и медленно, но растёт число закупаемых Китаем российских фильмов. Если в 1950-е гг. советское кино занимало лидирующие позиции в Китае, то в новом столетии ему приходится пробиваться в острой конкуренции не только с возмужавшим национальным кино с его спецэффектами и высокотехнологичными трюками, но и с прочно укоренившейся на китайском рынке западной, в первую очередь американской, кинопродукцией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верченко А.Л. Первый опыт советско-китайского сотрудничества в кинематографии (1949–1950) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4. С. 70–80. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-70-80

- Верченко А.Л. Режиссер-документалист И.П. Копалин и первая попытка снять фильм о победе китайского народа // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 180–188.
- Желоховцев А.Н. Основные этапы развития китайского кино // Вопросы культурной революции в КНР. М.: 1960.
- Советско-китайские культурные связи 1949–1960: сборник документов. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 848 с.
- Торопцев С.А. Очерк истории китайского кино, 1896–1966. М.: Наука, 1979. 230 с.
- Торопцев С.А. Прошлое и настоящее китайского кино // Народы Азии и Африки. 1976. № 2.
- Ху Сяньчжан. Всемерно развивать роль культуры как моста между Китаем и Россией // Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых. М.: Русская панорама, 2007. С. 57–63.

REFERENCES

- Hu Xianzhang (2007). Vsemerno razvivat' rol' kul'tury kak mosta mezhdou Kitayem i Rossiyey [To develop the role of culture as a bridge between China and Russia]. In: *Obraz Kitaya v sovremennoy Rossii. Nekotoryye problemy kitayskoy istorii i sovremennoy politiki KNR v issledovaniyakh rossiyskikh i zarubezhnykh uchenykh* [The image of China in modern Russia. Some problems of Chinese history and modern politics of the PRC in the research of Russian and foreign scientists]. Moscow: Russkaya panorama, p. 57 – 63. (In Russian).
- Sovetsko-kitayskiye kul'turnyye svyazi 1949–1960: sbornik dokumentov [Soviet-Chinese cultural ties in 1949–1960: collection of documents] (2022). Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 848 p. (In Russian).
- Toroptsev S.A. (1979). Oчерк istorii kitayskogo kino, 1896–1966 [The history of Chinese cinema, 1896–1966]. Moscow: Nauka, 230 p. (In Russian).
- Verchenko A.L. (2022). Pervyy opyt sovetsko-kitayskogo sotrudnichestva v kinematografii (1949–1950) [The first experience of the Soviet-Chinese cooperation in cinematography (1949–1950)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 21 (4): 70–80. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-4-70-80
- Verchenko A.L. (2020). Rezhisser-dokumentalist I.P. Kopalin i pervaya popytka snyat' fil'm o pobede kitayskogo naroda [Documentary director I.P. Kopalin and the first attempt to make a film about the victory of the Chinese people]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 4: 180–188. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120011401-2
- Zhelokhovtsev A.N. (1960). Osnovnyye etapy razvitiya kitayskogo kino [The main stages of the development of the Chinese cinema]. In: *Voprosy kul'turnoy revolyutsii v KNR* [Issues of the Cultural Revolution in the PRC].
- ***
- Cheng Jihua (1963). *Zhongguo dianying fazhan shi* [The history of the development of Chinese cinema], in 2 vols. Beijing: Zhongguo dianying. Li Daoxin (2004). *Zhongguo dianying wenhua shi (1905–2004)* [The history of Chinese cinema culture (1905–2004)]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 676 p. (In Chinese).
- Zhao Weifang (2021). Sulian / Eluosi yingshiju zai Zhongguo de chuanbo ji qishi [The dissemination and enlightenment of Soviet/Russian film and television dramas in China]. *Zhongguo wenyi pinglun* [China Literature and Art Criticism], 10: 106–115. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 23.04.2024

Принята к публикации: 03.05.2024

Received: Apr 23, 2024

Accepted: May 3, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-73-93

«Одна единица Фукуды» – японский плакат в СССР и современной России

Белозёров Виктор Владимирович

Аннотация. Японский плакат – неотъемлемый элемент современной графической культуры, ставший известным благодаря профессиональному мастерству его авторов и узнаваемому визуальному облику. Таковым остаётся и его восприятие в России, где с середины 1960-х гг. японский плакат и его создатели занимают особое место. В статье на основе обзоров международных графических биеннале в социалистических республиках восстанавливается историографическая траектория описания японского плаката в СССР. На основе архивных материалов и периодических изданий автор реконструирует событийное поле представления японского современного плаката в СССР и России, включая все основные выставки локального и международного значения, а также ключевые особенности советского и постсоветского периодов восприятия этого явления. В конце статьи приведён список выставок японского плаката в СССР и России с 1974 по 2021 г.

Ключевые слова: СССР, Япония, японский плакат, японский графический дизайн, выставки японского плаката в СССР и России, японский плакат на биеннале в социалистических республиках, Фукуда Сигэо.

Автор: Белозёров Виктор Владимирович, магистр истории искусств, независимый исследователь, создатель образовательного проекта «Gendai Eye». ORCID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белозёров В.В. «Одна единица Фукуды» – японский плакат в СССР и современной России // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 73–93. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-73-93

“One Fukuda Unit” – Japanese poster in the USSR and contemporary Russia

Belozerov Viktor V.

Abstract. Japanese poster is an integral element of modern graphic culture, which has become famous due to the professional skills of its authors and recognisable visual appearance. This is also how it is perceived in Russia, where since the mid-1960s Japanese poster art and its creators have occupied a special place. The article reconstructs the historiographical trajectory of the description of Japanese posters in the USSR on the basis of reviews of international graphic biennales in the socialist republics. Based on archival materials and periodicals, the author reconstructs the event field of representation of Japanese contemporary posters in the USSR and Russia, including all the main exhibitions of local and international significance, as

well as the key features of the Soviet and post-Soviet periods of perception of this phenomenon. The appendix to the article contains a list of exhibitions of Japanese poster art in the USSR and Russia from 1974 to 2021.

Keywords: USSR, Japan, Japanese poster, Japanese graphic design, exhibitions of Japanese poster in the USSR and Russia, Japanese poster at the Biennales in the socialist republics, Fukuda Shigeo.

Author: *Belozеров Виктор В.*, Master of Art History, Independent researcher, creator of the educational project “Gendai Eye”. ORCID: 0000-0003-0094-7678. E-mail: gendaieye@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belozеров V.V. (2024). «Oдна edinitsa Fukudy» – yaponskiy plakat v SSSR i sovremennoy Rossii (“One Fukuda Unit” – Japanese poster in the USSR and contemporary Russia). *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 73–93. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-73-93

Японский плакат через призму международных биеннале плакатной графики в социалистических республиках

О японском плакате, его особенностях и ключевых дизайнерах в основном можно было узнать из обзоров международных биеннале графики, где художественные и технические новинки из Японии стабильно привлекали внимание журналистов и искусствоведов. В середине 1960-х гг. советские источники считали неотъемлемыми характеристиками японского плаката высокий профессионализм в области фотографического изображения, а также грамотное использование цвета. Фотографика становилась ведущим направлением в области дизайнерской реализации в плакате, это было связано в том числе и с высокими темпами развития фототехники в Японии: «Прекрасные работы можно встретить в японской дизайн-графике, мастерски построенной на цветной фотографике. Утончённая графическая культура Японии прошлого плюс новейшая техника позволяют японцам демонстрировать совершенные работы в области “типо-фото”» [Черневич 1968]. Технологический параметр был важен и в сфере типографии, этот аспект оставался и остаётся неизменным, японское качество печати всегда оставалось высоким [Современный плакат 1967].

В тематическом отношении японских плакатистов рассматривали в русле объединения художников, выступавших за пропаганду антивоенных и антифашистских плакатов. Советские искусствоведы подчёркивали, что подобные инициативы наиболее сознательны и показывают талантливость автора [Успенский 1971]. Отдельно также говорилось и о том, что японским графикам удалось отразить свои национальные традиции и перенести их в пространство плакатного изображения.

К моменту проведения первой Международной выставки плаката в Варшаве в 1966 г. уже упоминалось высокое качество японской печати: «В экспозицию Японии были включены по большей части не оригиналы, а оттиски; но, по всей вероятности, они не только не хуже, но может быть, и лучше оригиналов» [Первая биеннале плаката 1966]. А по материалам биеннале в Брно можно было впервые узнать имя графического дизайнера Фукуда Сигэо, сыгравшего большую роль в реализации связей между японскими и советско-российскими художниками: «...расскажу о работе японца Шигео Фокуда, который выставил “Гамлета” и “Ромео и Джульетту”. “Гамлет” – это маленького формата книжка, сложенная гармошкой так, что гармошка может вытягиваться вперёд... Сгущаясь в узлы и утончаясь,

плавно изгибаясь или нервно ломаясь, это линия, как кардиограмма, «рисует» трагедию Шекспира... Хранительница выставки с видимым удовольствием показывает эти книжки посетителям» [Митурич 1967].

Рис. 1. Танака Хироси «Донорское движение»; Нагаи Кадзумаса «Реклама пива Асахи».

Pic. 1. Tanaka Hiroshi “Blood donation campaign”; Nagai Kazumasa “Asahi beer advertising”.

Источник: II Международная биеннале плаката в Варшаве. Каталог. (1968).

Source: II International Poster Biennale in Warsaw. Catalogue (1968).

На конец 1960-х гг. очевидно, что политическая тема, наравне с гуманистической, выделялась как наиболее важная при рассмотрении японского плаката. К примеру, упоминался художник Коно Такаси с плакатом «Мы протестуем против бомбардировок Северного Вьетнама!» (1966), его работа прошла отбор на выставку, посвящённую 50-летию Октябрьской революции в Варшаве [Итоги конкурсов, посвящённых юбилею Октября 1968]. На II-й Биеннале плаката в Варшаве 1968 г. про работу Танака Хироси («Донорское движение») с изображением красного сердца и капли крови говорилось, что благодаря своему лаконизму ей удаётся выразить драматичность и трагедию, пережитую японским народом.

Отмечалась безукоризненность введения в плакат фотографий (Масуда Тадаси, Нагаи Кадзумаса): «Но есть ещё нечто магическое, что безошибочно останавливает наш глаз именно на японском плакате. Может быть, это принцип симметрии, присущий искусству Востока, синоним гармонии и красоты... Равновесие и покой располагают к созерцанию. И вы снова и снова ощущаете власть японских художников, постигаете тайну их мастерства» [Черневич 1968].

На период 1960-х гг. в советских обзорах единогласно утверждался высокий уровень профессионализма японских художников и полиграфистов. Японский плакат воспринимался как сенсация, что превзошла по своим достижениям польскую плакатную школу, считавшуюся наиболее сильной [Ладур 1966]. В особенности отмечалось нестандартное использование флуоресцирующих и сияющих листов, а также применение новых типографических красок, демонстрировавших возможности цвета и его комбинаций [Черневич. Биеннале плаката 1968].

В 1970-е гг. внимание советских обозревателей японского плаката было привлечено к минимализму и монохромным качествам изображения. К примеру, отмечалось сбалансированное соотношение чёрного и белого пространства листа в туристском плакате с изображением города авторства Хасэгава Эйти и Нисибэ Томио на третьей Биеннале плаката в Варшаве [Хейфиц 1970]. В 1975 г., после проведения очередного выпуска биеннале, советские корреспонденты писали, что японский плакат есть сочетание скупого языка и разработки крупных графических форм в насыщенной цветовой гамме [Каждан 1975]. Это было отражено в работе Морисима Хироси «Вода – это жизнь» и плакате Фукуда Сигэо. Отмечалось, что молодое поколение художников плаката демонстрировало активный поиск новых форм художественного выражения [Сильвестрова 1975].

В 1978 г. Биеннале графики в Брно продолжила демонстрировать работы в области рекламной графики, плаката, а также полиграфической иллюстрации и шрифта: «Огромная палитра графических приёмов, великолепное использование фотографии, умение свободно и вместе с тем сдержанно распорядиться имеющимися разнообразными полиграфическими возможностями – во всём этом дизайнеры-графики Японии далеко опережают своих европейских и американских коллег, и их опыт заслуживает пристального внимания и тщательного изучения. Правда, нередко бросается в глаза несоответствие между блестящими художественными средствами и ”приземлёнными“ целями вполне коммерческого свойства. Но нельзя не отметить в то же время серии выполненных с большим социальным темпераментом плакатов ”Дружба“ С. Фукуда, ”Против терроризма“ М. Исоно, ”За мир“ Ю. Сато, ”Опасность курения“ И. Хаякава и др.» [Дижур 1979].

В 1980-е гг. Фукуда Сигэо признавался безоговорочным мэтром японского плаката: «И чуть ли ни один Шигео Фукуда по-прежнему умудряется придумывать знаки ещё невиданные. Кажется, мощность сотни плакатистов не достигает в среднем одной единицы “фукуды”» [Черневич 1981]. Отдельно отмечались работы Нагаи Кадзумаса, Киёси Авадзу, Юсаку Камэкура, Танаами Кэйити, Танака Икко, Макото Накамура, Ёкоо Таданори, Эйко Исиока, Аоба Масутэру. Особенный вклад этого поколения был отмечен советскими обозревателями после проведения выставки японского плаката в рамках Международной биеннале 1980 г. в Варшаве.

«Наконец, нельзя не отметить разнообразия художественных систем, существующего в японском плакате и обязанного стечению многих художественных индивидуальностей... Японский плакат напоминает о вечных резервах любого человеческого рук дела и возвращает к размышлениям о путях современного плаката» [Черневич 1981].

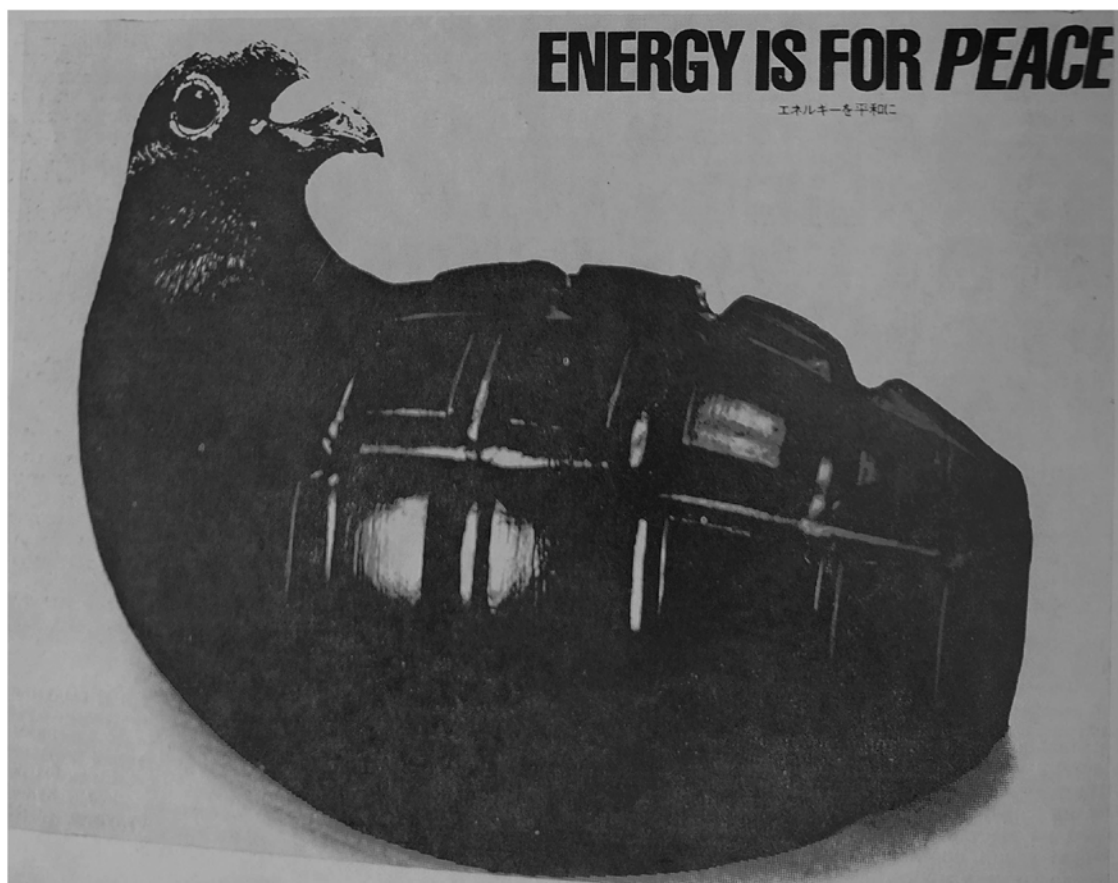

Рис. 2. Аоба Масутэру «Энергия для мира».

Рис. 2. Aoba Masuteru “Energy is for peace”.

Источник: ДИ СССР. 1983. № 1. С. 28.

Source: DI SSSR [Decorative art of the USSR] (1983), 1: 28.

В середине 1980-х гг. говорилось об Аоба Масутэру по итогам его участия в 10-й Биеннале прикладной графики в Брно: «Скупыми, но предельно выразительными средствами отличались листы японского художника М. Аоба, затрагивающие самую актуальную для всего человечества проблему – проблему мира на земле. Они были настолько ясны и сильны по своему художественному решению, что жюри единодушно присудило этой серии плакатов высшую награду Гран-При» [Савостюк 1983]. Такое же внимание было приковано к Нагаи Кадзумаса после Биеннале в Брно 1984 г. [Шатова 1984].

К концу 1980-х гг. говорилось о том, что за десятилетия наработок и насмотренности разных школ японским художникам удалось выработать баланс между национальным и зарубежным: «Многие перемены в визуальном строе современного плаката произошли безусловно не без рефлексии по поводу своеобразной эстетики японской школы. На всех современных выставках плакаты из Японии образуют мощное визуальное поле, влияние которого рано или поздно обнаруживается в работах европейских мастеров. Сейчас по крайней мере уже нельзя говорить о той пропасти, которая разделяла образы японского и не-японского плаката 20 лет назад. И тот, и другой успели пристально приглядеться друг к другу, и многое теперь в плакате произошло на почве этого взаимовлияния» [Черневич 1988].

Высокое качество работ японских авторов на международных биеннале в социалистических странах послужило формированию профессионального облика японской отрасли в СССР. Международный характер мероприятий и их масштаб привлекал значительное внимание прессы, по этой причине формировался пул имён, ставший известным и советской аудитории, в том числе и по мере их последующего участия в московских выставках. Отдельно эти мероприятия служили и коммуникационной почвой для обмена мнениями, что положительно сказывалось на организации последующих выставок в Москве. В критическом отношении японскому плакату на протяжении десятилетий удавалось избегать серьёзных претензий, даже когда это касалось коммерческой рекламы. Изобретательность художественных практик в оформлении плаката воспринималась как проявление профессионализма, а не пример «модернистского» искусства.

История показа японского графического дизайна в СССР и современной России (1970–2020 гг.)

Несколько иначе складывалась история представления графического дизайна в самом СССР, где наиболее активные процессы демонстрации работ японских художников начались к середине 1970-х гг. В 1974 г. планировалась экспозиция малых графических форм: совместный показ советских и японских экслибрисов должен был пройти в помещении Союза художников (СХ) СССР в Москве и на площадке Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) в Ленинграде. Предполагалось, что каждая из сторон продемонстрирует 500 работ, и все они будут отражены в каталоге, который будет выпущен на двух языках тиражом до 1000 экземпляров³. Однако свидетельств, подтверждающих проведение этой выставки, не было найдено, каталог также отсутствует.

В августе 1975 г. в выставочном зале СХ СССР на Гоголевском бульваре в Москве открылась выставка японских рекламных плакатов и календарей. Первоначально её проведение планировалось на 1974 г., а затем в первой половине 1975 г. Организацией мероприятия занимался СХ СССР и Японская ассоциация культурных связей (ЯАКС). Устройству выставки сопутствовали трудности с поиском подходящей площадки из-за большого количества экспонатов (250 плакатов и 200 календарей)⁴. По итогам обсуждения экспозицию планировалось разбить на две части (плакаты отходили СХ СССР, а календари – ССОД), на выставке в конечном счёте показали 147 плакатов и около ста календарей. В прессе отмечалось, что выставка была первой в своём роде: ранее не предпринималось отдельных попыток продемонстрировать японский плакат в таких масштабах. Отмечалось, что в художественном отношении японские авторы умело использовали технику фотомонтажа, продемонстрировали интересную работу с шрифтом и яркими тонами в оформлении [Выставка японского плаката 1975]. По итогам выставки планировался и выпуск каталога. Устроители надеялись, что японское правительство поддержит подобную инициативу, но по неизвестной причине выпуск издания не состоялся. Дополнительно японские организаторы настаивали на вручении премий участникам выставки, но СХ СССР отклонил подобную идею, заявив, что у них нет такой практики⁵.

³ ГА РФ. Ф. 9576. Оп. 20. Д. 586. Л. 190.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 2129. Л. 6-7.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 6. Д. 2081. Л. 54-55.

Рис. 3. Работа жюри и серия фотоплакатов «1980, Московская олимпиада» участников – победителей конкурса.

Fig. 3. Work of the jury and a series of photo posters “1980, Moscow Olympics” by the winners of the competition.

Источник: Во имя мира, во славу спорта! Плакат Олимпиады-80 (1984). С. 43, 45.

Source: In the name of peace, for the glory of sport! Poster for the 1980 Olympics (1984): 43, 45.

В 1980 г. был проведён конкурс плаката, посвящённый Олимпиаде-80. Среди участников были и японские плакатисты, ими была представлена серия «Япония, серия фотоплакатов “1980, Московская олимпиада”». Цикл из семи плакатов был подготовлен группой авторов: Кавадзу Хидэо, Мацумото Сигэо, Исиносава Харутомо, Кисимото Кан [Олимпийский плакат 1981]. На этих фотоплакатах были представлены основные виды спортивных состязаний Олимпиады. Художники получили золотую медаль и диплом первой степени, в рамках события была также устроена пресс-конференция с их участием. По мнению советских обзоров конкурса, работы японцев отличались чистым и статичным фотоплакатом, выполненным по принципу стоп-кадра, что высоко оценивалось жюри [Михайлова 1979]. Среди членов этого жюри был Фукуда Сигэо, который отметил следующие впечатления после участия в отборе работ: «Мне много довелось участвовать в международных конкурсах, и хотелось бы отметить особый демократизм, внимание и отзывчивость, которые были так характерны для этого конкурса. Он не имеет себе равных» [Шашков 1979].

В 1984 г. издательство «Плакат» совместно с СХ СССР, Министерством культуры СССР, а также Госкомиздатом СССР объявили международный конкурс политических плакатов, посвящённых 40-летию Победы в Великой Отечественной войне под девизом «За мир, гуманизм, против угрозы ядерной войны». В жюри конкурса вновь вошёл Фукуда Сигэо, сам он также получил диплом первой степени и медаль за плакат на гуманистическую тему. Диплом второй степени был присуждён Дайраку Такэси за плакат «Мама, мне страшно!» (1984). Дипломы третьей степени и премии получили Ито Дзётаро за серию плакатов «Хиросима-45», Накагава Кэндзо за плакат «Хиросима 8-15». Лучшие работы конкурса вошли в экспозицию выставки, которая была открыта в Москве в ЦДХ [Международный конкурс плаката «За мир, гуманизм, против угрозы ядерной войны» 1985]. В прессе выставка также получила высокую оценку, в очередной раз подтверждался профессионализм японских художников и их большой творческий потенциал [Степанова 1984].

Рис. 4. Дайраку Такэси «Мама, мне страшно» (1984).

Fig. 4. Dairaku Takeshi “Mom, I’m scared” (1984).

Источник: Искусство. 1985. № 1. С. 13.

Source: *Iskusstvo [Art]* (1985), 1: 13.

С сентября по ноябрь 1986 г. проходила международная выставка «Мастера культуры за мир», на которой среди участников был представлен художник-плакатист М. Аоба с антивоенной работой «Реальный вес мира»⁷. В конце того же года состоялся и международный конкурс политического плаката под девизом «За мир и социальный прогресс», посвящённый 70-летию Великого Октября [Любимова 1987]. В рамках этой экспозиции были показаны работы Т. Нанбу и Т. Мимура («Мир», 1986), Х. Ёкояма («Не открывай», 1986). Все они содержали антивоенный посыл, подчёркивающий недопустимость использования ядерного оружия и необходимость создания безопасной среды для будущих поколений⁸.

Летом 1987 г. состоялся ещё один крупный показ японского плаката в выставочном зале Союза журналистов СССР (СЖ СССР). В прессе можно найти свидетельства того, что у советского зрителя был большой интерес к работам японских художников, поскольку они демонстрировали широту разных приёмов и техник [Шатова 1988]. Неоднократно отмечалось, что плакаты также отличаются высоким качеством полиграфии, использованием

⁷ Из произведений с выставки «Мастера культуры за мир». *Творчество*, 1986. № 12. С. 4.

⁸ За мир и социальный прогресс. *Альбом работ международного конкурса политического плаката*, М.: Плакат, 1989.

декоративных паттернов, иероглифов и рисованных элементов. Отмечалось большое разнообразие японской рекламы с точки зрения тематик и применения, а также способность комбинировать национальные мотивы с европейскими. На этот раз плакаты не ограничивались лишь антивоенной тематикой – были представлены как рекламные, связанные с конкретной продукцией (Сайто Макото, «Плакат для Альфа Кубик») или событиями (Танака Икко, «Зелень и человек. Плакат для Фонда защиты зелёной земли»), так и чисто художественные (Авадзу Киёси, «Но»).

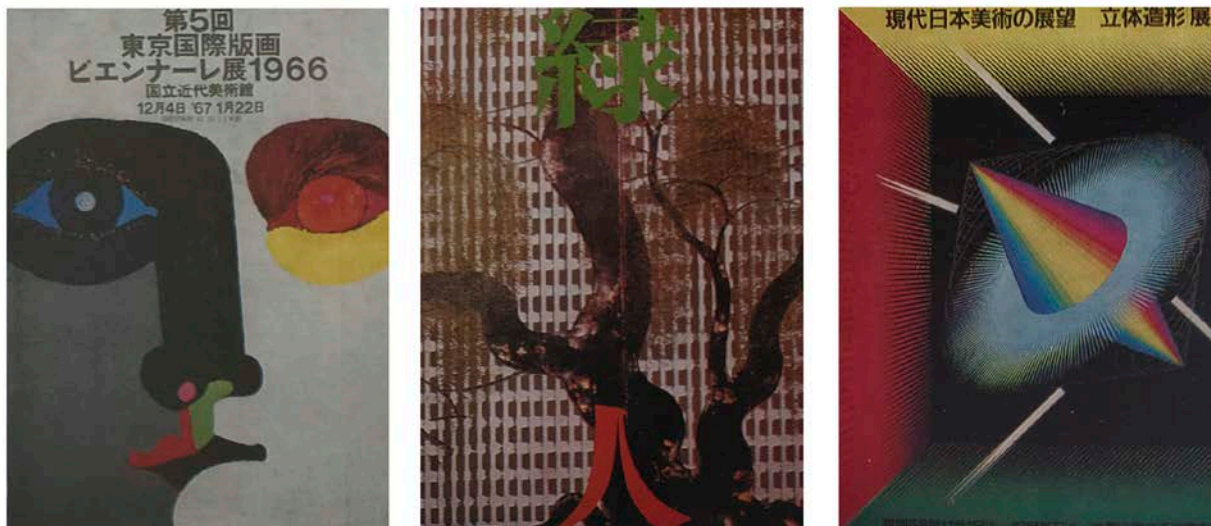

Рис. 5. Работы Хаякава Ёсио, Танака Икко, Нагаи Кадзумаса с выставки японского плаката в Москве (1987).

Pic. 5. Works by Hayakawa Yoshio, Tanaka Ikko, Nagai Kazumasa from an exhibition of Japanese posters in Moscow (1987).

Источник: Творчество. 1988. № 1. С. 31–32.

Source: *Tvorchestvo [Creation]* (1988), 1: 31–32.

Отдельной категорией показа японских плакатов за весь период с конца 1960-х гг. по конец 1980-х гг. можно считать регулярные небольшие выставки, которые реализовывались силами обществ дружбы между Японией и СССР. Подобные выставки получали широкую развёрстку и демонстрировались на самых разных культурных и общественных площадках. К примеру, в документах можно найти подтверждения подобных мероприятий в школах и кинотеатрах⁹, дворцах культуры в Ленинграде¹⁰. Их значение не стоит переоценивать, поскольку это были довольно камерные экспозиции, однако для зрителя, что ранее и вовсе мог быть незнаком с подобным видом искусства, такие выставки имели вполне очевидную образовательно-культурную функцию. Другие возможности увидеть плакатную графику исчерпывались международными выставками либо книжными ярмарками.

В самом начале 1990-х гг. инициативы по показу плакатной графики, в особенности крупные международные проекты и конкурсы в СССР, несколько сократились: потребовалось время на переосмысление формата мероприятий и налаживание связей с новыми участниками и организациями. В 1991 г. состоялся небольшой показ японских

⁹ ЦГА. Ф. Р-869. Оп. 2-2. Д. 852. Л. 12.

¹⁰ ЦГА. Ф. Р-869. Оп. 2-2. Д. 898. Л. 9.

афиш в выставочном зале фотоцентра Союза журналистов (СЖ) СССР¹¹. В 1994 г. в «ИМА-галерее» в Москве была проведена выставка «Зелёный плакат Японии», основанная на экспозиции Международной выставки графики и плаката «Четвёртый блок», которая прошла весной того же года в Харькове. Экологическая тема, затрагивающая вопросы сохранения животного разнообразия, а также природы Земли, здесь была центральной.

«Японские плакаты поражают. Неожиданностью решений, воздействием на тонкие струны восприятия, выпадением из клишированных образов масс-медиа. На выставке забываешь, что современный плакат – это всего лишь тиражированная продукция искусства и что в случае данной выставки они окольцованы темой защиты жизни – растительной и животной... Постичь японские плакаты даже до середины – невозможно. Слишком ощутимой становится иная почва произрастания. Для европейца это превращается в слово “тайна”» [Данильянц 1994].

К выставке небольшим тиражом был также выпущен каталог¹³. Автором текста в каталоге стал японист и искусствовед Е.С. Штейнер, однако предисловие не касалось визуального языка плаката и художников, а являлось лишь своеобразной критикой «зелёных» и экологической повестки в целом.

В 2000 г. состоялась выставка японского плаката в Государственном музее искусства народов Востока (ГМИНВ), представившая наиболее известные имена в области японского графического дизайна. Плакаты в основном носили рекламный характер и демонстрировали разнообразные товары и услуги.

«Однако рафинировано европейские по своему внешнему виду японские плакаты на уровне сюжета и возможностей его прочтения принадлежат к совершенно иной культурной традиции. Ведь американцу никогда не придёт в голову передать весенний характер модной коллекции, превратив весь плакат в жёлтое монохромное поле с размытым силуэтом мужской рубашки, “словно её засыпало цветочной пылью”» [Данилова 2000].

Далее экспозиция была совмещена с выставкой «Обратная фотография. Японские фотографы современности» и показана в Музее этнографии в Санкт-Петербурге под названием «Лики Японии».

«И, наконец, японская полиграфия. Она обладает великолепными возможностями (стоит вспомнить хотя бы качество их репродуцирования). В самом деле, всё лучшее соединил в себе плакат Японии, а именно лаконизм и метафоричность, оригинальность, изысканную пластику, прекрасное видение цвета» [Ястреб 2000].

В 2003 г. в Санкт-Петербурге в рамках IV Японской недели в выставочном зале НоМИ была представлена небольшая выставка «История послевоенного графического дизайна Японии в лучших плакатах» (Японский плакат 1945–1989). Куратор Джунко Хираи, на тот момент супруга художника Олега Котельникова, представила на выставке 27 изображений, присланных для выставки в репринтном качестве [Сайто 2003].

В 2004 г. в рамках Международного экологического фестиваля искусств в Аптекарском приказе Музея архитектуры имени А.В. Щусева состоялась выставка «Спаси меня» Нагаи Кадзумаса. Выставка частично повторяла работы, ранее демонстрировавшиеся в России, и скорее имела опциональный характер, нежели показывала новые работы автора. Также

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 3635. Л. 27.

¹³ Зелёный плакат Японии. Каталог выставки. М.: ИМА-пресс, 1994.

прошла выставка «Открой для себя Японию. Плакаты» в здании РНБ в Санкт-Петербурге, познакомив российского зрителя с 75 работами различных предприятий и учреждений культуры Японии.

«По крайней мере, познакомиться с японской рекламой всегда полезно. У японцев абсолютно другой взгляд на вещи, окружающие нас. Они для нас как инопланетяне – настолько у них другое понимание мира, нежели у европейцев. А знать различные точки зрения относительно одной области деятельности, в данном случае рекламной, нужно. Более радикально отличающегося от нас видения мира, чем у японцев, нет ни у кого»¹⁴.

«Рекламные образы подаются не в “лоб”, а с особенной тонкостью, не агрессивно, а вкрадчиво. Некоторые из показанных работ предполагают вдумчивое “прочитывание”, что совсем нехарактерно для того подхода к рекламе, который демонстрируют нынешние российские дизайнеры»¹⁵

Рис. 6. Плакаты японских художников (Мацуи Кэйдзо, Мацунага Син, Нагаи Кадзумаса).

Рис. 6. Posters by Japanese artists (Matsui Keizo, Matsunaga Shin, Nagai Kazumasa).

Источник: POST PAST. Международная выставка плакатов к 250-летию Государственного Эрмитажа. Каталог выставки, 2014.

Source: POST PAST. International exhibition of posters for the 250th anniversary of the State Hermitage. Exhibition catalogue, 2014.

В 2014 г. в рамках международной выставки «“Post Past”». Выставка плакатов к 250-летию Эрмитажа»¹⁶ сразу несколько японских художников (Фунабаси Дзэндзи, Мацуи Кэйдзо, Мацунага Син, Нагаи Кадзумаса, Сайто Макото) выполнили плакаты по случаю юбилея институции. В 2016 г. в ГМИНВ прошла первая персональная выставка Ёкоо Таданори, в рамках небольшой экспозиции было представлено несколько десятков работ автора. Выставка была реализована при поддержке Японского фонда (Japan Foundation), а также самого художника и его музея в Кобэ, к ней была выпущена брошюра-каталог [Таданори Ёко. Искусство смыслов 2016].

¹⁴ Лук-порей как символ японской рекламы. *Деловой Петербург*, 16.07.2004. URL: https://www.dp.ru/a/2004/07/16/Luk-porej_kak_simvol_japon (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁵ Инфо+. *НоМИ*, 2004. № 39. С. 67.

¹⁶ POST PAST. Международная выставка плакатов к 250-летию Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Фонд «Эрмитаж» XXI век, 2014.

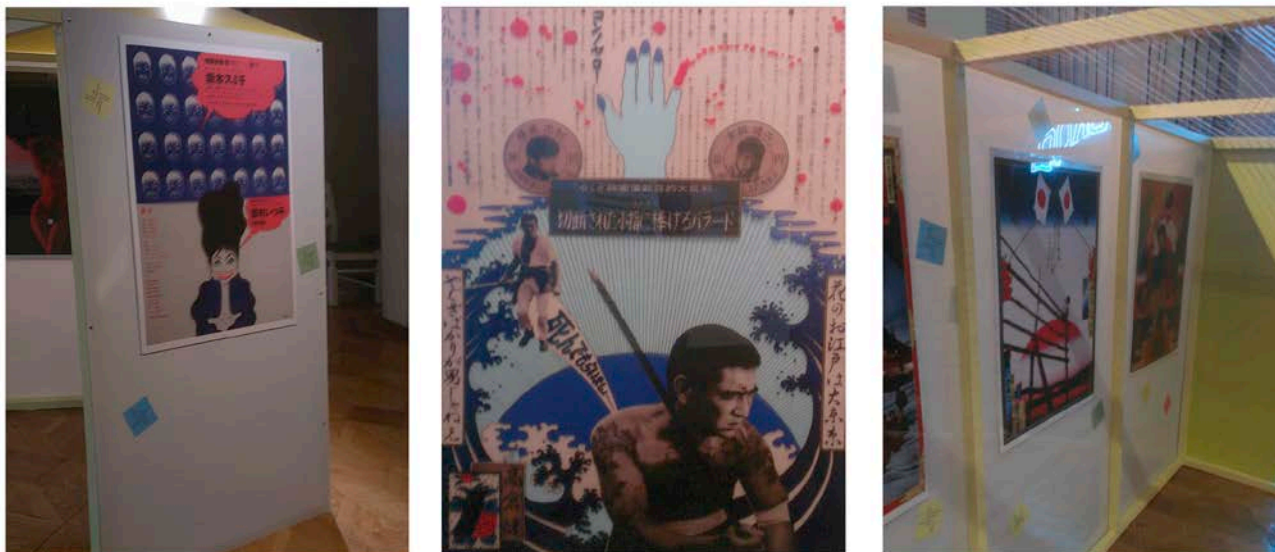

Рис. 7. Фотографии выставки «Таданори Ёко. Искусство смыслов» в ГМИИВ.
Pic. 7. Photos of the exhibition “Tadanori Yokoo. The Art of Meanings” at the State Museum of Oriental Art.

Источник: фотографии автора статьи.

Source: photographs from the author’s archive.

Развитие региональных показов японского плаката осуществлялось за счёт гастролирующих выставочных проектов от Японского фонда, а также самостоятельных показов, начиная с 2000-х гг. В 2002 г. в Петрозаводском выставочном зале прошла выставка «Плакат. Двойной визит», основанная на коллекции группы «Арт-Контакт», в рамках мероприятия были показаны и работы японских авторов. В 2003 г. состоялся показ фотографии и плаката в Хабаровске, приуроченный к 10-летию генконсульства Японии в Хабаровске.

«Интерес посетителей к японскому ”шершавому языку плаката“ был столь велик, что возле авторов выстраивались очереди... Приуроченная к 10-летию юбилею генконсульства Японии в Хабаровске, выставка стала событием в культурной жизни не только края, но и России: подобная экспозиция демонстрируется в нашей стране впервые. Три известных японских мастера: Фудзисиро Норио, Сиодзава Синсукэ и Исида Нориёси представили свои произведения, созданные с использованием образов японского фольклора, традиционных мотивов и масок театра Но»¹⁷.

В 2004 г. начал свои гастроли проект «Образ Японии через искусство плаката», посетив несколько городов России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Самара). В 2004 г. в Якутске состоялась выставка «Жизнь человека. Японский плакат». В 2007 г. выставка «Брат Тояма» открылась в Учебно-научном музее ДВФУ во Владивостоке: мероприятие включало в себя показ плакатов и оригами, посвящённых префектуре Тояма.

¹⁷ Японские плакатисты сыграли «лисю свадьбу» в дальневосточном Париже. *Коммерсантъ Хабаровск*, 13.11.2003. № 207. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/427538> (дата обращения: 20.04.2024).

Рис. 8. Лауреаты «Золотой пчелы» в 2000-е гг. Нииноми Сюдзи («Тайбэй», 2005);
Мацунага Син («Любляна», 2002); Нагаи Кадзумаса («Харьков», 2000).

Pic. 8. The winners of the “Golden Bee” biennale in the 2000s: Niinomi Shunji (“Taipei”,
2005); Matsunaga Shin (“Ljubljana”, 2002); Nagai Kazumasa (“Kharkov”, 2000).

Источник: Всё золото мира: плакаты, удостоенные золотых наград в 2000–2010 гг., 2010.

Source: All the Gold in the World: Gold Award-Winning Posters 2000–2010, 2010.

Что до мероприятий международного уровня, то для постсоветского пространства важным событием стала Московская международная биеннале графического дизайна «Золотая пчела», где с самого первого выпуска в 1992 г. принимали участие десятки японских художников, в том числе и в составе жюри. Фукуда Сигэо до конца своей жизни регулярно отбирал работы для биеннале, а также давал мастер-классы, проходившие в ЦДХ. В мае 2016 г. в рамках фестиваля была устроена выставка-конкурс памяти Фукуда. Масштаб награждения японских участников позволила понять и выставка «Всё золото мира», проведённая в 2010 г.: в неё вошли все плакаты, удостоенные золотых наград в период с 2000 г. по 2010 г.¹⁸. «На третьей биеннале Гран-при получил японец Коити Сато... После долгого противостояния с европейскими плакатами был выбран именно его солнечно-медовый прямоугольник, обрамлённый тонкой цепью золотистых иероглифов. Коити Сато принадлежал к тому направлению в японском плакате, в котором каллиграфию сочетают со светоцветовыми графическими эффектами, укрупнёнными фрагментами в высшей степени эстетских фотоснимков губ, глаз, овалов лиц и с легко узнаваемыми цитатами из классических японских гравюр на дереве» [Аронов 2009].

¹⁸ Всё золото мира: плакаты, удостоенные золотых наград в 2000–2010 годы. Каталог выставки. М.: Альма Матер, 2010.

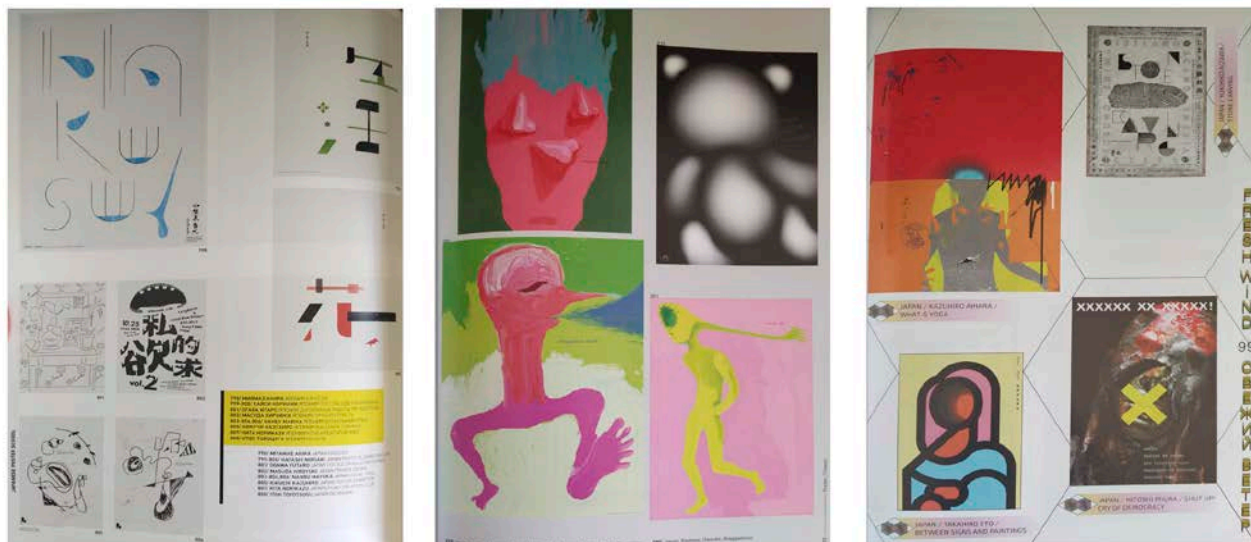

Рис. 9. Работы японских участников «Золотой пчелы» 2014–2018.

Pic. 9. Works by Japanese participants of the “Golden Bee” biennale 2014–2018.

Источник: Каталоги Московского международного биеннале графического дизайна «Золотая пчела» (2014–2018).

Source: Catalogs of the Moscow Global Biennale of Graphic Design “Golden Bee” (2014–2018).

Подобную международную инициативу развил и фестиваль Туромапиа, где с 2018 г. также принимали участие художники из Японии. В рамках темы фестиваля «Восток-Запад» была устроена сборная выставка современного японского и иранского плаката, а художник Сасаки Сюн поделился опытом работы с изображением, его работы были включены в основную выставочную программу фестиваля. Компания Morisawa в лице Сакамото Кэйтаро также представила международный шрифтовый конкурс. В 2019 г. открытием фестиваля стал молодой японский графический дизайнер Кобаяси Икко, представивший серию плакатов с абстрактными знаками, выполненных тушью. Помимо выставки художника «Тайные знаки Икки Кобаяши» была проведена и его лекция. В 2020 г. один проект Сасаки Сюн был задействован в программе соавторства известных и начинающих художников, а в 2021 г. Кобаяси Икко вновь принял участие в онлайн-программе фестиваля. Отдельно стоит отметить, что фестиваль также активно осваивал и регионы России: повторные программы проходили в Улан-Удэ, Челябинске, Архангельске, Томске и других городах.

Заключение

Современная японская плакатная графика на протяжении десятилетий показа в СССР и современной России стала именем нарицательным, ассоциируясь с выразительностью авторского высказывания и высоким качеством печати. В довоенный период о японском плакате в СССР практически не было известно – имеется всего лишь одна небольшая публикация, которая описывала общие тенденции рекламной графики 1920-х гг. [Воинов 1927]. Возобновление интереса к японскому плакату, как в рамках его экспонирования, так

и в отношении его изучения, происходит в середине 1960-х гг., когда некоторые искусствоведы и журналисты начали о нём писать.

В первую очередь это было достигнуто за счёт организации международных мероприятий, посвящённых плакату, первоначально в Варшаве и Брно. Именно обзоры этих биеннале позволили сформировать некоторое представление о том, что происходило в области японского графического дизайна. Плакат, путём показа на международных площадках (Варшава, Брно, Краков, Любляна), позволял не только открывать новые имена, но и создать профессиональную среду для обмена мнениями, а также наработки связей для реализации выставок в Москве. Вдобавок, эти мероприятия иногда позволяли продемонстрировать работы тех художников, что стилистически не подпадали под советские требования к изображению. К примеру, только там часть советской аудитории и жителей тех социалистических республик, где проходили события, могли увидеть работы Танаами Кэйити, Ёкоо Таданори и др.

В Москве выставки японского плаката начинают проходить на самостоятельной основе только к середине 1970-х гг., поэтому приходится говорить скорее о довольно умеренном событийном потоке в этом отношении. Малое количество мероприятий сказывается и на количестве доступных архивных материалов и сведений из периодических изданий, но тем не менее сохранившаяся информация позволяет реконструировать общий фон представления японского плаката в СССР. Московские выставки позволяли советскому зрителю ознакомиться с главными японскими плакатными графиками и оценить масштаб их вклада в эту отрасль. К сожалению, по разным причинам, несмотря на существующие планы, каталоги выставок японского плаката не доходили до стадии печати.

Отсутствие подробной информации о японском плакате не отменяло появление локальных героев, что были важны в контексте профессионального взаимодействия между советскими и японскими дизайнерами. К примеру, таким образом к своей заслуженной популярности пришёл японский график Фукуда Сигэо, неоднократно бывавший в СССР, а затем и России. Ему удавалось не только закрепить связи между отечественными и японскими дизайнерами, но также и принимать участие в организации международных мероприятий, участвовать в отборе работ и судействе в жюри. При всём внимании к фигуре дизайнера и его статусу, к сожалению, в советских источниках Фукуда остался без крупных интервью, что значительно отличает ситуацию от подобных в области живописи или дизайна, где художники большой значимости находились на виду и освещались в публичном пространстве.

В советский период японскому плакату, ввиду цензурных и стилистических ограничений, удавалось существовать свободнее, чем другим сферам искусства. Плакат позволял художникам находиться в режиме бóльшей творческой свободы и допустимости, экспериментировать с абстрактными элементами, техниками коллажа и фотомонтажа – декларативность изображения давала авторам творческую независимость. Постсоветский период снял любые ограничения, связанные с визуальной формой, что расширило возможности графических дизайнеров, а также событийную составляющую. Роль самого плаката также претерпела изменения, декларативная функция отошла на задний план, вместо неё пришла оформительская, нацеленная на коммерческую реализацию. В профессиональном сообществе японский плакат продолжал ассоциироваться с высоким

уровнем работы, что не отменяло некоторых форм экзотизации у обозревателей, привязок к национальным стереотипам и ожиданиям.

Восприятие плаката как прикладной сферы искусства несколько сузило его привлекательность для массового зрителя, тем не менее выставки современного японского плаката проходили не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и имели большую программу показа в регионах за счёт инициатив Японского фонда, начиная с 2000-х гг. Вместе с тем выросла значимость международных фестивалей плакатной графики для профессионального сообщества. Возникновение «Золотой пчелы» и Turomania позволило продолжить обмен опытом внутри профессионального сообщества, а также демонстрацию работ графических дизайнеров из Японии самых разных поколений.

Список основных выставок японского графического дизайна в СССР и современной России

- 1974** – Совместный показ советских и японских экслибрисов (Помещение СХ СССР, Мск / Помещение ССОД, Ленинград). *Статус проведения неизвестен.*
- Август 1975** – Выставка японских рекламных плакатов и календарей (Выставочный зал СХ СССР, Мск).
- 1980** – Выставка-конкурс плакатов к Олимпиаде-80 (Мск). *Среди участников:* Кавадзу Хидэо, Мацумото Сигэо, Исиносава Харутомо, Кисимото Кан.
- Конец 1984** – Международный конкурс политических плакатов «За мир, гуманизм, против угрозы ядерной войны» (ЦДХ, Мск). *Среди участников:* Фукуда Сигэо, Дайраку Такэси, Ито Дзётаро, Накагава Кэндзо, Ёкоо Таданори.
- 26 сентября – 13 ноября 1986** – «Мастера культуры за мир» (Манеж, Мск). *Среди участников:* Аоба Масутэру.
- Конец 1986** – Международный конкурс политического плаката «За мир и социальный прогресс». *Среди участников:* Т. Нанбу, Т. Мимура, Х. Ёкояма.
- Лето 1987** – Выставка японского плаката (Выставочный зал СЖ СССР, Мск). *Среди участников:* Камэкура Юсаку, Нагаи Кадзумаса, Аоба Масутэру, Кацуи Мицуи, Хаякава Ёсио, Танака Икко, Авадзу Киёси, Сайто Макото, Тода Масатоси, Асаба Кацуми.
- 1991** – Выставка японских афиш (Выставочный зал фотоцентра СЖ СССР, Мск).
- 8–25 июля 1994** – «Зелёный плакат Японии» («ИМА-галерея», Мск). *Участники:* Нагаи Кадзумаса, Акияма Ику, Таканокура Ёсинори, Энокидо Фумихико, Сугисаки Мотоя, Миядзи Ясутакэ, Тоёмасу Хайдзо.
- 6–31 июля 2000** – Выставка современного японского плаката (ГМИНВ, Москва). Далее **август-сентябрь 2000** – «Лики Японии» (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург). *Среди участников:* Накамура Макото, Фукусима Осаму, Аоки Кацунори, Мацунага Син, Касаи Каору, Нагаи Кадзумаса, Сайто Макото, Мацуи Кэйдзо.
- 13 ноября – 26 ноября 2002** – «Плакат. Двойной визит» (Петрозаводский выставочный зал). *Среди участников:* Нагаи Кадзумаса, Окамото Ёсиюки, Асаи Ёситэру, Футадзука Кадзуаки, Танабэ, Киёи Котани.
- Май 2003** – «История послевоенного графического дизайна Японии в лучших плакатах» (Японский плакат 1945–1989) в рамках IV Японской недели (Выставочный зал НоМИ, Санкт-Петербург).
- Ноябрь 2003** – Выставка современного японского плаката в рамках Фестиваля японской культуры в России (Дальневосточный художественный музей, Хабаровск). *Участники:* Фудзисиро Норио, Сиодзава Синсукэ, Исида Нориёси.

- 9 марта – 14 марта 2004** – «Спаси меня». Выставка Нагаи Кадзумаса (Музей архитектуры имени А.В. Щусева, Мск).
- 12 июня – 9 августа 2004** – «Открой для себя Японию. Плакаты» (РНБ, Санкт-Петербург). *Среди участников:* Аоки Кацунори, Иноуэ Сато, Аракава Синьитиро, Касаи Каору.
- 2004** – «Образ Японии через искусство плаката» (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород, Екатеринбург).
- Ноябрь 2004** – «Жизнь человека. Японский плакат» (Национальный художественный музей Якутии).
- Май 2007** – «Брат Тояма» (Учебно-научный музей ДВФУ, Владивосток).
- 31 декабря 2014 – 18 января 2015** – «“Post Past”». Выставка плакатов к 250-летию Эрмитажа». *Среди участников:* Фунабаси Дзэндзи, Мацуи Кэйдзо, Мацунага Син, Нагаи Кадзумаса, Сайто Макото.
- 6 октября – 6 ноября 2016** – «Таданори Ёко. Искусство смыслов» (ГМИНВ, Мск).

«ЗОЛОТАЯ ПЧЕЛА»¹⁹

- 1992** – Камияма Цуёси (обладатель первой премии).
- 1994** – *Неизвестно. Не обнаружен каталог.*
- 1996** – Сато Коити (гран-при + диплом за логотип); Мацуи Кэйдзо, Мацунага Син, Нагаи Кадзумаса, Сайто Макото, Фукуда Сигэо (Золотые пчелы).
- 1998** – Кэйдзо Мацуи (член жюри); Сато Коити (премия за визитные карточки); Нагаи Кадзумаса, У.Г. Сато (премии за плакат).
- 2000** – Исида Мицуо, Нагаи Хироаки, Рито Линда, Сато Коити, Ясуда Юмико (премии за плакаты); Мацунага Син, Фудзи Дзёитиро (премии за брошюры и буклеты); Нагаи Кадзумаса (приз журнала и агентства “Greatis”, премия фирмы Линия График, приз ИВСС); Мацунага Син (премия за дизайн футболок); Энокида Фумихико (диплом Союза дизайнеров); Фукуда Сигэо (конкурс «Все золото мира»).
- 2004** – Мацунага Син (премия за плакат). *Участники:* Адати Юдзи, Акияма Хана, Акияма Такаси, Ватанабэ Мицуо, Исикава Хироюки, Иияма Кодзи, Ёситэру Асаи, Кагава Такэси, Касаи Нориуки, Киносита Кацухиро, Кита Норикадзу, Конэку Ацуси, Котани Кёдзи, Кубута Ёсито, Кувата Осаму, Мацуи Кэйдзо, Мацуи Нобуюки, Мацуки Масахиро, Мацуёси Хироюки, Мацунага Син, Миядзи Ясутакэ, Нагаи Кадзумаса, Нагаи Юдзи, Накагава Ёсиюки, Нииноми Май, Нииноми Сундзи, Обата Куниясу, Обата Масахиса, Окадзаки Мияко, Рито Линда, Садаюки Накадзава, Сато Ику, Сато Хироси, Сима Такахиро, Симидзу Тацуюки, Сугисаки Мотоя, Такада Юкити, Такахару Мацумото, Такаи Гаку, Такакита Юкия, Тамура Кацуми, Тода Сёдзу, Уэда Кадзухидэ, Уэно Кацуюси, Фукуда Сигэо, Хираи Наоки, Энокида Фьюмихико, Ямасита Педро, Окадзаки Юити, г. Осудзи.
- 2006** – Фукуда Сигэо (премия Родченко, почётный диплом Совета по общественным наградам Объединённых наций, участие в жюри, участие в выставке работ членов жюри, мастер-класс). Като Тосиюки, Нагаи Кадзумаса (премии за плакат), Кацуи Мацуи (премия за книгу). *Участники:* Тамаки Акира, Акияма Хана, Акияма Такаси, Фудзита Наоки, Масаки Фукумори, Наоки Хираи, Уэно Хироюки, Ито Тоёцугу, Като Тосиюки, Кацуи Мицуо, Киносита Кацухиро, Кога Масахико, Мидзутани Кодзи, Маэда Хироси, Мацунага Син, Миякэ Такаси, Нагаи Кадзумаса, Нагаи Юдзи, Огава Тадахико, Рито Линда, Сасаси Митихито, Сато Кэнъити, Сэкигути Такаси, Суэфуса Сино, Сугисаки Синносукэ, Тэрасима Масаюки, Тода Сэйдзю, Томоюки Ока, Тосиясу Нанбу, Утикава Такуя, Ямамото Тэцудзи, Ямамото Хироки, Яно Касими, Ёсимаса Такахаси.

¹⁹ Список участников и лауреатов выпусков «Золотой пчелы» составлен на основе каталогов биеннале.

- 2008** – *Участники:* Акияма Такаси, Асаи Ёситеру, Ёсисукэ Фунасака, Ито Тоёцугу, Като Ёсиро, Кацухиро Киносита, Кэнсаку Като, Кодзи Мива, Линда Рито, Масаказу Танабе, Мацуси Хироюки, Мацунага Син, Мацусита Сусукэ, Минорикава Тэцуро, Миягава Томоко, Норикацу Кита, Норико Фудзисиро, Осуги Гаку, Сасаки Митихито, Такуя Утикава, Тосиясу Нанбу, Ямамото Хироки.
- 2010** – *Участники:* Акияма Такаси, Вакаока Синья, Дайсукэ Сасаки, Ито Акитака, Ито Тоёцугу, Кадзухиро Кикүти, Каиси Томоя, Каору Моримото, Касимото Сатодзи, Касиока Кадзуки, Катаока Сакико, Като Ёсиро, Мацуси Хироюки, Мацунага Син, Миягава Томоко, Мори Масаё, Морикава Сюн, Нанбу Тосиясу, Огава Ютаро, Осуги Гаку, Рито Линда, Сакаи Хироко, Сато Кей, Сато Кэнъити, Сато Юдзи, Симбо Кэйта, Симбо Мисако, Син Хасимото, Сосукэ, Такада Юкити, Такаси Ёхэй, Тэрасима Масаюки, Фудзисиро Норико.
- 2012** – *Участники:* Акияма Такаси, Фудзисиро Норико, Икэгами Наоки, Ито Акитака, Ито Тоёцугу, Кагава Такэси, Кикүти Кадзухиро, Мацуда Дзисукэ, Мацуси Хироюки, Мацумура Хириси, Митико Камада, Миягава Томоко, Миямаэ Акира, Накана Такэо, Ниими Хироки, Огава Ютаро, Оба Мики, Сасаки Дайсукэ, Сато Кэй, Ю. г. Сато, Симадзава Ёсихидэ, Сунаи Юхэй, Такахаси Ёхэй, Томонори Одзаки, Цусима Хадзимэ, Умэда Хироаки.
- 2014** – Сасаки Сюн (премия за категорию «Экология»); Такая Рэн (премия за постер). *Участники:* Акияма Такаси, Хаяси Нориаки, Ито Тоёцугу, Каиси Томоя, Касиока Кадзуки, Касива Дайсукэ, Катаока Сакико, Кацуи Мицуо, Кавагути Тосифуми, Кикүти Кадзухиро, Кита Норикадзу, Масуда Хироюки, Мацуда Дзисукэ, Мацумото Кодзи, Мацунага Син, Миягава Томоко, Миямаэ Акира, Нанбу Маюка, Нанбу Тосиясу, Нисияма Хироки, Огава Ютаро, Окуно Сёдзиро, Омори Такудзи, Сакаи Хироко, Сасагава Ацуко, Сасаки Дзюн, Сато Коити, Син Мацунага, Синмура Норито, Суэфуса Сино, Такахаси Ёхэй, Такая Рэн, Такэмура Синтаро, Цукамото Акихико, Яманокути Масакадзу.
- 2016** – В рамках предбиеннальной программы «Золотой пчелы 12» была проведена выставка-конкурс памяти Сигэо Фукуда в Москве в универмаге «Цветной» (12 – 20 мая). Кэйдзо Мацуи (жюри), Кэн Мики (отборочное жюри); Ёхэй Такаси и Дзисукэ Мацуда (премия за постеры). *Участники:* Аихара Кадзухиро, Акияма Такаси, Гилтэ Лии, Хара Кэнъя, Хиромото Ризэ, Исии Юити, Канахама Рэна, Касаи Норико, Касива Дайсукэ, Каяба Асука, Кита Норикадзу, Конно Сатоси, Маэкава Кэйсукэ, Маруяма Кэн, Мацуда Дзисукэ, Мацуи Кэйдзо, Мацуси Хироюки, Мацумото Тисато, Мацумото Кодзи, Мики Кэн, Мива Кодзи, Миямаэ Акира, Нагаи Кадзумаса, Накано Такэо, Оба Хисаэ, Окуно Сёдзиро, Ониси Такасукэ, Осава Юдаи, Сакико Катаока, Симидзу Аяка, Мацунага Син, Синтаро Тагахиро, Сирасава Масао, Такахаси Ёхэй, Вакасуги Томоя, Ёсомия Такаси.
- 2018** – *Участники:* Каяба Асука, Огума Сикако, Касива Дайсукэ, Цусима Хадзимэ, Оба Хисаэ, Мацуда Дзисукэ, Аихара Кадзухиро, Маруяма Кэн, Сато Кэнъити, Мива Кодзи, Тэрасима Масаюки, Нанбу Маюка, Синбаяси Наная, Кита Норикадзу, Такая Рэн, Арасигава Синдзи, Фудзимото Такааки, Это Такахиро, Акияма Такаси, Нагата Такаси, Кавагути Тосифуми, Накагава Ёсиюки, Аидзава Юкихико, Тосифуми Кавагути, Сато Кэй, Мацунага Син, Сакаи Хироко, Сато Ю. г.
- 2020** – Кэнъя Хара (жюри); Касива Дайсукэ (премия), Икава Синъити (2 премии), Цусима Хадзимэ (премия). *Участники:* Акияма Такаси, Это Такахиро, Икава Синити, Ито Тоёцугу, Касива Дайсукэ, Мацуда Дзисукэ, Миками Юри, Миядзаки Ю, Нагата Такаси, Нанбу Маюка, Нанбу Тосиясу, Оба Хисаэ, Сасаки Сюн, Синбаяси Наная, Такахаси Ёхэй, Тамаки Таити, Цусима Хадзимэ, Вакасуги Томоё, Кавахиро Кацуя, Тамаки Таити.

ТУРОМАНИЯ

- 2018** – Сборная выставка японского и иранского плаката. *Среди участников основной программы:* Сасаки Сюн; Сакамото Кэйтаро и анонс конкурса от фирмы Morisawa.
- 2019** – *Среди участников основной программы:* Кобаяси Икко. Персональная выставка «Тайные знаки Икки Кобаяши».
- 2020** – Программа соавторства: Сасаки Сюн.
- 2021** – Онлайн-программа фестиваля: Кобаяси Икко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аронов В.* Современный графический дизайн // ДИ. 2009. № 1. С. 25.
- Воинов В.* Искусство современной Японии // Красная панорама. 1927. № 3. С. 12.
- Выставка японского плаката // Искусство. 1975. № 11. С. 76.
- Данилова А.* Японские парадоксы: зашифрованный плакат и фотосъемка невидимого // Культура. 13.07.2000. № 26. С. 7.
- Данильянц Т.* Выставки. Зеленый плакат Японии // ХЖ. 1994. № 5. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/62/article/1308> (дата обращения: 20.04.2024).
- Дижур А. Л.* Биеннале-78 в Брно // Техническая эстетика. 1979. № 1. С. 22–25.
- Итоги конкурсов, посвященных юбилею Октября // Искусство. 1968. № 2. С. 70.
- Каждан Е.* Международный плакат в Варшаве // Творчество. 1975. № 1. С. 12–16.
- Ладур М.* Заметки редактора // ДИ СССР. 1966. № 9. С. 1.
- Любимова В.* За мир и социальный прогресс // Творчество. 1987. № 2. С. 1–3.
- Международный конкурс плаката «За мир, гуманизм, против угрозы ядерной войны» // Искусство. 1985. № 1. С. 12–13.
- Михайлова Т.* Олимпийский плакат // Творчество. 1979. № 9. С. 2–3.
- Митурич М.* Биеннале графики в Брно // Творчество. 1967. № 1. С. 21–23.
- Олимпийский плакат. М.: Физкультура и спорт, 1981.
- Первая биеннале плаката // ДИ СССР. 1966. № 10. С. 44.
- Савостюк О.Х.* Биеннале плаката в Брно // ДИ СССР. 1983. № 1. С. 27–29.
- Сайто И., Андреева Н., Зайцева Е., Белова Н.* Японская неделя в Петербурге // НоМИ. 2003. № 3. С. 68–69.
- Сильвестрова С.А.* Международный конкурс плаката // Техническая эстетика. 1975. № 8. С. 16–19.
- Современный плакат // Искусство. 1967. № 2. С. 75.
- Степанова Т.* Набат плаката // Творчество. 1984. № 12. С. 10–13.
- Таданори Ёко.* Искусство смыслов. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2016.
- Успенский Б.* Плакат-агитатор, плакат-пропагандист // Искусство. 1971. № 2. С. 2–5.
- Фукуда С.* Сигео Фукуда о себе. Творческий автопортрет // Проблемы дизайна 4. М.: Пинакотека, 2007. С. 223–236.
- Хейфиц М.* III Биеннале плаката // Творчество. 1970. № 11. С. 10–13.
- Черневич Е.* Биеннале плаката // ДИ СССР. 1968. № 11. С. 10–11.
- Черневич Е.* К спорам о плакате. XII Международная Биеннале плаката в Варшаве // ДИ СССР. 1987. № 12. С. 8–11.
- Черневич Е.* Фотография // Техническая эстетика. 1968. № 2. С. 25–30.
- Черневич Е.* Что нового в плакате? // ДИ СССР. 1981. № 6. С. 40–43.
- Шатова Л.* Брно-84 // Творчество. 1984. № 11. С. 30–32.
- Шатова Л.* Японский плакат // Творчество. 1988. № 1. С. 31–32.
- Шашков Н.* Конкурс олимпийского плаката // ДИ СССР. 1979. № 12. С. 1.
- Ястреб М.* Японцы лучше всех // НоМИ. 2000. № 16. С. 62.

REFERENCES

- Aronov V. (2009). Sovremennyy graficheskiy dizayn [Contemporary graphic design]. *DI [Dialogue of the Arts]*, 1: 25. (In Russian).
- Chernevich E. (1968). Biyennale plakata [Poster Biennale]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 11: 10–11. (In Russian).
- Chernevich E. (1987). K sporam o plakate. XII Mezhdunarodnaya Biyennale plakata v Varshave [Towards a debate about the poster. XII International Poster Biennale in Warsaw]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 12: 8–11. (In Russian).
- Chernevich E. (1968). Fotografika [Photography]. *Tekhnicheskaya estetika [Technical aesthetics]*, 2: 25–30. (In Russian).
- Chernevich E. (1981). Chto novogo v plakate? [What's new in the poster?]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 6: 40–43. (In Russian).
- Danilova A. (2000). Yaponskiye paradoksy: zashifrovannyi plakat i fotos"yemka nevidimogo [Japanese paradoxes: encrypted poster and photography of the invisible]. *Kul'tura [Culture]*, 26: 7. (In Russian).
- Danil'yants T. (1994). Vystavki. Zelenyy plakat Yaponii [Exhibitions. Green Poster of Japan]. *KhZh*, 5. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/62/article/1308> (accessed: 20.04.2023). (In Russian).
- Dizhur A.L. (1979). Biyennale-78 v Brno [Biennale-78 in Brno]. *Tekhnicheskaya estetika [Technical aesthetics]*, 1: 22–25. (In Russian).
- Fukuda S. Sigeo Fukuda o sebe. Tvorcheskii avtoportret [Shigeo Fukuda about himself. Creative Self-Portrait]. In: *Problemy dizayna 4 [Problems of Design 4]*. Moscow: Pinakoteka, 2007. P. 223–236. (In Russian).
- Kazhdan E. (1975). Mezhdunarodnyy plakat v Varshave [International poster in Warsaw]. *Tvorchestvo [Creation]*, 1: 12–16. (In Russian).
- Kheyfits M. (1970). III Biyennale plakata [III Poster Biennale]. *Tvorchestvo [Creation]*, 11: 10–13. (In Russian).
- Ladur M. (1966). Zametki redaktora [Editor's notes]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 9: 1. (In Russian).
- Lyubimova V. (1987). Za mir i sotsial'nyy progress [For peace and social progress]. *Tvorchestvo [Creation]*, 2: 1–3. (In Russian).
- Mikhaylova T. (1979). Olimpiyskiy plakat [Olympic poster]. *Tvorchestvo [Creation]*, 9: 2–3. (In Russian).
- Miturich M. (1967). Biyennale grafiki v Brno [Graphic Biennale in Brno]. *Tvorchestvo [Creation]*, 1: 21–23. (In Russian).
- Pervaya biyennale plakata [First Poster Biennale] (1966). *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 10: 44. (In Russian).
- Saito I., Andreyeva N., Zaytseva E., Belova N. (2003). Yaponskaya nedelya v Peterburge [Japanese Week in St. Petersburg]. *NoMI*, 3: 68–69. (In Russian).
- Savostyuk O.H. (1983). Biyennale plakata v Brno [Poster Biennale in Brno]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 1: 27–29. (In Russian).
- Shashkov N. (1979). Konkurs olimpiyskogo plakata [Olympic poster competition]. *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 12: 1. (In Russian).
- Shatova L. (1984). Brno-84. *Tvorchestvo [Creation]*, 11: 30–32. (In Russian).
- Shatova L. (1988). Yaponskiy plakat [Japanese poster]. *Tvorchestvo [Creation]*, 1: 31–32. (In Russian).
- Sil'vestrova S.A. (1975). Mezhdunarodnyy konkurs plakata [International Poster Competition]. *Tekhnicheskaya estetika [Technical aesthetics]*, 8: 16–19. (In Russian).
- Sovremennyy plakat [Contemporary poster] (1967). *Iskusstvo [Art]*, 2: 75. (In Russian).
- Stepanova T. (1984). Nabat plakata [Poster Bell]. *Tvorchestvo [Creation]*, 12: 10–13. (In Russian).

-
- Tadanori Yokoo. Iskusstvo smyslov. Katalog vystavki [Tadanori Yokoo. The Art of Meanings. Exhibition catalogue]* (2016). Moscow: SMO. (In Russian).
- Uspenskiy B. (1971). Plakat-agitator, plakat-propagandist [Poster-agitator, poster-propagandist]. *Iskusstvo [Art]*, 2: 2–5. (In Russian).
- Voinov V. (1927). Iskusstvo sovremennoy Yaponii [The Art of Modern Japan]. *Krasnaya panorama [Red Panorama]*, 3: 12. (In Russian).
- Vystavka yaponskogo plakata [Japanese Poster Exhibition] (1975). *Iskusstvo [Art]*, 11: 76. (In Russian).
- Yastreb M. (2000). Yaponsy luchshe vseh [The Japanese are the best]. *NoMI*, 16: 62. (In Russian).
- II Biyennale plakata [II Poster Biennale] (1968). *DI SSSR [Decorative art of the USSR]*, 2: 39. (In Russian).

Поступила в редакцию: 23.04.2024

Принята к публикации: 07.05.2024

Received: Apr 23, 2024

Accepted: May 7, 2024

ОчеркиEssays

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-94-103

Особенности вьетнамо-камбоджийских отношений в исторической ретроспективе

Кобелев Евгений Васильевич¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В представленном очерке рассматриваются две взаимоисключающие позиции взглядов на происхождение и развитие Народно-революционной партии Камбоджи (НРПК). Первая – позиция группы Пол Пота – Иенг Сари: революционное движение в Камбодже развивалось и победило самостоятельно. Вторая – позиция здоровых сил НРПК: камбоджийская революция является частью революций во Вьетнаме и Лаосе. Революции в трёх странах – Вьетнаме, Лаосе и Камбодже – пошли разными путями и победили в разное время, что позволило группе Пол Пота заявить, что кампучийская революция не имеет никакой связи с Коммунистической партией Индокитая. После завоевания Францией во второй половине XIX в. Вьетнама, Лаоса и Камбоджи три страны стали частью Индокитайской федерации при лидирующей роли Вьетнама. Автор показывает, что национально-освободительное движение в Камбодже развивалось в рамках Индокитайского союза. Созданная Хо Ши Мином в 1930 г. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК) включала в себя и камбоджийских коммунистов, поэтому в тот период отношения антиколониальных сил Камбоджи и Вьетнама имели тесный, братский характер. Благодаря помощи Партии трудящихся Вьетнама и КПСС революция в Камбодже опередила события во Вьетнаме и Лаосе. Антинародные действия полпотовского режима вызвали недовольство широких слоёв населения. Полпотовские власти предали гласности суть своего конфликта с СРВ, заявляя на пресс-конференциях и в печати, что СРВ стремилась включить Кампучию в Индокитайскую федерацию, контролируруемую Вьетнамом. В 2017 г. Камбоджа и Вьетнам подписали рамочное соглашение о соединении экономик двух стран. В 2022 г. Камбоджа при поддержке Вьетнама стала председателем АСЕАН. 2022 г. был объявлен годом вьетнамо-камбоджийской дружбы. Союзнический опыт Камбоджи и Вьетнама может быть полезен для современной России.

Ключевые слова: Вьетнам, Камбоджа, Коммунистическая партия Индокитая (КПИК), Коминтерн, Индокитайская федерация.

Автор: Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0013 «Реалии и перспективы развития стран АСЕАН в контексте региональных и мировых процессов»).

Для цитирования: Кобелев Е.В. Особенности вьетнамо-камбоджийских отношений в исторической ретроспективе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 94–103. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-94-103

The features of the Vietnamese-Cambodian relations in the historical retrospect

Kobelev Evgeny V.¹

¹Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This essay examines two mutually exclusive positions on the origins and development of the Kampuchean People's Revolutionary Party (KPRP). The first is the position of the Pol Pot – Ieng Sary group: the revolutionary movement in Cambodia developed and won independently. The second is the position of the healthy forces of the KPRP: the Cambodian revolution is a part of the revolutions in Vietnam and Laos. The revolutions in the three countries – Vietnam, Laos and Cambodia – took different paths and triumphed at different times, allowing Pol Pot's group to claim that the Kampuchean revolution had no connection with the Indochinese Communist Party. After France conquered Vietnam, Laos and Cambodia in the second half of the 19th century, the three countries became part of the Indochina Federation, with Vietnam playing a leading role.

The author shows that the national liberation movement in Cambodia developed within the framework of the Indochina Union. The Indochinese Communist Party (ICP), created by Ho Chi Minh in 1930, also included Cambodian communists, so at that time the relations between the anti-colonial forces of Cambodia and Vietnam were of a close fraternal nature. Thanks to the help of the Workers' Party of Vietnam and the CPSU, the revolution in Cambodia was ahead of events in Vietnam and Laos. The anti-people actions of the Pol Pot regime caused wide discontent among the population. Pol Pot's authorities made public the essence of their conflict with Vietnam, declaring at press conferences and in the mass media that Vietnam was seeking to include Kampuchea in the Indochina Federation controlled by Vietnam. In 2017, Cambodia and Vietnam signed a framework agreement to connect the economies of the two countries. In 2022, Cambodia, with the support of Vietnam, became the chairman of ASEAN. 2022 was declared the Year of Vietnam-Cambodian Friendship. The allied experience of Cambodia and Vietnam can be useful for modern Russia.

Keywords: Vietnam, Cambodia, Indochinese Communist Party (ICP), Comintern, Indochina Federation.

Author: *Kobelev Evgeny V.*, PhD (History), Leading Research Fellow of the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1980-3239. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0013 “Realities and prospects for the development of ASEAN countries in the context of regional and global processes”).

For citation: Kobelev E.V. (2024). Osobennosti v'yetnamo-kambodzhiskikh otnosheniy v istoricheskoy retrospektive [The features of the Vietnamese-Cambodian relations in the historical retrospective]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 94–103. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-94-103

Национально-освободительное движение

После завоевания Францией во второй половине XIX века Вьетнама, Лаоса и Камбоджи три страны стали частью Индокитайской федерации (*англ.* Indochinese Federation) при лидирующей роли Вьетнама. С учётом этой особенности национально-освободительное движение в Камбодже развивалось в рамках Индокитайского союза (*фр.* Union Indochinoise)¹. Созданная Хо Ши Мином в 1930 г. Коммунистическая партия Индокитая (КПИК) включала в себя и камбоджийских коммунистов. Поэтому в тот период отношения камбоджийских и вьетнамских антиколониальных сил имели тесный, братский характер. Однако в 1951 г. КПИК была разделена на три части – Партию трудящихся Вьетнама (ПТВ), Народно-революционную партию Камбоджи (НРПК) и Народно-революционную партию Лаоса (НРПЛ) [Кобелев 2022]. С этого момента развитие революционных движений в трёх странах пошло разными путями [Политические системы...].

Учитывая различия в уровнях развития революционного движения во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, степени его зрелости, после создания КПИК Исполком Коминтерна высказался за то, чтобы оказание помощи камбоджийской и лаосской революциям поручить вьетнамским коммунистам [Бектимирова 1989]. Были одобрены Политические тезисы о революционном процессе в Индокитае. Тезисы определяли революцию в Индокитае как буржуазно-демократическую при руководящей роли пролетариата. В них подчёркивалось, что при отсутствии в Индокитае революционной ситуации лозунг партии заключался в том, чтобы через выступления за повседневные интересы готовить массы к революционным боям.

В статье члена Политбюро, секретаря ЦК НРПК Сай Бутхонга отмечалось: «Предыстория НРПК начинается с Компартии Индокитая. Именно тогда были осознаны две исторические закономерности, которыми должны руководствоваться коммунисты полуострова: необходимость соединения борьбы за национальное освобождение с борьбой за социальное освобождение и важность укрепления союза трёх революций: вьетнамской, камбоджийской и лаосской» [Бектимирова 1989].

В соответствии с решениями VII Конгресса Коминтерна (1935 г.)² усилия КПИК в тот период были направлены на создание Демократического фронта Индокитая. В марте 1937 г. состоялся пленум ЦК КПИК, который рассмотрел итоги революционного движения и принял решение направить все силы партии на создание Демократического фронта Индокитая [Мосяков 2010]. Деятельность КПИК в ходе борьбы за создание Демократического фронта явилась важным стимулом подъёма демократического движения в Камбодже. Однако базы КПИК в Камбодже не получили необходимого развития, а в 1938 г. были полностью разгромлены.

Благодаря помощи ПТВ (Партия трудящихся Вьетнама) и КПСС революция в Камбодже опередила события во Вьетнаме и Лаосе. В конце апреля 1967 г. к власти пришла группа Пол Пота – Иенг Сари, которая заняла откровенно антивьетнамскую и антисоветскую позицию. Началось осложнение отношений с Вьетнамом [Кобелев 1975].

¹ В 1887 г. Указом от 17 октября 1887 г. все французские владения в Индокитае были объединены в единый Индокитайский союз, который полностью находился в ведении Министерства колоний.

² Седьмой конгресс Коммунистического интернационала проходил 25 июля – 20 августа 1935 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов. Центральный доклад был сделан Г. Димитровым, всего выступило 76 делегатов. Основной темой заседаний было решение вопроса о консолидации сил в борьбе с нарастающей фашистской угрозой. См.: URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/333487> (дата обращения: 01.05.2024).

До этого с согласия камбоджийских патриотов СРВ наладила приток в Камбоджу людей и военной техники. Известная «тропа Хошимина» частично проходила и по территории Камбоджи [Кобелев 2022]. Вьетнамским войскам разрешалось пользоваться тыловыми базами в освобождённых районах этой страны. С другой стороны, силы сопротивления Камбоджи имели возможность запрашивать многостороннюю помощь со стороны Вьетнама. За короткий срок воинские части «красных кхмеров» были оснащены военной техникой и обмундированием, поставляемыми из Вьетнама. Более того Вьетнамская Народная армия полностью освободила некоторые провинции Камбоджи, которые затем были переданы под контроль её нового правительства.

Дискриминационная политика режима Пол Пота

После установления в Камбодже нового режима в отношениях с Вьетнамом появились нездоровые симптомы. Так, власти запретили вьетнамским бойцам вступать в тесный контакт с местным населением. Вьетнамские подразделения, совершавшие походы в районы, полностью очищенные от войск генерала Лон Нола, не раз попадали в засады.

Полпотовский режим начал проводить по всей стране открытую дискриминационную политику. Всех, кто прежде сотрудничал с режимом Лон Нола или Сианука, казнили, причём нередко вместе с членами их семей. Жителей вновь освобождённых районов причислили к категории «новых граждан». Их ссылали на работу в «народные коммуны» под надзором «старых граждан». Пожилые люди находились под подозрением, так как власти считали, что они заражены идеологией старого режима.

В практической политике полпотовцев на первое место были поставлены крестьянство и сельское хозяйство. Главными их лозунгами были – «превратить всех в крестьян» и «рис решает всё» [Бектимирова 1989]. Это не могло не вызвать недовольства некоторых слоёв населения. Оказавшись в полной изоляции, полпотовцы встали на путь варварских репрессий против камбоджийского народа.

Сразу же после освобождения Кампучии её вооружённые силы 5 мая 1975 г. вторглись на вьетнамскую территорию – высадили десант на остров Фукуок (сегодня это один из лучших курортов Вьетнама – *Е.К.*).

В декабре 1977 г. полпотовские власти предали гласности суть своего конфликта с Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ), заявляя на пресс-конференциях и в печати, что СРВ стремилась включить Кампучию в «Индокитайскую федерацию», контролируемую Вьетнамом. Пресса в Пномпене выходила с такими заголовками – «Кампучия подвергается вьетнамской агрессии», «Вьетнам хочет заставить Кампучию вступить в Индокитайскую федерацию». На все попытки Ханоя решить конфликт между двумя странами путём переговоров полпотовские власти ответили усилением военных акций и пропагандистской кампанией против СРВ. Начались прямые вооружённые столкновения между СРВ и полпотовской Кампучией. 10 января 1979 г. полпотовский режим пал и была провозглашена Народная Республика Кампучия (НРК).

5-й съезд Народно-революционной партии Камбоджи (с участием автора).
 Фото из архива автора.
 “5th Congress of the People’s Revolutionary Party of Cambodia (with the participation
 of the author). Photo from the author's archive.

Советский Союз одним из первых заявил о признании НРК и начал оказывать ей необходимую всестороннюю помощь. Начался широкий делегационный обмен между двумя странами как по линии государственных структур, так и по линии общественных организаций. В частности, в СССР побывали с официальными дружественными визитами Хенг Самрин и Хун Сен.

Хенг Самрин (крайний слева) и автор (крайний справа) в Москве. Фото из архива автора.
 Heng Samrin (far left) and the author (far right) in Moscow. Photo from the author's archive.

Митинг общественности Москвы в поддержку народа Кампучии (с участием автора).

Фото из архива автора.

Moscow public meeting in support of the people of Kampuchea (with the participation of the author). *Photo from the author's archive.*

Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) встречает делегацию НРК (с участием автора). *Фото из архива автора.*

The Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries meets the NRC delegation (with the participation of the author). *Photo from the author's archive.*

После вручения ордена Дружбы народов
послу Государства Камбоджа в СССР
Хор Намхонгу (с участием автора).
Москва, Кремль, 27 декабря 1989 г.
Фото из архива автора.

After the presentation of the Order of
Friendship of Peoples to the Ambassador of
the State of Cambodia to the USSR
Hor Namhong (with the participation of the
author). Moscow, Kremlin, Dec 27, 1989.
Photo from the author's archive.

Вьетнам и Кампучия/Камбоджа после распада СССР

После распада Советского Союза в 1991 г. Россия взяла на себя международные обязательства СССР, в том числе и дружественные отношения с НРК, продолжила оказание ей экономической и военной помощи, поддержку НРК в ООН и других международных организациях. НРК при всесторонней поддержке Советского Союза, а затем России и других дружественных стран добилась заметных успехов в деле экономического, социального, культурного возрождения. Экономика вышла из состояния разрухи и хаоса, в которое её ввергли полпотовцы. Была достигнута самообеспеченность главной продовольственной культурой – рисом. Год от года росло производство натурального каучука, идущего на экспорт. Воссоздана система школьного и высшего образования. Рос авторитет Народно-революционной партии – руководящей силы кампучийского общества. В своей деятельности партия опиралась на массовые общественные организации – Единый фронт национального строительства и защиты Кампучии, Ассоциацию революционной молодёжи, Ассоциацию женщин, профсоюзы. НРК являлась активным участником в международной жизни.

Новым мощным импульсом для ускорения мирного процесса стало объявленное 26 мая 1988 г. решение правительств СРВ и НРК о выводе из Камбоджи половины вьетнамского воинского контингента. Кроме того, командование вьетнамскими добровольческими силами в НРК было переведено в СРВ, а руководство их остающейся части передано властям НРК. С целью создания зоны мира вдоль кампучийско-тайландской границы было также решено отвести от неё на 30 км вьетнамские подразделения. Эти решения правительств СРВ и НРК, позитивно воспринятые во всём мире, особенно в странах АСЕАН, создали благоприятные возможности для мирного урегулирования кампучийской проблемы. В апреле 1989 г. страна была переименована в Государство Камбоджа.

Между Вьетнамом и Камбоджей начала активно развиваться приграничная торговля [Бурова 2018]. В 2018 г. Камбоджа и Вьетнам подписали рамочное соглашение о соединении экономик двух стран³.

Очевидно, что стратегическое сотрудничество между Вьетнамом и Камбоджей не только приносит пользу двум странам, но и способствует решению региональных и глобальных проблем, а также развитию самой АСЕАН⁴. Так, по мнению посла Вьетнама в Камбодже Нгуен Хи Танга, отношения между Вьетнамом и Камбоджей, пережив множество падений и взлётов, неуклонно укрепляются и развиваются. В обстановке, когда в 2022 г. исполнилось 55 лет со дня установления дипломатических отношений между Вьетнамом и Камбоджей (24 июня 1967 г. – 24 июня 2022 г.), страны обращают внимание на следующие вопросы:

1. Вьетнам и Камбоджа продолжают развивать политические отношения.
2. Обе страны намерены укреплять сотрудничество в сферах обороны, безопасности и дипломатии. Речь идёт о важных опорах двусторонних отношений, имеющих ключевое значение для сохранения мирной и стабильной среды в каждом из государств.
3. Вьетнам и Камбоджа активизируют экономическое сотрудничество для стимулирования устойчивого развития каждой из стран.
4. Стороны продолжают усиливать сотрудничество в сферах культуры, образования, подготовки кадров, здравоохранения, науки и техники.
5. Кроме того, стороны уделяют внимание активизации народной дипломатии и взаимодействию между пограничными районами⁵.

В 2022 г. Камбоджа становится председателем АСЕАН, при этом Вьетнам всемерно содействует центральной роли АСЕАН в регионе⁶. Премьер-министр СРВ Фам Минь Тьинь совершил официальный визит в Камбоджу и принял участие в 40-м, 41-м и сопутствующих саммитах АСЕАН в Пномпене. В частности, Фам Минь Тьинь выступил на 2-м Глобальном диалоге АСЕАН на тему «Комплексное восстановление после COVID-19» и 17-м Восточноазиатском саммите (ВАС)⁷. В коммюнике по итогам его визита указывалось, что отношения между Камбоджей и Вьетнамом «развиваются и укрепляются в рамках добрососедства, традиционной дружбы, всеобъемлющего сотрудничества и долговременной устойчивости»⁸. В итоге стороны договорились продолжать укреплять сотрудничество в сфере безопасности и обороны, твёрдо придерживаясь принципа не допускать

³ Развитие особых отношений дружбы и сотрудничества между Вьетнамом и Камбоджей. *Голос Вьетнама*, 06.12.2018. URL: <https://vovworld.vn/ru-RU/комментарии/развитие-особых-отношении-дружбы-и-сотрудничества-между-вьетнамом-и-камбоджей-705468.vov> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ Хорошие отношения между Вьетнамом и Камбоджей способствуют развитию АСЕАН. *Вьетнам таймс*, 20.12.2021. URL: <https://huunghivietnga.thoidai.com.vn/detail-article-22427.html> (дата обращения: 01.05.2024).

⁵ Там же.

⁶ Повышение самостоятельности, укрепление центральной роли АСЕАН. *Nhandan.vn*, 13.11.2022. URL: <https://special.nhandan.vn/vietnam-campuchia-asean/> (дата обращения: 01.05.2024).

⁷ Премьер-министр Фам Минь Тьинь завершил официальный визит в Камбоджу. *Nhandan.vn*, 03.11.2022. URL: <https://ru.nhandan.vn/prem-er-ministr-fam-min-t-in-zavershil-ofitsial-nii-vizit-v-kambodzhu-post36808.html> (дата обращения: 01.05.2024).

⁸ Укрепление и дальнейшее развитие отношений добрососедства, традиционной дружбы, всеобъемлющего сотрудничества и долгосрочной устойчивости между Вьетнамом и Камбоджей. *Голос Вьетнама*, 08.11.2022. URL: <https://vovworld.vn/ru-RU/новости/укрепление-и-дальнейшее-развитие-отношении-добрососедства-традиционной-дружбы-всеобъемлющего-сотрудничества-и-долгосрочной-устойчивости-между-вьетнамом-и-камбоджей-1149759.vov> (дата обращения: 01.05.2024).

использования какой-либо враждебной силой территории одной страны для нанесения ущерба безопасности и интересам другой, тесно взаимодействовать для эффективной реализации подписанных договоров и механизмов с целью сохранения политической стабильности, обеспечения безопасности и общественного порядка в каждой из двух стран, борьбы с транснациональной преступностью, обеспечения кибербезопасности и защиты граждан. Стороны договорились усиливать взаимосвязи между двумя экономиками с точки зрения как инфраструктуры, так и институтов и политики, поддерживать друг друга в построении независимой и самодостаточной экономики, обеспечивая при этом углублённую и эффективную международную интеграцию⁹. 2022 г. также стал Годом вьетнамо-камбоджийской дружбы.

Заключение

В настоящее время НРК и СРВ связывают дружественные отношения, базирующиеся на стремлении обеих стран к единству и солидарности в рамках Индокитайского союза, который в настоящий момент вьетнамцы стремятся возродить на новой основе, к развитию мирного сотрудничества со странами АСЕАН [АСЕАН...]. Россия приветствует позитивную динамику этих отношений и способствует их дальнейшему развитию в интересах народов Юго-Восточной Азии и всего мира. В частности, в 2019 г. на саммите Россия – АСЕАН президент России В.В. Путин сказал: «Укрепление связей с Ассоциацией и её государствами-членами всегда было и остаётся одним из приоритетов внешней политики России... Эти отношения, как зафиксировано в Совместном заявлении, принятом на саммите Россия – АСЕАН в Сингапуре в 2018 г., носят подлинно стратегический характер»¹⁰. Характерно также, что в 2023 г. правительство России включило в список стран, граждане которых смогут с 1 августа 2023 г. въехать в Россию по электронной визе, Вьетнам, Камбоджу и Мьянму. Соответствующее распоряжение подписал премьер-министр России М.В. Мишустин¹¹.

Сегодня можно констатировать, что вьетнамо-камбоджийские отношения являются примером добрососедства и региональной интеграции. Они развиваются в различных областях под девизом «доброе соседство, традиционная дружба, всестороннее сотрудничество и долгосрочная устойчивость». Как представляется, указанный опыт Камбоджи и Вьетнама может быть использован Россией, учитывая весьма сложную ситуацию, создавшуюся в отношениях с Украиной, а именно, вести соответствующую работу с Украиной – её политической элитой и населением, напоминать им о кровном родстве, связывающем две страны, взять на вооружение вьетнамские методы перевоспитания миллионов обманутых пропагандой США и марионеточного режима. Для этого использовать как традиционные СМИ – средства печати, радио и телевидение, так и Интернет-ресурсы.

⁹ Укрепление и дальнейшее развитие...

¹⁰ Саммит Россия – АСЕАН. *Президент России*, 28.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67019> (дата обращения: 01.05.2024).

¹¹ Граждане Вьетнама, Камбоджи и Мьянмы смогут въехать в Россию по электронной визе. *ТАСС*, 31.07.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18414543> (дата обращения: 01.05.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М: ИД Форум, 2010.
- Бектимирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии. М.: Наука, 1989.
- Бурова Е.С. Приграничная торговля Камбоджи с Вьетнамом и её влияние на экономическое развитие страны // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2018. № 4. С. 30–42. DOI: 10.24411/2618-9453-2018-10035
- Кобелев Е.В. Уроки Вьетнама и украинский кризис // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 93–101. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-93-101
- Кобелев Е.В., Коваленко И.И. Торжество правого дела народов Индокитая. М.: Знание, 1975.
- Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.
- Политические системы стран Юго-Восточной Азии. Том 2 / отв. ред. Е.М. Астафьева, науч. рук. Д.В. Мосяков. М.: ИВ РАН, 2022.

REFERENCES

- ASEAN v nachale XXI veka. Aktual'nyye problemy i perspektivy* [ASEAN at the beginning of the 21st century. Current problems and prospects] (2020). Moscow: ID Forum. (In Russian).
- Bektemirova N.N., Dement'yev Yu.P., Kobelev E.V. (1989). *Noveyshaya istoriya Kampuchii* [Recent history of Kampuchea]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Burova E.S. (2018). Prigranichnaya trgovlya Kambodzhi s V'yetnamom i eyë vliyaniye na ekonomicheskoye razvitiye strany [Cross-border trade between Cambodia and Vietnam and its impact on the economic development of the country]. *V'yetnamskiye issledovaniya* [Vietnamese Studies], Seriya 2, 4: 30–42. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-9453-2018-10035
- Kobelev E.V. (2022). Uroki V'yetnama i ukrainskiy krizis [Lessons from Vietnam and the Ukrainian Crisis]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 93–101. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-3-93-101
- Kobelev E.V., Kovalenko I.I. (1975). *Torzhestvo pravogo dela narodov Indokitaya* [Triumph of the just cause of the peoples of Indochina]. Moscow: Znaniye. (In Russian).
- Mosyakov D.V. (2010). *Istoriya Kambodzhi. XX vek* [History of Cambodia. XX century]. Moscow: IV RAN. (In Russian).
- Politicheskiye sistemy stran Yugo-Vostochnoy Azii* [Political systems of Southeast Asian countries] (2022). Vol. 2. Ed. by E.M. Astaf'yeva, supervised by D.V. Mosyakov. Moscow: IV RAN. (In Russian).

Поступила в редакцию: 07.05.2024

Принята к публикации: 15.05.2024

Received: May 7, 2024

Accepted: May 15, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-2-104-117

XXVIII конференция корееведов России и стран СНГ

Ким Ен Ун¹,
Самсонова Виктория Георгиевна¹,
Федюнина Марина Андреевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена XXVIII конференции корееведов России и стран СНГ, которая состоялась 28-29 марта 2024 г. в ИКСА РАН (г. Москва). Учёные-корееведы из ведущих научных учреждений России и стран СНГ рассмотрели широкий спектр политических, экономических, культурных и исторических вопросов, касающихся Корейского полуострова. Статья освещает основные тезисы, представленные на конференции докладчиками, количество которых превысило в этом году 30 человек. Отмечается, что большое внимание было уделено анализу политической обстановки, сложившейся в настоящее время на Корейском полуострове; перспективам сотрудничества РФ и КНДР; экономического взаимодействия РФ с РК в условиях санкций; анализу внутренней и внешней политики нынешней администрации РК; взаимоотношениям КНР с обоими корейскими государствами. Отдельное пленарное заседание было посвящено теме *корёин*, а также работам по исследованию корейской культуры и искусства.

Ключевые слова: РФ, КНДР, РК, санкции, Корейский полуостров, международные отношения, безопасность, экономика, культура.

Авторы:

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kimkorea@list.ru

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9577-6463. E-mail: samsonova@iccaras.ru

Федюнина Марина Андреевна, старший лаборант-исследователь, Институт Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8083-8270. E-mail: mfeduninau2@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0018 «Перспективы корейского урегулирования и интересы России»).

Для цитирования: Ким Е.У., Самсонова В.Г., Федюнина М.А. XXVIII конференция корееведов России и стран СНГ // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 2. С. 104–117. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-104-117

The 28th conference of the Russian and CIS Korean experts

Kim En Un¹,
Samsonova Viktoria G.¹,
Fedyunina Marina A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is devoted to the 28th conference of Korean studies experts from Russia and the CIS countries, which took place on March 28-29, 2024 in the Institute of China and Contemporary Asia RAS (Moscow). The Korean scholars from leading scientific institutions in Russia and the CIS countries examined a wide range of political, economic, cultural, and historical issues related to the Korean Peninsula. The article highlights the main theses presented at the conference by the speakers, the number of whom exceeded 30 people this year. It is noted that much attention was paid to the analysis of the current political situation on the Korean Peninsula; prospects for cooperation between the Russian Federation and the DPRK; economic cooperation between the Russian Federation and the Republic of Korea under sanctions; analysis of the domestic and foreign policy of the current administration of the Republic of Korea; relations between the PRC and both Korean states. A separate plenary session was devoted to the topic of *Koryoin*, as well as works on the study of Korean culture and art.

Keywords: Russia, DPRK, the Republic of Korea, sanctions, the Korean peninsula, IR, security, economics, culture.

Authors:

Kim En Un, PhD (Philosophy), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8449-7135. E-mail: kimkorea@list.ru

Samsonova Viktoria G., PhD (Economics), Head of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9577-6463. E-mail: samsonova@iccaras.ru

Fedyunina Marina A., Leading research assistant, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8083-8270. E-mail: mfeduninau2@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0018 “Prospects for a Korean settlement and Russia's interests”).

For citation: Kim E.U., Samsonova V.G., Fedyunina M.A. (2024). XXVIII Konferenciya koreevedov Rossii i stran SNG [The 28th conference of the Russian and CIS Korean experts]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 104–117. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-2-104-117

28–29 марта 2024 г. в Институте Китая и современной Азии РАН состоялась XXVIII ежегодная конференция корееведов России и стран СНГ «Современные проблемы Корейского полуострова». На заседаниях выступили более 30 учёных из ИКСА РАН, Института Востоковедения РАН (ИВ РАН), МГИМО, НИУ ВШЭ, РИСИ, Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Университета Пучон (Ташкент) и других исследовательских

и образовательных институтов. Конференция прошла в смешанном формате, благодаря чему к ней смогли присоединиться более 50 участников из городов России и зарубежья, в том числе из Республики Беларусь, Киргизстана, Таджикистана, Республики Корея.

К участникам конференции обратились с приветственным словом директор ИКСА РАН **К.В. Бабаев**, заместитель директора Первого департамента Азии МИД России **М.Г. Волков** и заместитель директора Департамента Минфина РФ **Д.В. Кику**. В их выступлениях был дан анализ текущих ключевых событий, происходящих на Корейском полуострове, а также отмечена высокая значимость конференции в условиях сложившейся ситуации на корейском направлении.

Традиционно работа конференции была организована в рамках пленарных заседаний, посвящённых политике, экономике, истории и культуре, и продолжалась 2 дня.

Пленарное заседание по политике открыл **А.В. Воронцов** (Институт востоковедения РАН), который в своём докладе на тему «Геополитические разломы на Корейском полуострове и в регионе Северо-Восточной Азии» отметил, что американо-южнокорейский военный союз, созданный в 1953 г., и его современный вариант существенно отличаются друг от друга. По его мнению, этот альянс создавался США с обязательством защищать Южную Корею от возможной «агрессии» со стороны Северной Кореи. Сегодня как спектр, так и баланс обязательств и ответственности между двумя участниками альянса существенным образом трансформировались. Теперь уже Южная Корея берёт на себя обязательство помогать США решать их военно-политические задачи за пределами Корейского полуострова, в других районах Восточной Азии, прежде всего в Тайваньском проливе. То есть теперь Сеул готов участвовать в военных операциях США далеко от берегов Кореи, чтобы помочь Вашингтону решать его стратегические задачи, прежде всего по окружению и сдерживанию Китая.

Второй феномен, проявившийся в Северо-Восточной Азии – появление и утверждение здесь нового игрока в лице НАТО, свидетельством чего стали первое в истории участие лидеров четырёх государств региона: Японии, РК, а также Австралии и Новой Зеландии в саммите НАТО в Мадриде в июне 2022 г., визиты генерального секретаря данного военного альянса Йенса Столтенберга в Южную Корею и Японию в январе-феврале 2023 г. и т.д. Такая деятельность вызывает тревогу и соответствующую политико-дипломатическую реакцию в РФ, КНР и КНДР. Северокорейские эксперты в этой связи с определёнными основаниями подчёркивают, что проникновение в регион НАТО, являющегося в их восприятии синонимом войны и конфронтации, при любых вариантах не принесёт никакого блага.

Ким Ен Ун (ИКСА РАН) в своём докладе отметил, что Южная Корея при президенте Юн Сок Ёле объявила о выходе во внешнеполитической сфере за пределы Корейского полуострова и о намерении стать глобальной державой с опорой на союз с США, играя при этом ключевую роль в решении мировых проблем. РК намерена способствовать установлению свободы, мира и процветания на основе «правильной» дипломатии и стратегии обеспечения безопасности.

Для выполнения этой задачи предусматривается не просто укрепление сотрудничества с США или продление военно-политического альянса на 60 лет, а формирование «всеобъемлющего стратегического союза между Южной Кореей и США». Это означает, что Южная Корея стремится к установлению научно-технологического, военно-технического

сотрудничества с США, а также с другими союзниками по группе стран «мировой демократии». РК и США достигли консенсуса по расширению инвестиций и укреплению сотрудничества в области НИОКР в таких развивающихся технологических областях, как полупроводники, аккумуляторы, чистая энергия, искусственный интеллект и вычислительная техника. С этим связана активная поддержка всех мероприятий США по проблеме Индо-Тихоокеанской стратегии, сотрудничество с НАТО и возможное участие в формировании тихоокеанского фланга альянса. Для таких инноваций есть объективные и субъективные причины. Среди объективных причин докладчик назвал прочное положение, которое вот уже двадцать с лишним лет занимает Республика Корея, входя в 20 самых крупных экономик мира. По номинальным долларovým показателям ВВП Южная Корея находится на десятом месте в мире, а также занимает ведущее положение среди так называемых средних стран в группе МИКТА, где РК очень активно участвует в различных направлениях политики, экономики, технологий. Есть и субъективные причины, связанные с большой активностью лидеров РК на международной арене. Все эти обстоятельства привели ко многим новациям во внешней политике страны, в частности, к скачку активности международных контактов её руководства. Например, в 2023 г. президент РК встречался с более чем 90 лидерами различных государств, а также проявил гибкость и напор в решении нескольких сложных двух- и многосторонних проблем. В докладе отмечено, что мало заявить об инновациях или выдвинуть программы – важна умелая их реализация, которая включает не только технологию и администрирование, но и искусство, требующее творческого подхода, поддержки общества и реализации при активном его участии.

В докладе **О.С. Пугачёвой** (ИКСА РАН) отмечено, что большое значение для будущего развития ситуации вокруг Корейского полуострова имеет трансформация южнокорейско-американского союза, которая сейчас тесно связана прежде всего с поиском обоснования для его сохранения. Обе стороны проявляют интерес к сохранению альянса. Движущей силой для его трансформации являются США. Их основной интерес заключается в необходимости сохранить военное присутствие на Корейском полуострове в силу его стратегической значимости в условиях геополитического противостояния с Китаем. Согласно подходу администрации Байдена, союзы – основа влияния США в мире, но они требуют преобразований, поскольку должны помогать поддерживать доминирование США в ИТР и разделять с Америкой «бремя обеспечения безопасности», т.е. брать на себя больше ответственности в регионе. США поддерживают военное строительство РК в целях повышения её роли в альянсе для сдерживания КНДР, а также укрепляют потенциал USFK, чтобы они могли быть использованы в качестве «региональных сил» для развёртывания за пределами Корейского полуострова. С приходом к власти президента Юн Сок Ёля южнокорейско-американский союз был обновлён до «глобального всеобъемлющего стратегического альянса» и встал на путь инкорпорирования в сетевую архитектуру безопасности в регионе – прежде всего, за счёт активизации и выхода на новый уровень трёхстороннего сотрудничества между РК, США и Японией. Согласно принятому в 2023 г. оборонному направлению двустороннего альянса, РК и США к приоритетам развития союза в области безопасности и обороны на ближайшие тридцать лет отнесли расширенное сдерживание; модернизацию потенциала альянса для укрепления объединённой оборонной архитектуры; увеличение вклада РК в Индо-Тихоокеанский регион, более активную роль альянса в содействии региональной безопасности. РК всё больше инкорпорируется

в американскую военную стратегию и политику в ИТР, что сужает пространство для проведения независимой от США стратегии и политики в области безопасности.

Нынешнее обострение ситуации вокруг Корейского полуострова, как отметил **В.Е. Петровский** (ИКСА РАН), диктует необходимость пересмотра подходов международного сообщества к северокорейской ракетно-ядерной программе, поскольку достижение полной денуклеаризации будет вряд ли возможно в обозримой перспективе. Любые будущие переговоры с Пхеньяном следует вести, исходя из интересов безопасности самой Северной Кореи, сосредоточившись на выработке мер по снижению ядерных рисков и мер транспарентности и военного доверия. Приоритетами Пхеньяна являются гарантии безопасности КНДР и отмена хотя бы части международных санкций, связанных с ракетно-ядерными программами Северной Кореи. Взамен можно было бы рассчитывать на то, что политика Пхеньяна будет больше соответствовать поведению «ответственного обладателя ядерного оружия». При этом следует учитывать, что в своих доктринальных документах КНДР так или иначе демонстрирует приверженность идеям нераспространения ядерного оружия. Подчёркнута необходимость достижения компромиссных договорённостей, чтобы создать систему мира и коллективной безопасности на основе баланса сил в Северо-Восточной Азии. Насущной задачей является постепенная выработка мер по снижению ядерных рисков, что соответствует общему современному тренду в сфере нераспространения ядерного оружия, а также создание эффективных механизмов контроля над ядерным и баллистическим оружием и предотвращения неконтролируемой гонки ядерных вооружений.

Следует стремиться к созданию системы мер взаимных гарантий безопасности с тем, чтобы оба корейских государства, а также остальные страны региона воздерживались от пересечения установленных в этой сфере «красных линий». Поскольку наибольший риск непреднамеренных инцидентов связан с недостаточной осведомлённостью о военной активности, такой как учения и пуски ракет, прежде всего следует стремиться к выработке мер по информированию сторон о предстоящей военной деятельности в ракетно-ядерной сфере. Москва вместе с Пекином работает над созданием «дорожной карты» и плана действий по комплексному урегулированию проблем Корейского полуострова. В рамках такой системы и на основе принципов равноправия, поэтапности и синхронности следует предоставлять гарантии безопасности всем, кто в них нуждается. Вместе с тем, подчёркнутое докладчиком заявление о том, что Россия и КНР «в полной мере привержены Договору о нераспространении ядерного оружия, согласно которому ядерный статус может быть только у России, Китая, США, Великобритании и Франции», показывает наличие многих препятствий для реализации предлагаемых мер.

В докладе **Д.О. Мартыновой** (Дипломатическая академия МИД РФ) отмечено, что вето России и Китая в мае 2022 г. очередной санкционной резолюции против КНДР, предложенной США в СБ ООН, говорит о том, что подход к разрешению таких ключевых вопросов безопасности, как ядерная проблема КНДР, больше не может продолжаться в проамериканском русле (что не отменяет необходимости поиска решений с учётом соблюдения ДНЯО). На наших глазах в субрегионе быстрыми темпами происходит милитаризация, а США, Республика Корея и Япония движутся в сторону формирования трёхстороннего военного союза, хотя представить такое всего несколько лет назад было бы очень непросто. В этой связи российско-северокорейские отношения приобрели для обеих

стран новое значение. В то же время их развитие, особенно в области экономики, сейчас существенно ограничено в связи с соблюдением Россией санкций СБ ООН. На данный момент сложно делать прогноз о потенциальных сферах сотрудничества, однако очевидно, что по данному вопросу проводится значительная работа, а его спектр может быть достаточно широким даже в сложившихся условиях. Представляется важным и развитие трёхстороннего сотрудничества между Россией, КНДР и Китаем для повышения готовности реагирования на разные сценарии потенциального обострения ситуации в регионе.

В этом плане представляется своевременным и ценным исследование **А.Л. Поленовой** (ГАУГН), в котором приводится анализ освещения вопросов северокорейской внешней политики и международных отношений в опубликованных материалах заседаний партийных и государственных органов Корейской Народно-Демократической Республики в 2023 г. При подборе источников был сделан фокус на информацию о пленумах Центрального комитета (ЦК) Трудовой партии Кореи (ТПК) и сессии Верховного народного собрания (ВНС) с привлечением информации о заседаниях Центрального военного комитета (ЦВК) ТПК. Сравнительный анализ опубликованных текстов позволяет выявить динамические изменения в том, как характеризуются вопросы двусторонних отношений Пхеньяна с наиболее значительными контрагентами, как описывается система международных отношений в целом, а также насколько в рассматриваемых материалах развитие внешнеполитического курса связывается с укреплением ракетно-ядерных сил. Особую актуальность эта тема обретает в контексте событий начала 2024 г., когда, в частности, разочарование КНДР в перспективах межкорейского сближения привело к желанию Пхеньяна полностью пересмотреть существующую концепцию политики в отношении РК. Анализ рассмотренных материалов помогает понять, насколько вопрос межкорейских отношений находился в фокусе внимания Пхеньяна в предшествовавшее время.

К.В. Асмолов (ИКСА РАН) отметил, что в 2023–2024 гг. отношения КНР со странами Корейского полуострова развивались без принципиальных изменений курса.

В отношениях КНР и КНДР продолжается тренд на укрепление связей. Обмен поздравлениями и визитами правительственных делегаций не прекращается, и стороны подчёркивают исторические корни дружбы, основанной на социалистической идеологии КПК и ТПК и памяти Корейской войны, которую в 2023 г. демонстративно чтит в контексте 70-летия её окончания. Пекин продолжает оказывать Пхеньяну дипломатическую поддержку, блокирует попытки США развивать северокорейскую тему в СБ ООН, указывает на необходимость учитывать северокорейскую позицию. 2024 год, в котором отмечается 75-летие установления дипотношений между Китаем и КНДР, председатель КНР Си Цзиньпин предложил объявить годом корейско-китайской дружбы. Первыми мероприятиями в этом контексте стали визит культурной делегации провинции Ляонин и совместный концерт «Встреча с весной». 24 июля 2023 г. – к 70-й годовщине окончания Корейской войны – Ким Чен Ын посетил кладбище китайских народных добровольцев, и по его инициативе были отреставрированы внутренние помещения башни китайско-корейской дружбы. Окончание ремонта завершилось торжественным мероприятием с участием члена Президиума Политбюро и председателя Президиума ВНС Чхве Рён Хэ.

В то же время в отношениях КНР и РК продолжается медленное охлаждение, связанное с дальнейшей интеграцией Южной Кореи в треугольник Вашингтон–Токио–Сеул. Однако формальные контакты продолжаются, хотя встречи Си Цзиньпина с президентом Юн Сок

Ёлем и премьером Хан Док Су проходили на полях иных мероприятий и были кратковременны. Сеул старается обеспечивать себе максимально возможную «свободу рук», воздерживаясь от открытой антикитайской риторики и пытаясь провести на своей территории тройственный саммит лидеров Китая, Японии и РК.

Р.Н. Лобов (РИСИ) осветил основные тенденции развития политического диалога между Сеулом и Токио в период президентской администрации Юн Сок Ёля. Как показывают результаты исследования, развитие политического диалога с Японией остаётся принципиальным вопросом внешнеполитической стратегии президента РК. Политический диалог между Сеулом и Токио имеет две важных составляющих. Первая из них затрагивает двусторонние контакты на высшем и высоком уровне. В данном случае сторонам удалось существенно повысить интенсивность двустороннего взаимодействия, охватывающего как сферы безопасности на Корейском полуострове, так и проблемы экономического, финансового и научно-технического сотрудничества. Второй аспект южнокорейско-японского диалога касается участия Сеула и Токио в трёхстороннем взаимодействии США, Республики Корея и Японии. Как показывает практика, благодаря модераторским усилиям администрации Дж. Байдена и готовности Юн Сок Ёля пойти на определённые уступки ради конструктивных отношений с Японией, сторонам удалось добиться перезапуска трёхстороннего взаимодействия, сделав определённые шаги к его институционализации. В докладе также был отмечен ряд препятствий на пути анонсированного президентом Юном повышения уровня политического диалога между Сеулом и Токио.

Д.Н. Козлова (ИКСА РАН) осветила трансформацию политики РК на Ближнем Востоке, которая выражается в усилении присутствия южнокорейского государства в регионе с распространением сотрудничества на такие сферы, как атомная и космическая промышленность, ВПК и сфера безопасности. Тенденция на усиление присутствия РК на Ближнем Востоке продолжилась и при администрации действующего президента Юн Сок Ёля. Появляются и предпосылки к проведению более независимой внешнеполитической линии на Ближнем Востоке. В академической среде среди южнокорейских исследователей высказывается точка зрения об ослаблении влияния США в регионе и появлении «пространства для манёвра», которое может быть использовано в интересах Сеула. В 2023 г. тезис о «снижении вовлечённости США в дела Ближнего Востока» и «падении влияния США» на страны Магриба появляется в Белой книге дипломатии. С другой стороны, с ростом амбиций РК на Ближнем Востоке становятся очевидны пределы самостоятельности политики Сеула на этом направлении, особенно в случаях, когда экономические интересы Сеула идут вразрез с базовыми принципами политики США. Примером этому служат отношения с Ираком, Ираном и Сирией, а в последний год и с таким традиционным партнёром, как Саудовская Аравия.

После выступления докладчиков состоялась оживлённая дискуссия и обмен мнениями среди участников конференции.

Третье и четвёртое пленарные заседания в первый день работы конференции были посвящены экономическим аспектам и включали в себя восемь докладов.

М.П. Кукла (Восточный институт — Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета) посвятила свой доклад анализу динамики прямых зарубежных инвестиций Республики Корея в 2010–2020 гг. Эксперт отметила, что в последние несколько лет Республика Корея является нетто-экспортёром

капитала: ежегодный отток инвестиций в несколько раз превышает их приток. По данным UNCTAD, в 2022 г. объём прямых зарубежных инвестиций РК составил 66,4 млрд долл., тогда как объём прямых иностранных инвестиций, пришедший в Республику Корея – всего 17,9 млрд долл. За минувшие пять лет разрыв между притоком и оттоком капитала увеличился в полтора раза. Причём лидерами по привлечению капитала из Южной Кореи в 2023 г. стали США (на их долю приходится половина вывезенного из РК капитала) и Канада. Наряду с ростом взаимодействия с Мексикой это свидетельствует о тренде на укрепление отношений с США в русле френдшоринга. Крупным получателем южнокорейского капитала остаётся Вьетнам, тогда как инвестиции в Китай продолжают уменьшаться.

Вызвал большой интерес доклад **В.Е. Грудева** (Министерство инвестиций, промышленности и внешних связей Сахалинской области, Южно-Сахалинск), в котором автор проанализировал проблемы и перспективы российско-южнокорейского научно-технического сотрудничества на примере Сахалинской области. Во время выступления докладчиком справедливо было отмечено, что научно-техническое сотрудничество наших стран с момента зарождения фокусировалось в основном на «брендах» – ведущих ВУЗах, крупных предприятиях, правительственных учреждениях, ответственных за развитие науки и техники. Однако время этого подхода уходит в прошлое. В текущей геополитической обстановке отношения с Республикой Корея могут поддерживаться на уровне регионов, малого и среднего бизнеса, провинциальных университетов и отдельных исследователей, что подтверждается опытом Сахалинской области. Такое сотрудничество не только позволяет «обходить» некоторые санкции, но и отвечает долгосрочным интересам научно-технического развития России. Оно же в отдалённом будущем послужит делу возобновления полноценного научно-технического сотрудничества наших стран.

Продолжила тему сотрудничества между нашими странами **Н.Ю. Пасько** (НИУ ВШЭ). Тема её исследования – влияние ограничений Республики Корея на экспорт в Россию в 2022–2023 гг. Докладчица подробно проанализировала меры экспортного контроля РК, которые были введены в 2022 г. в отношении 57 товаров и технологий, поставляемых в Россию, указав, что в 2023 г. список был значительно расширен. В своём докладе Н.Ю. Пасько рассмотрела, в какой степени эти ограничения стали причиной падения товарооборота, а также исследовала основные категории поставляемых в РФ из РК товаров и группы, которые были более всего затронуты мерами экспортного контроля РК.

Остросоциальную тему подняла на конференции **Е.В. Проткова** (ИКСА РАН), осветив проблему старческой бедности, уровень которой в Республике Корея является самым высоким среди стран ОЭСР. Вдобавок к этому, согласно прогнозам, удельный вес населения старше 65 лет достигнет к 2025 г. в южнокорейском обществе более 20 %, что сделает его сверхстарым. В числе основных причин высокого уровня бедности среди пожилого населения докладчица отметила изменения в структуре южнокорейской семьи, которые привели к тому, что старшее поколение лишилось финансовой поддержки, которую в русле общественных традиций им всецело оказывали взрослые дети. К тому же из-за больших расходов на помощь детям, культуры чрезмерного потребления и проблем с долгами корейцы часто подходят к пенсионному возрасту без накоплений. При этом пенсионная система Республики Корея всё ещё несовершенна, что особенно заметно в связи с сильной поляризацией общества.

Четыре остальных доклада экономического пленарного заседания были логически связаны между собой и посвящены проблемам инноваций и высокотехнологичной индустрии. Первой эту тему раскрыла **А.Г. Зуева** (ИКСА РАН), которая в своём выступлении рассказала о высокотехнологичном экспорте РК и тех вызовах, с которыми он столкнулся на современном этапе. Автор пришла к выводу, что несмотря на то, что правительство РК активно поддерживает рост высокотехнологичного экспорта, по мере втягивания РК в ось технологического и экономического противостояния между КНР и США южнокорейское высокотехнологичное производство будет постоянно сталкиваться с большим количеством вызовов. Вероятно, что обозначенных правительством Южной Кореи мер по развитию высокотехнологичной отрасли, а вследствие этого и роста конкурентоспособности экспорта может быть недостаточно в средне- и долгосрочной перспективе, поэтому необходим комплексный подход, который будет включать не только меры инвестиционного характера, но и разработку сбалансированной внешнеэкономической политики.

Основные направления развития «новой мобильности» в Республике Корея и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в данной области были представлены **П.С. Лешаковым** (ИКСА РАН). Автор рассказал, что автомобилестроение является одной из ключевых высокотехнологичных отраслей южнокорейской промышленности, продукция которой входит в десятку основных экспортных товаров. При этом РК рассматривает развитие технологий «мобильности будущего» в качестве одного из важнейших драйверов экономического роста, который позволит стране выйти на позиции «премиального бренда» в мировой экономике. Что касается двустороннего сотрудничества в этой сфере, то специалист отметил, что до 2022 г. российские инновационные компании активно сотрудничали с южнокорейскими партнёрами в области автономного вождения, в сфере разработки аккумуляторных технологий следующего поколения и т.д. Автор особо подчеркнул, что именно в сфере, связанной с «новой мобильностью» и водородной энергетикой, прежде всего следует ожидать восстановления двустороннего экономического взаимодействия.

В.Г. Самсонова (ИКСА РАН) в своём докладе о научно-технической политике РК и проблеме дефицита кадров отметила, что с одной стороны РК активно вкладывается в НИОКР, южнокорейские компании являются лидерами по внедрению технологических новинок, университеты входят в мировые рейтинги лучших учебных заведений; однако нехватка кадров ощущается практически во всех инновационных отраслях: например, в сфере программного обеспечения, искусственного интеллекта, автомобилестроения, биотехнологий и здравоохранения. По мнению докладчицы, несмотря на все усилия по подготовке кадров и привлечению специалистов из-за рубежа, проблема кардинально не решается и в дальнейшем будет только усугубляться.

Оживлённую дискуссию вызвал доклад **Л.И. Сёминой** (ИКСА РАН), посвящённый инновациям в сфере здравоохранения РК. Автор указала, что пандемия коронавируса стала для РК стимулом для более активного развития и внедрения инноваций именно в сфере здравоохранения, что было глобальным трендом в 2020–2021 гг. Южная Корея активно взаимодействует с компаниями-лидерами рынка при одновременном развитии собственных разработок и производств. В стране существуют специальные платформы для тесного сотрудничества государства, науки, медучреждений и промышленности, которые позволяют

разрабатывать и внедрять технологии. Эксперт также отметила, что при этом существуют и вызовы для дальнейшего инновационного развития сферы здравоохранения: в частности, в стране недостаточно развита правовая база для применения технологий, к тому же сотрудничество с иностранными компаниями имеет и отрицательную сторону – в стране есть компании, занимающиеся разработками, однако они зависят от лицензирования иностранного ПО и вынуждены часть своих бюджетов выделять на иностранное сотрудничество, а не вкладывать в собственные проекты.

Второй день конференции и пленарное заседание по истории открыл доклад **О.В. Дьяковой** (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), посвящённый каменной крепости Шуйдаочэн и её археологическому эквиваленту в Приморье. Докладчица представила историю изучения крепости с момента археологических раскопок на территории Приморья и подробно описала топографию погребения. В результате исследования погребальных украшений – бронзовых бубенчиков – было выяснено название крепости, выгравированное на их поверхности. Уточнения перевода данной иероглифической надписи позволило определить статус постройки – не выше уездной. Благодаря анализу технологии постройки, которая была определена как когурёская, автор сделала вывод о принадлежности Шуйдаочэн к морской магистрали, связывавшей государства Корейского полуострова в раннее Средневековье с бохайцами и мохэсками.

Н.В. Финько (кафедра корееведения СПбГУ) рассказала об исследовании политики правительства Кочжона в сфере образования в Корее. Особое значение реформам образования, как отметила автор, придавалось королём для сохранения суверенитета страны, основой которого могли стать только образованные подданные. Однако провозглашение равноправия между разными слоями населения в 1894 г., хоть и было направлено на расширение доступа к образованию среди простого народа, не привело к значительным изменениям. Реформы после создания Корейской империи были продиктованы принципом «*кубон-синчхам*» и направлены на сохранение конфуцианских основ при изучении достижений западной цивилизации. С началом XX в. по стране начали массово открываться образовательные учреждения, в учебную программу были внесены изменения, направленные на развитие преданности и патриотизма у граждан.

Особенности жизненного уклада КНДР в период 1948–1950 гг. раскрыл в своём выступлении **С.О. Курбанов** (кафедра корееведения СПбГУ). Несмотря на представления о Северной Корее как о коммунистическом государстве, после 1948 г. в ней сохранилось много элементов периода колониального господства: частные предприятия, рестораны, ателье. Религиозная жизнь также была разнообразна: в КНДР 1949 г. было около 900 тыс. верующих-протестантов и 375 тыс. исповедующих буддизм, а также 99 церквей национального религиозного учения *чхондогё*. В северокорейской кухне до 1950 г. были широко представлены блюда не только традиционной, но и японской, европейской и американской кухни. Оживлённую дискуссию вызвал вывод докладчика об отражении Корейской войны на построении авторитаризма в КНДР: Н.Н. Ким был озвучен вопрос о возможности сохранения демократической инфраструктуры, если бы перемирие было подписано в 1951 г.

Продолжая рассмотрение периода 1948–1950 гг. на Корейском полуострове, **Е.М. Ермолаева** (кафедра корееведения ДВФУ) выступила с докладом, посвящённым деятельности специального комитета по расследованию преступлений против нации

в Республике Корея. Закон о наказании за преступления против нации, с одобрения которого началась работа комитета и специальных судов, полиции и прокуратуры, был принят в 1948 г., однако сразу же встретил сопротивление со стороны Ли Сын Мана и силовых структур. Причиной провала комитета автор называет, ссылаясь на корейские исследования, укрепление прояпонских элементов в новой администрации. Оно послужило причиной завершения работы комитета и поправки к указанному закону, устанавливающей срок исковой давности.

В ходе дискуссии Н.Н. Ким назвала противостояние комитета и администрации истоком дальнейшей конфронтации парламента и исполнительной власти. Обсуждение также вызвало вопрос о возможных путях исторического развития Республики Корея, если бы в государственном аппарате не упрочили своё положение коллаборационисты. Однако участники дискуссии пришли к выводу, что на фоне холодной войны левые были для американской администрации большей угрозой, чем прояпонские деятели.

Доклад **Н.Н. Ким** (ИВ РАН) был посвящён политике памяти и воспитанию патриотизма в Республике Корея. Расхождение между консерваторами и прогрессистами в 2023 г. было связано с размещением бюста борца за независимость Кореи Хон Бом До у входа в Военную Академию Сухопутных войск Республики Корея. Фигура исторического деятеля оказалась предметом споров во многом из-за его принадлежности к ВКП(б), как называлась до 1952 г. Коммунистическая партия Советского Союза, что противоречит положению «новых правых» консерваторов об основании государства в 1948 г. на принципах колониальной модернизации и антикоммунизма. Автор приходит к выводу, что существенные противоречия между консерваторами и прогрессистами по вопросу исторического наследия отдаляют возможность будущего общественного примирения в Республике Корея. По общему мнению участников дискуссии, позиция «новых правых» усугубляет общественный раскол, поскольку впервые о создании сепаратного правительства заявил именно на Юге Ли Сын Ман.

Завершил историческую секцию доклад **И.В. Дьячкова** (МГИМО МИД России), в котором автор изложил позицию администрации Юн Сок Ёля относительно дипломатических кризисов в отношениях с Японией. После прихода к власти консерваторов в 2022 г. исторические обиды между РК и Японией могли стать «камнем преткновения» в вопросе военного сотрудничества Сеула, Вашингтона и Токио. В этой связи во внешней политике РК акцент с преступлений японской колониальной администрации был смещён на северокорейскую угрозу. Подобное «предательство национальных чувств», подчёркивает автор, вызвало резкую критику со стороны оппозиции и ослабило дипломатическую линию Сеула.

Параллельно с обсуждением исторических вопросов пленарное заседание по культуре открылось серией докладов, посвящённых литературе. **И.В. Цой** (кафедра корееведения СПбГУ) одной из первых подняла вопрос о понятии «постмодернизм» в южнокорейской литературе, поскольку в литературной среде пока не сформировалось чёткого представления о постмодернизме в южнокорейской прозе. Специфика южнокорейской постмодернистской прозы, как рассуждает докладчица, заключается в языке написания и художественных особенностях произведений. Южнокорейские писатели-постмодернисты деконструируют реалии периода своей литературной деятельности и представляют читателю новые средства для переосмысления мира. Отвечая на вопросы во время обсуждения, И.В. Цой ещё раз

подчеркнула сложность определения жанровой принадлежности южнокорейской литературы из-за влияния национального языка на стиль и содержание произведения.

Тему чтения в современной Южной Корее продолжила **А.А. Гурьева** (кафедра корееведения СПбГУ), рассмотрев проекты по его популяризации среди населения. Для этого в Республике Корея производится открытие мини-библиотек, создание новых локаций, посвящённых литературе и книгам и другие проекты. Инициаторами зачастую выступает администрация и политические деятели. Докладчик акцентировал внимание на образованности и начитанности политиков в контексте их положительного образа и отметила преемственность читательского образа президентов прошедших десятилетий. Е.А. Похолкова задала вопрос о корейской специфике популяризации чтения, и в своём ответе автор доклада связала инициативы правительства по популяризации литературы с быстрым темпом жизни и отсутствием времени на чтение.

Последний посвящённый литературе доклад был представлен **М.Е. Осетровой** (ИКСА РАН). Автор сосредоточила внимание на отражении русских реалий в современной южнокорейской прозе и проследила их связь с образом России в Республике Корея. Россия в глазах литераторов предстаёт страной с богатым культурным достоянием. Также упоминается роль России и СССР в корейской истории, в книгах находят отражение судьбы советских корейцев. В.Е. Сухинин прокомментировал негативные изменения образа России в южнокорейском обществе. Отвечая на вопросы, автор предложила сохранять и расширять связи России и Республики Корея не только на государственном, но и на предпринимательском уровне.

Актуальную тему семейных и гендерных отношений в Республике Корея подняла в своём выступлении **О.В. Хан** (Центр азиатских исследований при Сеульском национальном университете). Проанализировав динамику образа невестки в кинематографе Республики Корея, автор приходит к выводу, что в современных сериалах и фильмах традиционный образ женщины как матери и домохозяйки проходит переосмысление. Докладчица на примере сериала «Невестка: нет, спасибо» иллюстрирует критическое отношение современных режиссёров к второстепенной роли женщины в семье.

О.В. Лазарева (Европейский университет в Санкт-Петербурге) познакомила аудиторию с южнокорейским трендом «культуры исцеления». Поклонники популярной южнокорейской культуры (К-поп фандом) в России, как отмечает автор, наделяют контент медицинскими свойствами, описывая свой путь к эмоциональному благополучию через «лечебное» обращение к культуре. Участники дискуссии обсудили вопросы перевода термина «хилинг» – «исцеление» – в южнокорейской культуре.

Завершил пленарное заседание доклад **Е.А. Хохловой** (НИУ ВШЭ), посвящённый деятельности лидера музыкальной группы BTS Ким Нам Джун по популяризации южнокорейского искусства. В 2022 г. Ким Нам Джун был назван одной из самых влиятельных фигур в корейском искусстве. Лидер группы BTS выступает популяризатором корейского искусства, влияет на взгляды молодёжи и привлекает международное внимание к южнокорейскому искусству. Выступление вызвало живую дискуссию о национальном брендинге BTS, роли популярных личностей как культурных амбассадоров. Эксперт прокомментировала возможность сотрудничества Ким Нам Джун с правительством РК в дальнейшем для продвижения национального бренда.

В годовщину 160-летия переселения корейцев в Россию в рамках конференции начала работу отдельная секция, посвящённая судьбе *корёин* – этнических корейцев, проживающих на постсоветском пространстве. В рамках новой секции корееведы из бывших советских республик рассказали об истории и современном положении *корёин* в странах Центральной Азии. Первым выступил **В.С. Хан** (Университет Пучон, Ташкент) с докладом о парадоксах миграционной спирали корейцев. После 1991 г. была отмечена миграция корейцев с территории стран бывшего СССР в Южную Корею. Сейчас в РК находятся около 100 000 *корёинов*, большую часть которых составляют узбекистанские корейцы. Корейцы Центральной Азии стали существенно отличаться от корейцев полуострова по языку, образованию и менталитету, мировоззрению, идеалам, ценностям, поведению и обычаям. Их культурный фонд соткан из различных культур – корейской, русской, европейской, советской и центральноазиатской, а идентичность подверглась серьёзной трансформации. Для *корёин*, проживавших в СССР/СНГ, Корея была исторической родиной. Но если они уже по 15–20 лет проживают в Корее, их дети ходят в детские сады и школы, то что для них, родившихся в Узбекистане, а ныне живущих в Корее, является исторической родиной? И как назвать узбекистанских корейцев, ныне живущих в Корее? Корейская диаспора (*корё сарам*, *корёин*) в Корее?

По мнению докладчика, корейцы Узбекистана становятся не только частью корейской мета-нации, но и транснациональной общностью – людьми, живущими «на два дома», считающими и Узбекистан, и Корею своей родиной. Этот феномен ещё недостаточно осмыслен как в науке, так и на политическом уровне.

Тему анклавов русскоязычных корейцев на территории Южной Кореи продолжил в своём выступлении **В.С. Акуленко** (ДВФУ). На основе проведённого полевого исследования автор определяет «*корёин майль*» как районы проживания сообществ мигрантов из России и стран СНГ, основой которых стали русскоязычные корейцы. Процесс формирования «*корёин майль*» начался в 2010-х гг. в связи со смягчением южнокорейского законодательства в отношении соотечественников за рубежом и ухудшением экономической ситуации на постсоветском пространстве. К настоящему моменту крупные этнокультурные анклавы Кванчжу, Инчхон и Ансан являются сформировавшимися, что определяет наличие на их территории развитого уровня инфраструктуры, этнических бизнесов, доминирования этнической группы. К развивающимся «*корёин майль*» докладчик отнёс остальные анклавы, в т.ч. Асан, Ансон, Хвасон, Тэгу, Кёнчжу, Кимхэ.

Историю и современное состояние корейцев в Беларуси описала в своём докладе независимый исследователь и публицист **Т. Немчинова**. Автор связывает успехи своих соотечественников с многонациональностью Беларуси, где обосновались около 1,2 тыс. корейцев. В качестве члена Совета Ассоциации белорусских корейцев докладчик не только поделилась собственным опытом пребывания кореянки в Беларуси, но и рассказала об их трудовой и культурной деятельности. Корейская община организует ежегодный Фестиваль корейской культуры в г. Минске и выступает на Республиканском фестивале национальных культур. Посольство Республики Корея активно взаимодействует с белорусскими корейцами, благодаря их помощи была выпущена книга «Одиссея корейцев в Беларусь: [истории жизни этнических корейцев, проживающих в Беларуси] / Ассоциация белорусских корейцев», где описывалась деятельность корейской общины, был представлен избранный список этнических корейцев с 1950 г. до наших дней.

В.М. Ким (НАНТ, Душанбе) посвятил своё исследование теме «Корейцы Таджикистана: история и современность». Эксперт отметил, что основной приток корейцев в Таджикистан пришёлся на конец 1950-х – начало 1960-х гг. из Узбекистана. Максимальная численность корейцев в 14 тыс. человек была достигнута в 1990 г. После 1991 г. и по настоящее время судьба корейцев Таджикистана занимает особое место в истории этой диаспоры в странах СНГ. Во-первых, корейцы Таджикистана имеют прямое отношение к установлению дипломатических отношений между Таджикистаном и Республикой Корея. Во-вторых, они имеют опыт выживания и работы в условиях межнациональных конфликтов, гражданской войны и постконфликтного периода. В-третьих, корейцы Таджикистана первыми из зарубежных корейских диаспор стали заниматься политической деятельностью в стране проживания. В-четвёртых, они первыми проходили этап вынужденного социального эксперимента: прогнозирование будущего в условиях динамичного уменьшения численности диаспоры до предельно низкого уровня.

Завершающий доклад **Ж.Г. Сон** (НИУ ВШЭ) был посвящён проблемам политической интеграции этнических корейцев в Республике Корея. Автор проанализировала текущую ситуацию с русскоязычными корейцами, иммигрировавшими в Республику Корея по политическим и экономическим причинам, выявила ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются. Ж.Г. Сон отметила, что для регулирования работы с зарубежными корейцами в феврале 2023 г. в Национальном собрании было создано Управление по делам зарубежных корейцев (**재외동포청**). Также вместо Комитета по делам зарубежных корейцев при Министерстве иностранных дел был создан Комитет зарубежных корейцев (**재외동포위원회**) при президенте Республики Корея. Однако при этом для успешной интеграции трудовых мигрантов из СНГ необходима эффективная иммиграционная политика Республики Корея. Существующие законы в РК препятствуют долгосрочному пребыванию этнических корейских иммигрантов из России и СНГ, которые составляют рабочую силу, необходимую для малого и среднего бизнеса, и создают юридические и другие бюрократические трудности для их деятельности в стране.

После пленарных заседаний состоялась оживлённая дискуссия, в которой приняли участие как учёные и специалисты, находившиеся на мероприятии, так и эксперты, подключившиеся онлайн из разных городов России и СНГ.

По результатам конференции и на основе представленных материалов будет подготовлена коллективная монография.

Поступила в редакцию: 24.05.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

Received: May 24, 2024

Accepted: Jun 3, 2024

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 2, 2024

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 20.06.2024

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 2, 2024

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: Jun 20, 2024

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

